ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (158). Август, 2016

Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2016

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)

Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)

В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)

П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия
«Общественные и гуманитарные науки»

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 5 (158). August, 2016

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2016

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)

Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexica)

T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)

V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKIY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)

P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)

K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board
"Social Sciences & Humanities"

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)

P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)

U. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

E. LELIS
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Разумова И. А.
Деятельность Русской православной церкви по увековечению памяти погибших моряков «Курска» **7**

Шикалов Ю. Г.
История в формировании региональной идентичности жителей г. Выборга в советский и постсоветский периоды **13**

Кулагин О. И.
Госплан СССР как институт регулирования советской лесной экономики (вторая половина 1940-х – 1980-е годы) **21**

Пашкова Т. В.
Испуг как причина и способ лечения заболеваний в народной медицине карел **26**

Шорохова И. В.
Политическое просвещение творческой интеллигенции Карелии в период хрущевской оттепели . . . **30**

Ондриков К. В.
Социальный состав Вологодского земства в 1870–1917 годах **35**

Сабуров А. А.
Кадровое обеспечение советских арктических исследований в 1920-е годы **41**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Садова Т. С.
Этимологическая магия в русских снотолкованиях **46**

Воротилина Е. Н., Николаева О. О.
Объективация концепта «Vergangenheit» в немецкой языковой картине мира **50**

Камитова А. В.
Книга и письменность в традиционных представлениях удмуртов **55**

Кюршунова И. А.
Прибалтийско-финские и саамские именования как компоненты антропонимической системы Карелии XV–XVII веков **64**

Неганова Г. Д.
Отапеллятивные топонимы на карте фарватера реки Волги: структура и принципы номинации . . . **73**

Хазиева-Демирбаш Г. С.
Этнокультурное пространство личных имен в тюрко-татарских дастанах **77**

В. Лю
Матрицы как разновидность устойчивых структур в профессиональной спортивной терминологии **83**

Дранникова Н. В.
«Капитанская деревня»: к вопросу о локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области **88**

Изместьева И. А.
Ритмические особенности летописной повести «О убьеньи Борисовѣ» **95**

Старыгина Н. Н.
Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н. С. Лескова **98**

Заваркина М. В.
Утопия и миф в повести А. Платонова «Джан» **105**

Гларианто́ва Е. В.
Перевод «Посланий» Горация А. Кантемиром **110**

Рецензии

Ружинская И. Н.
Рец. на кн.: Православный словарь Кольского Севера **115**

Информация для авторов **117**

Contents **118**

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство "Книга-Сервис"» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу http://biblioclub.ru

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.08.2016. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 85 экз.). Изд. № 125

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 7–12 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 281.9+623.8(470.21)

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ МОРЯКОВ «КУРСКА»

Рассматривается проблема конструирования социальной памяти на примере конкретного исторического события – гибели в Баренцевом море 12 августа 2000 года атомной подводной лодки «Курск». Создание комплекса мемориальных объектов, местных святынь и их популяризация в процессе религиозно-просветительской деятельности способствовали упрочению позиции Мурманской и Мончегорской епархии и ее руководства в Русской православной церкви, обществе и государстве, а также укреплению связей церкви с Военно-морским флотом Российской Федерации. Активная работа по выполнению мемориальной функции стала одним из важных факторов развития церковной инфраструктуры региона. Центральным местом поклонения погибшим морякам стало Серафимовское кладбище в Санкт-Петербурге. Церковное почитание погибших подводников в разных городах и местностях страны проявляется в создании православных сооружений и различных мемориальных акциях.

Ключевые слова: социальная память, мемориальные объекты, гибель «Курска», церковный культ

Создание местного церковного культа

К настоящему времени многочисленные исследования убедительно показали возможности управления социальной памятью [10], [11], [12], [13]. Конструирование памяти осуществляется в процессе коммеморативной деятельности определенных социальных групп и институтов, выступающих в роли политических субъектов. Соответственно, различаются цели и формы работы по «увековечению памяти» при общем признании ее необходимости.

Значительные возможности для осуществления «политики памяти» предоставило трагическое событие 12 августа 2000 года – гибель в Баренцевом море атомного подводного крейсера «Курск». В деятельности по мемориализации погибших моряков, как и по ритуальному обеспечению прощальных мероприятий, исключительную роль сыграло духовенство Мурманской и Мончегорской епархии. В частности, много сделал для увековечения памяти о «курянах» игумен Митрофан (Баданин) как авторитетный священнослужитель епархии, православный историк, в прошлом – моряк, в настоящее время – епископ Североморский и Умбский, публикации которого представляют очень информативный источник [5], [6]. В текстах Баданина погибшие часто называются «ребятами с “Курска”». Это обозначение указывает не только на профессиональную и потому допускающую фамильярность близость автора к усопшим собратьям. Слово «ребята», которое чаще всего используется в общении с людьми младшего возраста и детьми, приобретает особый смысл в контексте идеи невинности мучеников.

В духовной среде существовала идея о присвоении всем подводникам «Курска» статуса местночтимых святых. По утверждению писателя В. В. Шигина, такое мнение было высказано священником церкви в поселке Видяево: «Они все великомученики, а потому для нас они святы! – говорит мне отец Сергий на прощание» [9: 314]. Надо полагать, данное предложение звучало и на более высоком уровне. Нет сомнений, что положительное решение вопроса и расширение пантеона Кольских святых за счет моряков-мучеников могло бы значительно укрепить позиции епархии, увеличить ее символический капитал в РПЦ. Однако по каноническим основаниям официальный статус жертвам катастрофы присвоен не был. Вместе с тем неофициальный статус «мучеников “Курска”» закрепился за ними в массовых представлениях благодаря не только религиозным, но и светским текстам.

Первостепенное значение для оформления культа подводников-мучеников имела большая работа по созданию культовых объектов, предметов, святынь. Руководство епархии постановило «написать четыре памятные иконы: Спасителя, Божьей Матери “Курской”, Николая Чудотворца и князя Владимира Крестителя Руси. А по периметру этих икон, на полях дать портреты всех 118 погибших моряков в белых одеждах» [6: 61]. Автор свидетельствует, что это решение было принято 28 августа 2000 года в праздник Успения Божией Матери, когда владыка Симон отслужил первую панихиду по морякам «Курска» в селе Варзуга и состоялось рукоположение Сергия Шерфетдинова, который был назначен священником православного прихода в поселке

© Разумова И. А., 2016

Видяево. Решение создало конфликтную внутрицерковную ситуацию. Защитники «истинной веры» и обрядовых канонов не считали правомерным изображать на иконах портреты погибших подводников, среди которых были и некрещеные, и мусульмане. Тем не менее иконы были написаны и освящены, вопреки оппонентам.

Согласно аргументации игумена Митрофана, «в традициях иконописи для наполнения сюжета при раскрытии образа допускается использовать самые различные изображения людей, предметов или ангелов. И подчас эти персонажи икон вовсе не святые». Кроме того, «относительно рамы для иконы канонов никаких не предусмотрено и традиций не установлено». Наконец, «иконы памяти погибших ребят с "Курска" можно было написать только по любви, а не по правде» [6: 69]. Очевидно, именно эти аргументы были приняты во внимание высшей церковной инстанцией. Идея написания памятных икон обсуждалась со Святейшим Патриархом Алексием II и была полностью им одобрена, а потому и успешно реализована.

20 сентября 2000 года, на сороковой день гибели «Курска», в Видяево освятили Свято-Никольскую церковь-памятник, для которой были нужны памятные иконы. Яркая история написания икон выстроена православным автором в полном соответствии с традициями легендарного повествования. Для иконных досок были использованы деревянные балки от алтарного перекрытия Собора Владимирской Божьей Матери в Санкт-Петербурге, оставшиеся после ремонта собора, возвращенного верующим. Автор определяет их возраст концом XVIII века. С самого начала их изготовления новые иконы обретают свойства старинности и «намоленности»: «Старые доски, пропитанные ладаном бесчисленных богослужений, опытные столяры припрятали до подходящего случая. И вот такой случай настал» [6: 64].

Процесс создания икон традиционно сопровождается символическими совпадениями, предзнаменованиями. Написание икон и портретов погибших моряков было поручено иконописцу Евгению и его знакомой художнице Инне из Санкт-Петербурга. Просьба о выполнении этой работы по времени совпала с днем свадьбы Евгения. Ранее, «в дни переживаний о "Курске", до ритуальных мероприятий, церковному ювелиру Николаю, сыну моряка-подводника, приснилась икона. Лишь позже стало понятным еще одно важное обстоятельство. Образ Божьей Матери "Спасающая-на-Море", который увидел Николай, идентичен образу на знаменитой древней иконе Божией Матери "Курская", которая с XIII века имеет уточняющее название "Коренная". Именно этот образ Божией Матери "Курской Коренной" благословил в это же время писать и архиепископ Симон для одной из тех четырех икон, что с портретами подводников на полях» [6: 79].

Если для профессионального иконописца работа по созданию памятных икон большой проблемы не составляла, то непривычная и новаторская для иконописания задача изобразить 118 человек по их фотографиям, чем должна была заниматься Инна, была «сложности чрезвычайной», «выше человеческих сил» и «по сути, невыполнимая». Исполнителей «поддерживало и укрепляло лишь чувство сопричастности чему-то очень важному и угодному Господу» [6: 66–67]. Таким образом, успешное преодоление технологических трудностей может быть интерпретировано как чудо или знак высшей воли, божественной помощи: «Фотографии подводников были, во-первых, черно-белые, а во-вторых, очень многие из них любительские, увеличенные с совсем маленьких, случайных снимков. Плюс ко всему, не обошлось и без "козней лукавого": большинство фотографий оказалось зеркально перевернутым. Как такое могло получиться – непонятно. Хорошо, что это вовремя было обнаружено, поскольку в противном случае ни о каком портретном сходстве не могло быть и речи» [6: 66–67].

Четыре памятные иконы: Курская Коренная, Господь Вседержитель, равноапостольного князя Владимира, Николая Чудотворца, – на которых по периметру изображены члены экипажа в качестве уникальных экспонатов, представляли Мурманскую епархию на выставке «Русь православная» в Москве в 2004 году.

Что касается иконы «Спасающая-на-Море», явившейся в видении Николаю, то у нее своя история. На сайте ЗАТО Видяево указано, что прекрасный иконостас с иконой Божьей Матери «Спасительница утопающих» подарил Свято-Никольской церкви блаженной памяти Святейший Патриарх Алексий II [8]. Икона была написана художниками иконописной мастерской «София» в городе Ярославле, причем, по словам визионера, они смогли воспроизвести увиденный и пересказанный им сюжет, к которому добавили некоторые детали (118 свечей, расположенных в виде силуэта подводной лодки). Через два месяца икона была готова. В 2001 году она экспонировалась в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Игумен Митрофан свидетельствует, что, «даже несмотря на обстановку музея, многие молились перед образом, вставали на колени». После этого образ находился в резиденции Святейшего Патриарха, и Алексий II перед ним две недели молился. Если сама икона была написана «во славу Божию», то ее «достойное украшение», ювелирный оклад, потребовал привлечения столь же достойных средств. В спонсорскую «инициативную группу», как называет ее один из главных организаторов мероприятия, вошли представители отдела

безопасности ООО «Межрегионгаз», члены ассоциации ветеранов специальной разведки ВМФ, моряки-подводники, проживающие в США, и некоторые другие лица. К первой годовщине памяти трагедии «Курска» работа была закончена, и икона Божьей Матери «Спасающая-на-Море» спецрейсом из Москвы была доставлена в Мурманск, а затем в Видяево [6: 79].

К той же поминальной дате Видяеву были подарены еще две иконы Божьей Матери «Федоровская», которые привезли из Костромы. С этими иконами связано чудо: «…позже люди стали замечать, что на обеих иконах руки Богоматери и ножки Младенца стали выглядеть как бы “обгоревшими”» [6: 69]. Символика ассоциируется с тем, что, как установило следствие, последние оставшиеся в живых подводники, «мученики девятого отсека», в конечном счете, погибли в результате пожара.

Священной церковной реликвией стала «Неугасимая лампада “Курска”» – напрестольная лампада, изготовленная по специальному заказу из плафона аварийного освещения 9-го отсека, в котором 12 августа 2000 года собрались оставшиеся в живых двадцать три моряка-подводника. Осенью 2000 года при обследовании лодки водолазами стекло плафона было поднято на поверхность вместе с фрагментами других уцелевших предметов.

Выполнив функцию «вещдока», стекло плафона было передано представителям церкви и ювелирно оформлено мастером-художником из Петербурга О. Тихомировым на средства, собранные жителями гарнизона Видяево. В настоящее время этот культовый предмет находится на престоле Свято-Никольского храма-памятника в поселке Видяево. Он представляет безусловный интерес как в мемориально-символическом отношении, так и с искусствоведческой точки зрения.

Статус храма-памятника имеют не только старинные церковные сооружения, имеющие историко-архитектурную ценность, но и церкви, построенные в память о значимых событиях. К таким относится историко-мемориальный комплекс в Ара-губе в ЗАТО Видяево. В настоящее время он объединяет храм, часовню и колокольню. История видяевского храма-памятника включает легендарный рассказ о провидческом желании его создания одним из погибших: «Незадолго до своего последнего выхода в море капитан 1 ранга Багрянцев сказал жене: “Знаешь, очень хотелось бы, чтобы в нашем гарнизоне был храм и батюшка!” Владимир Тихонович с божьей помощью сумел исполнить свое благое пожелание. Жизни моряков “Курска” как духовные кирпичики легли в основание Свято-Никольской церкви поселка Видяево» [6: 59]. Строительство осуществлялось по инициативе членов семей погибших подводников непосредственно в трагические августовские дни 2000 года, первой службой по завершении строительства была заупокойная панихида на 40-й день после гибели лодки. В 2003 году к храму была перенесена часовня, которая раньше размещалась на одной из улиц поселка. В 2005 году комплекс дополнила колокольня, сооруженная при помощи жителей Костромы [8].

Создание комплекса мемориальных объектов, местных святынь, связанных с катастрофой «Курска», их популяризация в процессе религиозно-просветительской деятельности, в частности экспонирование на столичной православной выставке, способствовали повышению статуса епархии и ее руководства. Эта деятельность не имела характера «кампании», она продолжилась на годы. В 2010 году вышла в свет книга Митрофана (Баданина) «Неугасимая лампада “Курска”. К 10-летию трагедии 12 августа 2000 года», и Издательский совет Московского Патриархата по результатам V конкурса «Просвещение через книгу» объявил это издание «Лучшей духовно-патриотической книгой».

Мемориальная деятельность укрепила связи епархии с Московским Патриархатом, а также с государственными, общественными (включая зарубежные) и коммерческими структурами, представляющими Военно-морской флот и государственную безопасность. Можно уверенно предположить, что активная работа по выполнению мемориальной функции стала одним из важных факторов развития церковной инфраструктуры региона. Решением Священного Синода Русской православной церкви от 2 октября 2013 года путем выделения из состава Мурманской епархии была создана Североморская епархия. В рапорте архиепископа Симона, направленном на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в частности, было сказано, что особенностью развития данного региона, следовательно, и его приходов является «концентрация по двум достаточно самостоятельным географическим направлениям. Первое – это материковая часть Кольского полуострова: центральные промышленные и сельскохозяйственные районы тундры; второе – это морское побережье, где базируется Северный флот, а также рыболовецкие поселения» [4]. Таким образом, новая Североморская епархия специально призвана духовно окормлять население территорий, преимущественно связанных с морскими профессиями, прежде всего воинскими. Церковь и Военно-морской флот Российской Федерации представительствуют свое органичное и нерушимое единство. Закономерно, что в декабре 2000 года, то есть через несколько месяцев после трагедии, глава Мурманской и Мончегорской епархии Симон (ныне митрополит) был награжден государственной наградой – орденом «Знак Почета».

Серафимовское кладбище

Естественно, что основными местами памяти о погибших являются некрополи, которые в настоящее время большей частью соединяют религиозную и светскую символику смерти с явной тенденцией к преобладанию первой. На Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга из 115 моряков «Курска», останки которых были преданы земле, захоронены 32 – наибольшее число. Как сказал корреспонденту «Известий» отец погибшего Дмитрия Колесникова, «главный мемориал – именно мемориал, а не простой памятник – должен появиться в Санкт-Петербурге, потому что здесь похоронен командир подводной лодки и многие офицеры. В этом городе получило образование большинство членов экипажа» [3].

Серафимовское кладбище имеет особое значение, осмысливаясь, во-первых, как место упокоения «мучеников», во-вторых, в качестве «морского». На нем, помимо десятков тысяч жертв блокады, воинов-интернационалистов, пожарных, погибших при исполнении служебного долга, и т. п., в братских захоронениях покоятся военные и гражданские моряки – жертвы морских катастроф, в том числе погибшие на подводной лодке «Комсомолец», и одной авиакатастрофы, в результате которой погибло почти все командование Тихоокеанского флота (1981 год).

Репутации некрополя способствовала личность настоятеля церкви, известного в среде верующих старца, протоиерея Василия Ермакова (скончался в 2007 году). Он руководил приходом в течение 26 лет и сумел «собрать вокруг этой маленькой церквушки и духовно окормлять многотысячный и удивительно деятельный “живой” приход, последнее время активно прираставший военными моряками» [6: 74]. После смерти старца место его захоронения на Серафимовском кладбище стало сакральным, причем оба культа – о. Василия Ермакова и моряков «Курска» – тесно связаны. Об этом, в частности, можно судить по оформлению захоронения и текстам-запискам, которые оставляют на могиле В. Ермакова или близ нее в специальном киоте.

Работы по созданию мемориала на Серафимовском кладбище были завершены в августе 2003 года. Им предшествовало и сопутствовало острое обсуждение вопросов, связанных с выбором конкретного места для захоронения, его оформлением, организацией и стоимостью работ. В частности, с точки зрения гуманистической и символической представлялось неоправданным и почти кощунственным захоронение останков подводников «на костях», то есть над братскими могилами защитников Ленинграда, которые, в свою очередь, как выяснилось, были сделаны поверх именных захоронений [1]. В итоге, мемориал был сооружен в том месте, где осенью 2000 года были сделаны первые два захоронения (капитан-лейтенантов Д. Колесникова и А. Бражкина). Он выполнен по проекту архитектора Г. Пейчева, на средства, выделенные общероссийским Национальным военным фондом, при участии Фонда памяти АПЛ «Курск», Санкт-Петербургского клуба моряков-подводников, регионального архитектурно-художественного фонда ООО «Гранит-Нева». Мемориал представляет собой площадку с индивидуальными захоронениями. Все 32 надгробия выполнены в одном стиле, различаясь в деталях, которые обсуждались с родственниками погибших. Помимо вариаций декоративного характера, есть собственно символические. Они связаны, прежде всего, с религиозной идентификацией погибших. В левом верхнем углу надгробия выгравирован символ либо вероисповедания (крест), либо профессии (якорь), на могильном камне доктора А. Станкевича – эмблема врача.

Центральная скульптура мемориала – установленная на черном гранитном постаменте бронзовая скульптура буревестника. Образ птицы – вестницы морского шторма, символизирующей беду, с религиозной точки зрения представлялся не вполне органичным или, по крайней мере, недостаточным. По этому поводу определенно высказался протоиерей Василий Ермаков на последней отслуженной им панихиде 12 августа 2006 года: «Мне было высказано пожелание, чтобы на месте захоронения моряков, погибших на “Курске”, не была изображена только эта тоскливая птичка, которая давит и от которой веет безысходностью, но чтобы была построена часовня в честь Николая Чудотворца» [6: 58]. Через пять лет, 12 августа 2011 года, на площадке мемориала был освящен гранитный поклонный киот, посвященный Николаю Чудотворцу, как место поклонения всем погибшим на водах. В сооружение вмонтирована мозаичная икона святого, а в основании высечено евангельское изречение: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Место поклонения освятил руководитель сектора ВМФ епархиального отдела по связям с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, настоятель Чесменской церкви протоиерей Алексий Крылов [2].

Крест на дне моря

Церковно-религиозное почитание погибших подводников осуществлялось и продолжается в разных городах и местностях страны, прежде всего в виде регулярных поминовений, и не только в местах их погребения. По свидетельству игумена Митрофана, протоиерей Андрей, настоятель храма Андрея Рублева в городе Братске Иркутской епархии, сообщал: «Каждое воскресенье мы служим панихиду по погибшим подводникам “Курска” с поминовением поименно. Такой порядок завели еще осенью 2000 года, и вот уже десять лет так» [6: 85].

В память о моряках «Курска» возведены и действуют различные православные сооружения. В городе Сестрорецке 17 сентября 2000 года была заложена и 16 сентября 2001 года освящена часовня святителя Николая Чудотворца. В селе Герасимово Суворовского района Тульской области построил часовню на свои сбережения капитан первого ранга Александр Борисов в память не только о подводниках «Курска», но и своем сыне – курсанте военно-морского училища, погибшем в море во время учебной практики. Часовня была освящена в честь святителя Николая в 2001 году. 12 августа 2003 года в часовне прошел молебен по морякам.

В то же время установленный ранее на берегу Баренцева моря в расположении дивизии православный крест приобрел новое значение в свете свершившегося события: «Напротив штаба дивизии на берегу Ара-губы металлический шестиконечный крест. Его поставили несколько лет назад. Точно такие же кресты я много раз видел в зарисовках о старых полярных экспедициях. Именно такие кресты на таких же каменных, почти безжизненных берегах ставили павшим первопроходцам. А потому для меня этот крест как первый памятник экипажу “Курска”» [9: 278]. Заметим, что кресты, аналогичные упомянутому, имели не только «поминальный» смысл. В первую очередь, они освящали территорию достигнутого первопроходцами «края земли».

В этой связи интересно символическое наполнение мемориальной акции, предпринятой в июле 2012 года в Баренцевом море. По инициативе международной ассоциации общественных организаций ветеранов ВМФ и подводников, при участии родных и близких членов погибшего экипажа и представителей командования Северного флота России был установлен православный крест в точке гибели атомной подводной лодки «Курск» на дне Баренцева моря. По сообщению пресс-службы Северного флота, «специально по заказу ассоциации в Киевском институте Патона был изготовлен крест высотой два метра со специальной системой затопления. При опускании на дно он будет держаться в вертикальном положении. В него была заложена капсула с землей, привезенной из Святой Успенской Киево-Печерской Лавры» [7]. Вышедшие в море на спасательном буксире вместе с другими участниками акции родственники погибших спустили на воду венки и землю с мест захоронения членов экипажа. Отметив «подводную могилу», православный крест фактически освятил глубины арктического моря и тем самым расширил пространство сакрального ландшафта памяти «моряков-мучеников».

Деятельность по созданию сакрального мемориального ландшафта объединила представителей разных групп и институтов: Военно-морского флота, государства, общественных организаций, семьи и других. Их конфликтующие «мирские» позиции и интересы, связанные с гибелью «Курска» и его моряков, оказались в гармонии с ценностями и интересами Русской православной церкви – в русле определенной «политики памяти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошина В. Волна от погибшей подлодки // Известия. Ежедневная газета. 2001. 25 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/253867 (дата обращения 10.03.2016).
2. В память об экипаже АПЛ «Курск» на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга освящен поклонный киот // Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник. 2011. 12 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.aquaviva.tmweb.ru/news/2011-08-12/2443.html (дата обращения 10.03.2016).
3. Гетманский К. Подводникам «Курска» поставили три памятника // Известия. Ежедневная газета. 2002. 12 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/265650 (дата обращения 10.03.2016).
4. Журналы заседания Священного Синода от 2 октября 2013 года. Журнал № 111 // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3275888.html (дата обращения 15.03.2016).
5. Игумен Митрофан (Баданин). Некоторые аспекты духовных причин катастроф и потрясений в жизни современного человека. К десятилетию трагедии АПЛ «Курск» // Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Третьи Феодоритовские чтения / Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск; СПб.: Ладан, 2011. С. 177–188.
6. Игумен Митрофан (Баданин). Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. СПб.; Мурманск: Ладан, 2010. 108 с.
7. На дне Баренцева моря установили памятный крест морякам «Курска» // Взгляд. Деловая газета. 2012. 31 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vz.ru/news/2012/7/31/591130.html (дата обращения 16.03.2016).
8. Никольский храм-памятник морякам АПРК “Курск” в поселке Видяево [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zatovid.ru/up/Pages/istvid/hram1.htm (дата обращения 12.03.2016).
9. Шигин В. В. АПРК «Курск». 10 лет спустя. Факты и версии. М.: Вече, 2010. 432 с.
10. Assman A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses (Hardcover). Published by C. H. Beck, 1999. 424 p.
11. Hatas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age // Time & Society. 2008. Vol. 17. № 1. P. 103–118.
12. Making Histories. Studies in history-writing and politics / Ed. by R. Johnson and others. London: Hutchinson, 1982. 265 p.
13. Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory // Organization Studies. 2010. Vol. 31. № 1. P. 69–87.

Razumova I. A., Barents Center of Humanities, Kola Research Center, Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ACTIVITIES ON MEMORY PERPETUATION OF THE SAILORS PERISHED ON BOARD OF "KURSK" SUBMARINE

The article is concerned with the problem of constructing a phenomenon of social memory on the example of one historical event – the wreck of the nuclear submarine "Kursk" in the Barents Sea waters. The disaster occurred on the 12th of August, 2000. An important role in the memorialization of the tragic event, which resulted in the death of 118 sailors, was played by the clergy of Murmansk and Monchegorsk eparchy belonging to the Russian Orthodox Church. The erection of the memorial complex, renovation of the local relics, and their popularization in the process of religious education contributed to the strengthening of the local diocese's position and its leadership role in the Russian Orthodox Church, society, and the state. The undertaken steps also helped to enhance the ties between the Russian Orthodox Church and the Navy of the Russian Federation. The undertaken works on the memorial complex implementation have grown into one of the important factors in the development of the Church infrastructure in the region. The Seraphim cemetery of St. Petersburg has become the central place of remembering the fallen sailors. Liturgical services in memory of the perished submariners are conducted in different cities and districts of the country. The process of veneration manifests itself in the creation of Orthodox memorial objects and conducted memorial campaigns. The article is based on the set of religious and secular sources including earlier published texts and online resources.

Key words: social memory, memorial objects, the wreck of "Kursk", religious cult, the Orthodox Church

REFERENCES

1. Voloshina V. A wave from the lost submarine [Volna ot pogibshey podlodki]. *Izvestiya. Ezhednevnaya gazeta* [News. Daily newspaper]. 2001. 25 Oct. Available at: http://izvestia.ru/news/253867 (accessed 10.03.2016).
2. In memory of the crew nuclear submarine "Kursk" at Serafimovskoye cemetery in St. Petersburg, consecrated worship in the Church [V pamyat' ob ekipazhe APL "Kursk" na Serafimovskom kladbishche Sankt-Peterburga osvyashchen poklonnyy kiot]. *Voda zhivaya. Sankt-Peterburgskiy tserkovnyy vestnik* [That living water. St. Petersburg Church Bulletin]. 2011. 12 Aug. Available at: http://old.aquaviva.tmweb.ru/news/2011-08-12/2443.html (accessed 10.03.2016).
3. Getmanskiy K. Three monuments erected in memory of submarine "Kursk" [Podvodnikam "Kurska" postavili tri pamyatnika]. *Izvestiya. Ezhednevnaya gazeta* [News. Daily newspaper]. 2002. 12 Aug. Available at: http://izvestia.ru/news/265650 (accessed 10.03.2016).
4. *Zhurnaly zasedaniya Svyashchennogo Sinoda ot 2 octyabrya 2013 goda. Zhurnal № 111* [The journals of the sessions of the Holy Synod from October 2, 2013. No 111]. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/3275888.html (accessed 15.03.2016).
5. Igumen Mitrofan (Badanin). Some aspects of the spiritual causes of disasters and turmoil in the life of modern men. On the 10th anniversary of the tragedy of submarine "Kursk" [Nekotorye aspekty dukhovnykh prichin katastrof i potryaseniy v zhizni sovremennogo cheloveka. K desyatiletiyu tragedii APL "Kursk"]. *Khristianskie vozzreniya na stradaniya i skorbi v spasenii cheloveka: Materialy regional'noy nauchno-bogoslovskoy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii. Tret'i Feodoritovskie chteniya.* Murmansk, St. Petersburg, Ladan Publ., 2011. P. 177–188.
6. Igumen Mitrofan (Badanin). *Neugasimaya lampada "Kurska". K desyatiletiyu sobytiy 12 avgusta 2000 goda* [Inextinguishable lampada "Kursk". To the 10th anniversary of the event on August 12, 2000]. St. Petersburg, Murmansk, Ladan Publ., 2010. 108 p.
7. A memorial cross to the seamen of "Kursk" was established at the bottom of the Barents Sea [Na dne Barentseva morya ustanovili pamyatnyy krest moryakam "Kurska"]. *Vzglyad. Delovaya gazeta* [Look. The business newspaper]. 2012. 31 Iyulya. Available at: http://vz.ru/news/2012/7/31/591130.html (accessed 16.03.2016).
8. *Nikol'skiy khram-pamyatnik moryakam APRK "Kursk" v poselke Vidyaevo* [St. Nicholas temple-monument to the sailors of APRK "Kursk" in the village of Vidyaevo]. Available at: http://www.zatovid.ru/up/Pages/istvid/hram1.htm (accessed 12.03.2016).
9. Shigin V. V. *APRK "Kursk". 10 let spustya. Fakty i versii* [NSMC "Kursk". 10 years later. Facts and versions]. Moscow, Veche Publ., 2010. 432 p.
10. Assman A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses (Hardcover). Published by C. H. Beck, 1999. 424 p.
11. Hatas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age // Time & Society. 2008. Vol. 17. № 1. P. 103–118.
12. Making Histories. Studies on the history-writing and politics / Ed. by R. Johnson and others. London: Hutchinson, 1982. 265 p.
13. Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory // Organization Studies. 2010. Vol. 31. № 1. P. 69–87.

Поступила в редакцию 18.03.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 13–20 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(470)«19»

ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ШИКАЛОВ
доктор философии, доцент кафедры географических и исторических наук факультета общественных наук и экономики, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
yury.shikalov@uef.fi

ИСТОРИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ г. ВЫБОРГА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ*

Объектом исследования являются процессы формирования региональной идентичности населения города Выборга в конце 1940-х – начале 2000-х годов. Поскольку эти процессы тесно связаны с имиджем города, то главный акцент здесь делается на изучение того, какие исторические имиджи создавались для Выборга и каким образом это происходило. В ходе исследования было выделено три основных типа этих имиджей. Первый из них, созданный сразу после войны, можно охарактеризовать брендом «древний русский город». Второй создавался для привлечения финских туристов в 1970–1980-е годы и может быть охарактеризован выражением «город, свой для чужих». Наконец, третий имидж Выборга, создаваемый и в настоящее время для отечественных туристов, можно обозначить брендом «город средневековой романтики».

Ключевые слова: Выборг, региональная идентичность, имидж, бренд города

Социологи определяют идентичность как «социальное чувство индивидуума, которое заставляет его ассоциировать себя с некоей социальной группой на том основании, что у них есть общие интересы и признаки» [13: 27]. Одним из самых распространенных факторов формирования идентичности является территориальность, осознание единства с людьми, проживающими или проживавшими некогда в определенном регионе. На основе территориальности формируется региональная идентичность, «родство с земляками». В отличие от этнической или расовой идентичности региональная идентичность индивидуума может меняться со сменой места жительства [13: 27–28, 34–35]. В Советском Союзе формирование региональной идентичности не стимулировалось. Внутренняя политика государства была направлена на создание единого гомогенного общества под названием «советский народ». Проводилось целенаправленное стирание различий между этническими группами, смешение культур, унификация истории и образа жизни. После перестройки эта искусственно созданная общегосударственная идентичность теряет свое значение, и на этом фоне происходит усиление региональной идентичности. Ее роль возрастает еще и потому, что в новых экономических условиях благосостояние многих людей стало зависеть именно от уникальности региона проживания и от политики местных властей. Кроме того, после перестройки в России наблюдается раскол по линии «центр – провинция» и, как следствие, усиление регионализма. В последнее время процесс возрождения регионального самосознания активизировался и в европейских странах. Очевидно, здесь прослеживается реакция на попытки создания «единой Европы» [15].

О процессах формирования и развития региональной идентичности в последние десятилетия пишется довольно много[1]. Региональная идентичность освещается как в работах по идентичности вообще, так и в специальных трудах, посвященных изучению регионов [11: 3–8]. Одним из направлений в изучении региональной идентичности являются исследования в области брендов городов и территорий. Бренд представляет собой выражение имиджа города или территории, это своего рода «торговая марка» места, используемая чаще всего для привлечения туристов и инвесторов. Бренды имеются практически у всех туристических центров мира, и их созданием и изучением занимается множество специалистов [17]. Установлено, что территориальный имидж и бренд, в свою очередь, влияют на формирование региональной идентичности жителей данной территории. Удачно созданный бренд создает «четкий образ среды обитания» и консолидирует жителей в единое «земляче-ство», способствуя, таким образом, укреплению региональной идентичности [12: 186], [14: 89, 93].

Для Выборга, бывшего в составе Финляндии крупным торгово-культурным центром, в советский и постсоветский периоды тоже создавались определенные имиджи и бренды. В Советском Союзе он был превращен в «древний русский город», провинциальный промышленный и административный центр. Выборг пользовался особой популярностью у финских туристов, что привело к формированию особого имиджа города в их среде. После распада СССР и кризиса 1990-х годов промышленность и экономика Выборга пришли в упадок. По классификации специалистов, города, подобные Выборгу, в постсоветском пространстве в экономическом отношении зависят

© Шикалов Ю. Г., 2016

от бюджета региона, от политики региональных властей, а на перспективы их развития обычно влияет их географическое местоположение [7: 140, 144, 146]. Именно расположение Выборга и его уникальная история определили современную тенденцию в экономике города, основным направлением которой стало развитие внутреннего туризма. Это привело к созданию особого имиджа, предназначенного, прежде всего, для гостей города.

Задача настоящей работы – осветить процессы создания имиджей города Выборга в советский и постсоветский периоды и оценить влияние этих имиджей на формирование региональной идентичности населения города. В работе исследуются роль истории в формировании территориальных имиджей Выборга и, как следствие, влияние истории на региональную идентичность горожан. Для создания и распространения имиджа городов используются, как правило, массовые источники информации [9: 18–19]: местная пресса, книги, рассказывающие о городе (например, путеводители или воспоминания известных личностей), и т. п. В последние годы добавились социальные сети, завоевавшие огромную популярность в Интернете.

Выборг в сознании его советских обитателей

Послевоенное заселение Выборга можно считать беспрецедентным социокультурным экспериментом. Старинный западноевропейский город перешел в руки людей, многие из которых раньше не имели никакого представления даже о его существовании. В этих условиях было необходимо создать для переселенцев определенную основу, дающую им возможность почувствовать себя в безопасности на новом месте, укрепить в их сознании правомочность происходящих событий. Как пишет исследователь Л. Геращенко, «важно было донести до сознания новых жителей Карельского перешейка, что территории, присоединенные к Ленинградской области по окончании войны, являются исконно русскими землями» [6: 98–99, 165]. Не удивительно, что практически сразу после окончания войны советская пропаганда начинает создавать имидж «древнего русского города Выборга». В основе этого процесса было прошлое города, главная роль отводилась советским историкам. Первым, кто сформировал советский вариант истории Выборга, был историк и краевед Николай Турчанинов, опубликовавший в 1945–1946 годах в газете «Выборгский большевик» серию статей по истории города. Вот как он описывал историю возникновения города в статье «Русский город – Выборг»:

«В незапамятные времена наши предки на месте нынешнего Выборга основали свое торговое поселение, носившее название ”Урочище, что у карел”. …Шведские завоеватели… долго зарились на это урочище, но только в период раздробленности Руси и татарского нашествия они смогли захватить западные земли Новгородской Карелии. В 1293 году они выстроили в районе русского урочища сильный по тому времени замок – Выборг». Таким образом, завоевание Выборга в 1710 году лишь восстановило историческую справедливость, и Выборг «снова стал русским городом»[2].

Затем Турчанинов пишет, что после Октябрьской революции советское правительство, «верное своей национальной политике», предоставило независимость Финляндии и «передало последней Выборг». В руках финской «белогвардейской клики» город становится «плацдармом для нападения» на СССР, что вынудило советское правительство «вернуть его родине». После Зимней войны для Выборга наступает период «быстрого развития», во время которого он «становится одним из лучших городов Советского Союза». Лишь «предательское нападение фашистских захватчиков» приостановило это развитие[3]. Н. Турчанинов опубликовал в городской газете более двадцати статей по истории Выборга. Кроме того, он читал лекции для горожан. Изложенная им история «древнего русского города Выборга» затем повторяется с небольшими вариациями практически во всех книгах, касавшихся истории города, а также в путеводителях, изданных в советский период. Так, например, в первой советской книге по истории Выборга, описывающей завоевание города войсками Петра I, говорится, что Выборг был основан новгородцами «в половине XI века» и пал под натиском «шведских агрессоров» в 1293 году. Через несколько лет автор этой книги выпустил в свет уже полное описание истории города. Разумеется, что и в этом труде Выборг был представлен «опорным пунктом», основанным новгородцами [3: 8], [4: 8–11].

В дореволюционной России такого вольного обращения с прошлым города не наблюдалось. Даже в брошюре, выпущенной в 1910 году к 200-летию взятия Выборга войсками Петра I, никоим образом не подчеркивается русское происхождение города: «За далью веков трудно рассмотреть, кто положил первый камень в основу Выборга. Определенно известно, что в 1293 риксмаршал Торкель Кнутсон воздвиг каменный замок, названный Выборгом, вокруг которого впоследствии разрослись и город, и крепость» [1: 5]. Эта брошюра представляла собой отрывок из капитальной «Истории Финляндии» М. Бородкина и, скорее всего, отражала взгляды тогдашней российской исторической науки на историю города.

Советские историки и краеведы укрепляли «русский фактор» в истории Выборга не только ссылками на русское происхождение города. В публикациях советского периода обычно подчеркивалось обрусение города после его завоевания в 1710 году, описывались российские деятели

науки, культуры и военачальники, жившие в Выборге либо посещавшие его. При этом о финских или других знаменитостях города практически не упоминалось. Не было забыто и «революционное прошлое», без которого не могло обойтись ни одно историческое описание городов в СССР. По мнению советских историков, «революционное прошлое» Выборга начиналось с восстания декабристов, и в дальнейшем город сыграл «большую роль в истории революционного движения России и Финляндии» [8: 45]. Сослаться на декабристов позволял тот факт, что в Выборгской крепости содержались около 300 человек нижних чинов и некоторые из организаторов восстания на Сенатской площади. При этом не упоминалось, что арестованные декабристы находились здесь лишь в течение нескольких месяцев и никакого влияния на город не оказали.

В советской историографии невозможно было обойтись без упоминания имени Ленина. В этом плане проблем с Выборгом не возникало, поскольку осенью 1917 года «вождь мирового пролетариата» скрывался в городе около трех недель. От этого события выиграли не только советские историки, но и дом, в котором Ленин останавливался. После войны он был отремонтирован в самые короткие сроки, а в 1958 году здесь был открыт дом-музей. В 1971–1972 годах была проведена капитальная реставрация здания, и весь участок, включая близлежащие строения, был объявлен охранной территорией. Так, благодаря Ленину сохранился кусочек старой деревянной застройки Выборга.

Региональная идентичность первых советских жителей города изначально была слабой. Первое поколение переселенцев, заселивших город после войны, еще помнило свои родные места[4]. Созданный советскими историками имидж «древнего русского города Выборга» отнюдь не способствовал укреплению этой региональной идентичности. Формирование советской версии истории Выборга было направлено на то, чтобы в сознании его обитателей укрепилось чувство принадлежности их города к «единой семье городов» Советского Союза. Стремление превратить Выборг в типичный советский город удалось как в ментальном, так и в физическом плане. Со временем старые кварталы в центре города все больше приходили в запустение, тогда как на окраинах Выборга строились большие жилые массивы из типовых домов. Выборг был превращен в рядовой провинциальный советский город, типичный административный и промышленный центр районного масштаба с «русской историей».

Свой для чужих, чужой для своих

Несмотря на типичность советского провинциального центра, каким стал Выборг, у него имелась одна особая черта, присущая только этому городу. Этой чертой являлся финский туризм. Финны начали появляться в Выборге уже с конца 1950-х годов. Сначала иностранные туристические группы не имели права оставаться в приграничном городе на ночь и задерживались лишь на несколько часов проездом в Ленинград или Москву. Но с 1982 года, после открытия гостиницы «Дружба», финские туристы получили возможность останавливаться в Выборге на несколько дней, и их количество после этого быстро возросло. По данным финского социолога Тома Селянниеми, занимающегося изучением туризма, финские туристы, как правило, с удовольствием ездили в страны, уровень жизни в которых был ниже, чем на их родине. Это гарантировало им низкие цены на товары и услуги. При этом разница не должна была быть сильной, иначе окружающая бедность слишком бросается в глаза и отпугивает путешественников [20: 20]. Города СССР как нельзя лучше удовлетворяли этому условию, и поэтому пользовались спросом у финских путешественников. Выборг служил «воротами» в странный для финнов «мир социализма», и, кроме того, он занимал исключительное место в списке финских туристических объектов еще и потому, что большинство финнов считали этот город своим и после войны.

Советское руководство, в свою очередь, пыталось сформировать особый имидж Выборга, предназначенный именно для иностранных гостей. В Советском Союзе вообще для иностранных туристов создавались условия, кардинально отличавшиеся от реальной жизни в стране. Такая схема до сих пор типична для стран, уровень жизни в которых относительно низок. Том Селянниеми именует это явление «туристическим пузырем» [20: 97–98]. В СССР «туристический пузырь» формировали гостиницы «Интуриста», валютные бары и рестораны, магазины «Березка», комфортабельные туристические автобусы и т. п. За целостность «пузыря» отвечали работники «Интуриста», а также органы милиции и государственной безопасности. Влияние «туристического пузыря» на финских туристов было очевидным: он обеспечивал чувство защищенности и одновременно превосходства над местными жителями. Дешевизна рубля и особое обслуживание позволяли финским туристам чувствовать себя «миллионерами» и относиться к местным жителям если не с пренебрежением, то с жалостью и снисходительностью. Так, например, одна из туристок, посетившая СССР в 1969 году, вспоминает, что советский Выборг вызывал у нее только насмешку. Услуги, предоставляемые организаторами поездки, она принимала с высокомерием, а в местных жителях видела лишь бедных «побирушек» [21: 146–148].

Развитие «водочного туризма» в 1970-е годы привлекало еще больше финских гостей, для которых поездка в Ленинград через Выборг была путешествием в мир, где им позволено практически все, и при этом обеспечены безопасность

и гарантия возвращения на родину. Со временем финны начинают вести себя как хозяева города. Влияние финского туризма стало проявляться и среди жителей Выборга, где появились особые категории людей, стремившиеся проникнуть внутрь «туристического пузыря». К ним относились прежде всего спекулянты-фарцовщики, специализировавшиеся на торговле валютой и скупке финских товаров, обслуживающий персонал гостиниц и ресторанов, а позже и представительницы «самой древней профессии».

После перестройки финские туристы получили еще больше возможностей для поездок в Выборг. Резко возросло количество людей, приезжавших посмотреть на места, оставленные ими или их родителями в период эвакуации. Для жителей города его история обретает новые черты. Они проявляются в «живом виде», в виде финнов, ищущих могилы своих предков на разрушенных кладбищах, приходящих в дома и рассказывающих об их бывших обитателях. Приходит осознание того, что «старинный русский город» вообще-то ранее принадлежал иному государству, представители которого все чаще ведут себя как истинные хозяева Выборга. Одновременно с этим уровень жизни горожан резко падает, промышленность разрушается и социальное обеспечение ухудшается. Все больше выборжан становятся так или иначе зависимыми от гостей из-за рубежа. Появляется множество частных предприятий, деятельность которых направлена, в первую очередь, на обслуживание финских туристов, развивается «челночная» торговля, а финские благотворительные организации проводят массовые кампании по оказанию материальной помощи жителям Выборга. На этом фоне все чаще слышались упреки в плохом содержании старинного центра города и высказывания о возвращении Выборга «истинным владельцам». Это не добавляло горожанам уверенности в завтрашнем дне.

Усиление «финского фактора» в экономике и повседневной жизни города, осознание того, что история Выборга отнюдь не соответствует советскому варианту ее изложения, неуверенность в будущем – все это отрицательно влияло на формирование региональной идентичности среди выборжан. Об этом говорят, например, результаты опроса, проведенного социологами в 1999 году. В опросе участвовали подростки из Выборга и приграничных районов Финляндии в возрасте 14–16 лет. Результаты исследования показали, что большинство финских подростков идентифицировали себя именно с местом проживания, тогда как для большей части выборгских подростков главным было осознание того, что они являются гражданами России. Выборг для них отождествлялся прежде всего с принадлежностью к России [18: 49–53].

Таким образом, региональная идентичность в среде выборгской молодежи и через десять лет после распада Советского Союза осталась размытой. Этот результат, очевидно, можно экстраполировать и на взрослое население Выборга. Жителям города нужен был некий фактор, дающий хотя бы какую-нибудь иллюзию защищенности. Этим фактором становится государство вообще, но не город. Идентификация себя как представителя «великого государства» создавала определенное чувство безопасности, тогда как приходящая в упадок городская среда вкупе с местной администрацией отнюдь не способствовали укреплению чувства единства с городом.

Финский туризм оказался еще одним препятствием для формирования региональной идентичности жителей города Выборга. Финские гости вызывали у горожан зависть, злость, желание уехать из города и вообще из страны. Выборг все больше становился городом для финнов, говоря образным языком, «своим для чужих и чужим для своих». В период полного развала экономики, разгула спекуляции и проституции в Выборге в 1990-е годы слово «выборжанин» ассоциировалось уже не с городом, а со способом добывания денег. В книге о Выборге, изданной в этот период и имеющей целью показать город «глазами русских», авторы пишут: «Для многих из горожан… понятие “выборжанин” означает, скорее всего, профессию. Подобной профессиональной болезнью страдают почти все приграничные города России, поскольку… “граница – это место, где делаются деньги”. Современные выборжане прекрасно это осознают» [19: 190].

Имидж, придуманный для туристов

Финские туристы «хозяйничали» в Выборге вплоть до конца 2002 года. Их массовый наплыв ухудшил криминогенную обстановку, бывшую в городе и без того далеко не благополучной. Как уже упоминалось ранее, еще в советский период в Выборге активно действовали местные спекулянты-фарцовщики и проститутки. Слухи о «выборгской мафии» были, однако, преувеличенными. Финским туристам в советском Выборге досаждали мелкие спекулянты, карманники и мошенники, заполнявшие центральный рынок, торговую площадь и другие популярные у приезжих места [19: 196–197]. Но в начале 2000-х годов ситуация совершенно вышла из-под контроля. Туристов все чаще откровенно грабили, а посещение городского рынка превращалось для них в мероприятие, опасное не только для кошелька, но и для здоровья. В конечном итоге в начале 2003 года более двадцати финских туристических фирм объявили бойкот Выборгу[5]. Вот как описывала сложившееся положение российская пресса:

«Интурист в Выборге теперь почти экзотика. …Бойкот. Идет уже четвертая неделя с того дня, когда финские турфирмы демонстративно отказались работать на выборгском

направлении. Обещают вернуться лишь, когда поездка в Выборг для финна перестанет считаться экстремальным туризмом, где шансы избежать ограбления – минимальны. Финский бойкот для экономики Выборга почти катастрофа: 20 % бюджета – налоги с предприятий малого бизнеса. Рестораны, кафе, гостиницы. Их доходы без финских туристов ничтожны»[6].

Сначала администрация Выборга отреагировала на бойкот тем, что попыталась обвинить самих финнов в росте преступности в городе. По версии чиновников, финские туристы, приезжавшие в город, «злоупотребляют спиртным» и тем самым «провоцируют преступников»[7]. Однако финские туристические организации не удовлетворились этими объяснениями, и бойкот был продолжен. В конце концов администрация города была вынуждена принять радикальные меры по обеспечению безопасности туристов. В городе было усилено милицейское патрулирование, а рыночная площадь и центр были очищены от навязчивых торговцев и мошенников. Официальный бойкот был прекращен в середине февраля, но поток финских туристов так и не возобновился в прежних масштабах[8]. Резкое уменьшение количества финских туристов вынудило городскую администрацию начать поиски альтернативных источников доходов для поддержания городской экономики. В этой ситуации вновь была сделана ставка на туризм, но теперь уже на туризм внутренний, российский. По мнению местного руководства, «туризм на территории Выборгского района является одним из основных стратегических направлений развития». Основания для этого были найдены в «стабильном интересе» российских туристов к Выборгу. Действительно, интерес российских туристов к Выборгу значительно вырос в начале 2000-х годов. В 2012 году город посетило около миллиона только зарегистрированных туристов, из которых иностранцев было лишь чуть больше 10 %[9]. Развитие Выборга как российского туристического центра предполагало создание особого туристического бренда города. Такая практика принята во всем мире, и многие города уже не одно десятилетие заботятся о создании собственных брендов для туристов [17]. В России активное брендирование городов стало развиваться лишь в начале 2000-х годов, когда многие города были вынуждены обратить внимание на развитие туризма в связи с ухудшением положения в промышленности [9: 10–12]. Решения при этом находились самые неожиданные. Так, например, при создании туристического бренда для старинного города Мышкина, расположенного на Волге, была сделана ставка именно на его провинциальность и запущенность. Туристам круизных теплоходов предлагается познакомиться с жизнью «застывшего во времени уездного городка», что они с удовольствием и делают [2]. Этот пример показывает, что практически любой город может стать туристическим. Важно лишь сформировать интересное лицо города, которое сделало бы его привлекательным для посторонних. Конструирование бренда города представляет собой многоплановый процесс и, в свою очередь, неразрывно связано с формированием региональной идентичности [10], [14]. Удачный бренд вызывает у горожан гордость за свой город, объединяет их в единое землячество, укрепляя тем самым их региональную идентичность.

Создание туристического бренда Выборга не вызвало особых трудностей. Архитектурное и историческое лицо этого старинного города осталось настолько оригинальным, что не потребовалось выдумывать каких-то особых ходов. Современный туристический бренд Выборга можно выразить двумя словами – «романтика Средневековья». Российским туристам историческое прошлое города преподносится чаще всего в виде всевозможных «исторических фестивалей», «рыцарских турниров» и т. п. В Выборгском замке и его окрестностях проводится большое количество представлений, большая часть которых сориентирована на средневековую мистику и романтику. При этом историческая достоверность, как правило, не особенно интересует организаторов и участников этих событий. Вот что писала местная газета об одном из «рыцарских фестивалей» Выборга:

«“Рыцари” слишком избалованы вниманием горожан. ...Больше половины из них не участвуют в представлениях и конкурсах, предпочитая попойки в “исторических костюмах”, которые могут представлять собой простой балахон из грубой материи, подвязанный бечевкой»[10].

Туристические агентства Выборга рекламируют экскурсии по городу со средневековым колоритом: «театрализованная экскурсия с монахом-францисканцем», «экскурсия с рыцарем», «обзорная экскурсия по городу, в ходе которой вы сможете увидеть единственные в России средневековые шведские здания и самую прекрасную улицу Финляндии», «посещение Выборгского замка – единственной крепости западноевропейского типа в России»[11]. Как видно из примеров, Выборг преподносится как единственный город в России, древний замок и архитектура центральной части которого представляют собой образец городского ландшафта старинных западноевропейских городов. Крепость и улочки старого города позволяют российским туристам почувствовать себя, как в каком-нибудь старинном городе Западной Европы. Выборг стал известен среди российских туристов как «домашняя заграница», в которой не надо тратиться на дорогие гостиницы, обмен валюты или страдать от незнания языка.

В рамках туристического бренда, нацеленного на российского туриста, создается и новый исторический имидж Выборга. О древнем русском

городе больше не упоминается. Теперь Выборг относится к городам, «насыщенная история которых складывалась при участии разных народов – карельского, шведского, русского, немецкого, финского и др.»[12]. В современной трактовке истории города подвергаются критике и версия о существовании некоего «карельского урочища», и версия о новгородском городище [5: 68–72], [16: 52]. Даже День города был перенесен. Раньше он отмечался 20 июня, то есть в день, когда город перешел в руки советских солдат в 1944 году. Начиная с 2008 года этот праздник проводится 19 августа, поскольку именно в этот день в 1403 году Выборг получил права города от шведского короля Эрика Померанского. День же 20 июня теперь празднуется как «день освобождения Выборга». Местная пресса объяснила жителям, что основанием для переноса даты послужили «мнения историков, краеведов и представителей общественных организаций»[13].

Таким образом, Выборг превратился в своего рода кулисы для карнавалов и фестивалей на исторические темы. Русский фактор в истории Выборга тем не менее не был забыт окончательно. На фоне общей для России тенденции к усилению патриотических мотивов в изложении отечественной истории в Выборге в последние годы вновь наблюдается оживление интереса к российским страницам в прошлом города. Примером тому может служить открытие в 2010 году памятника генерал-адмиралу Федору Апраксину, сыгравшему большую роль в завоевании города в 1710 году. На церемонии открытия губернатор Ленинградской области вновь, как и в советские времена, говорил об «исторической справедливости» и «возвращении» Выборга России. Руководство города не скрывало идеологического характера этого события. В то же время в некоторых блогах установку монумента назвали «экспансией имперских ценностей»[14].

Еще одним примером возвращения к советским вариантам в трактовке истории города служит присвоение Выборгу звания «Город воинской славы» в марте 2010 года. В указе президента говорится, что Выборг получил это звание «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». Эта формулировка озадачила не только историков, но и некоторых жителей города, поскольку она никак не вписывается в реальное прошлое города[15].

Весьма показательным в плане экспансии российского патриотизма является случай, произошедший в апреле 2013 года, когда молодой чиновник, исполняющий обязанности главы администрации города, издал указ о запрещении фестиваля «Рыцарский замок». Этот «военно-исторический» фестиваль проводился в Выборге уже более десяти лет, и его организатором являлся клуб так называемых реконструкторов под названием «Тевтонский орден». Причина запрета была сформулирована следующим образом:

«Вызывает озабоченность политическая некорректность проводимых мероприятий. "Тевтонский орден" – исторически сложившаяся враждебная структура для Руси, с которым героически сражался Святой Благоверный князь Александр Невский. В годы Великой Отечественной войны полчища немецко-фашистских захватчиков ворвались с символикой Тевтонского ордена на территорию нашей Родины. В этой связи пропаганда данного Ордена путем проведения его массовых мероприятий представляется непатриотичным и не отвечающим реалиям современной внутренней политики Российской Федерации, как духовному объединению нации, так и в вопросах воспитания подрастающего поколения»[16].

Случай этот можно назвать нетипичным, его осудили даже коллеги чиновника. Тем не менее он показывает общие тенденции не только в трактовках исторического прошлого Выборга, но и в современных трактовках российской истории вообще. Как видно из слов патриотично настроенного администратора, в последние годы история все чаще используется в целях «духовного объединения нации», иными словами, в целях формирования идентичности на общегосударственном уровне. История же, излагаемая для туристов, больше напоминает тексты в стиле фэнтези и тоже не способствует развитию региональной идентичности.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что история Выборга в советском и постсоветском обществе трактовалась и трактуется по сей день в свете политических и экономических интересов. Исторический имидж «древнего русского города Выборга», созданный советскими историками, позволил лишь искусственно обосновать аннексию города, но отнюдь не способствовал формированию региональной идентичности переселенцев и их потомков. Выборг превратился в безликий советский провинциальный центр. Развитие финского туризма тоже имело отрицательное влияние на процесс формирования региональной идентичности выборжан. Историческое прошлое города и созданный советской администрацией «туристический пузырь» позволяли финским гостям города чувствовать себя хозяевами Выборга, тогда как сами горожане все больше становились зависимыми от Финляндии и чувствовали себя чужими в собственном городе. В конце советского периода финский туризм сделался и источником доходов для многих горожан, и в Выборге сформировалась идентичность, типичная для многих советских приграничных городов, основными чертами которой были зависть к зарубежным соседям и досада на собственное государство.

В современном Выборге история используется как инструмент для создания туристического бренда, с помощью которого власти стремятся привлечь в город как можно больше российских

туристов и инвесторов. Кроме того, история Выборга вновь политизируется, приобретает патриотические тенденции, что отнюдь не способствует объективности в изложении исторических событий. Псевдоисторические фестивали и политизированное освещение прошлого тоже не могут быть основой для формирования региональной идентичности. Тем не менее в последнее время жители Выборга все больше осознают, что они проживают в городе с исключительно богатым прошлым. Активная общественность города включилась в борьбу за сохранение старинных зданий. Можно сказать, что в Выборге лишь теперь начала формироваться региональная идентичность и слово «выборжанин» получает новый смысл. Для усиления наметившегося процесса необходимо создание полноценной и независимой от политических и экономических конъюнктур истории города.

* Исследование выполнено в рамках совместного финско-российского проекта, финансируемого Академией наук Финляндии и Гуманитарным фондом РАН, «Meanings of an Urban Space, Past and Present. Cross-cultural Studies of the Town of Vyborg from the 16th to the 21th Century» (2014–2016). Участниками проекта являются Университет Восточной Финляндии и СПбГУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обширную подборку трудов по исследованиям идентичности можно найти на сайте «Экспертная сеть по исследованию идентичности». http://identityworld.ru/stuff.
[2] Газета «Выборгский большевик». 1945. 20 июня.
[3] Газета «Выборгский большевик». 1945. 20 июня.
[4] Об отношении к «новой родине» говорят, например, воспоминания переселенцев, собранные в книге «Граница и люди», изданной в 2005 году издательством Европейского университета.
[5] Газета «Kauppalehti». 2003. 22 января.
[6] Финские туристы бойкотируют Выборг. Первый канал, новости 23.01.2003. http://www.1tv.ru/news/crime/40077; 21.06.2013.
[7] Газета «Коммерсантъ С.-Петербург». 2003. 28 января.
[8] Финский новостной портал MTV: Miliisivahvuutta lisätty Viipurissa. MTV uutiset. 17.02.2003. http://www.mtv.fi/uutiset/kotimaa/artikkeli/.
[9] Газета «Выборгские ведомости». 2013. 5 марта.
[10] Газета «Выборгские ведомости». 2010. 18 июня.
[11] Наш Выборг – история города. Город Выборг, информационный портал 09.02.2013. http://www.vyborg-gid.ru/texts/ekskursii-v-vyborg/.
[12] http://vbgcity.ru/vyborg.
[13] Газета «Выборг». 2012. 20 июля.
[14] Газета «Выборг». 2010. 22 июля.
[15] Газета «Свободная Пресса». 2012. 27 февраля.
[16] «Рыцарский турнир» объявили вне патриотизма. 4747news. 17.04.2013. http://47news.ru/articles/63203/; История вышла боком. Российский туризм 18.4.2013. http://russiantourism.ru/events/events_3279.html.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородкин М. И. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1993. 28 с.
2. Булина А. О. Бренд территории как важнейшая составляющая потенциала его развития // «Город невест»? Брендинг территорий и региональные идентичности: Материалы всероссийской научной конференции (Иваново, 12–13 сентября 2013 года). Иваново: ИГУ, 2013. С. 15–17.
3. Васильев М. В. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1953. 104 с.
4. Васильев М. В. Выборг. Л.: Лениздат, 1958. 139 с.
5. Выскочков Л. В. К этнической и политической истории Карельского перешейка // Страницы Выборгской истории. Краеведческие записки. Выборг: Европейский Дом, 2000. С. 50–97.
6. Геращенко Л. В. Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1940–1941, 1944–1953 годах. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2011. 250 с.
7. Зубаревич Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. 2012. Июль – октябрь. С. 135–152.
8. Иппо Б. Б., Турчанинов Н. Н., Штин А. Н. Карельский перешеек. Л.: Лениздат, 1962. 423 с.
9. Культура и пространство. Историко-культурные бренды территорий, регионов, мест. Кн. 2 / Под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2010. 182 с.
10. Лысикова О. В. Конструирование бренда Саратова: от города купцов и рыбаков к культурной столице Поволжья // «Город невест»? Брендинг территорий и региональные идентичности: Материалы всероссийской научной конференции (Иваново, 12–13 сентября 2013 года). Иваново: ИГУ, 2013. С. 62–64.
11. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Дис. … канд. полит. наук. Пермь: ПГУ, 2009. 200 с.
12. Попов А. В. Бренд и идентичность территории // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Географическое изучение территориальных систем». Пермь: ПГУ, 2009. С. 186–190.
13. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. М., 2007. С. 21–49.
14. Тарасова М. В. Арт-брендинг территории Красноярского края как средство решения проблемы региональной идентичности // «Город невест»? Брендинг территорий и региональные идентичности: Материалы всероссийской научной конференции (Иваново, 12–13 сентября 2013 года). Иваново: ИГУ, 2013. С. 88–93.
15. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.
16. Федосеева В. Средневековый замок // Вехи Выборгской истории: Учебное пособие по историческому краеведению. Выборг: Управление образования, 2005. С. 49–54.
17. Dinnie K. City Branding: Theory and Cases. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 240 p.

18. Jukarainen P. Uuskarja(la)laisuutta etsimässä – Mihin kiinnittyy Suomen ja Venäjän Karjalan nuoriso? // Suomen Lähialueet. 2007. Vol. 3. № 99: Karjalan tasavalta ja Viipurin talousalue. S. 4–53.
19. Krykoff L., Balashov J., Kropova E. Sellainen on Viipuri: Viipuri ja Karjalankannas venäläisin silmin. Viipuri; Pietari; Tallina; Lappeenranta: Polyplan Publishers, 1993. 235 s.
20. Selänniemi T. Matka ikuiseen kesään. Kulttuuriantropologinen näkökulma suomalaisten etelämatkailuun. Helsinki: SKS, 1996. 270 s.
21. Valli M. Äidinmaa // Kaipaus Karjalaan – matkoja kotiseuduille. Helsinki: SKS, 2010. 231 s.

Shikalov Yu. G., University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

REGIONAL IDENTITY DEVELOPMENT OF VYBORG POPULATION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

This article explores the problem of developing the concept of regional identity in Vyborg's citizens from the late 1940s to the early 2000s. Since these processes are closely tied to the image or brand of the town, substantial emphasis is placed on the development of the town's successive images and historical circumstances of their replacement. Three dominant images were revealed by the study. The first one was shaped right after the World War II and can be described by the formula "an ancient Russian town". The second image was offered in the 1970s–1980s in order to make Vyborg an attractive destination for tourists from Finland. It was branded as "a home city for strangers". The last image of Vyborg as a romantic and deeply medieval in spirit town is aimed at the enhancement of national tourism. The image was created in the early post-Soviet period and has been maintained until now.

Key words: Vyborg, regional identity, image of the region, town's brand

REFERENCES

1. Borodkin M. I. *Dvukhsotletie vzyatiya Vyborga* [Bicentennial Capture of Vyborg]. St. Petersburg, 1993. 28 p.
2. Bulina A. O. Territoryal Brand as the Most Important Component of Development Potential [Brend territorii kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya potentsiala razvitiya]. "*Gorod nevest"? Brending territoriy i regional'nye identichnosti: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda)*. Ivanovo, IGU Publ., 2013. P. 15–17.
3. Vasil'ev M. V. *Osada i vzyatie Vyborga russkimi voyskami i flotom v 1710 g*. [The Siege and Capture of Vyborg by Russian Troops and the Navy in 1710]. Moscow, Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 1953. 104 p.
4. Vasil'ev M. V. *Vyborg* [Vyborg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1958. 139 p.
5. Vyskochkov L. V. About Ethnic and Political History of the Karelian Isthmus [K etnicheskoy i politicheskoy istorii Karel'skogo peresheyka]. *Stranitsy Vyborgskoy istorii. Kraevedcheskie zapiski*. Vyborg, Evropeyskiy Dom Publ., 2000. P. 50–97.
6. Gerashchenko L. V. *Planovoe pereselenie i obustroystvo sovetskikh grazhdan v prigranichnykh rayonakh Karel'skogo peresheyka v 1940–1941, 1944–1953 godakh* [The Planned Relocation and Equipping of Soviet Citizens in the Border Areas of the Karelian Isthmus in 1940–1941, 1944–1953]. St. Petersburg, SPbGIEU Publ., 2011. 250 p.
7. Zubarevich N. V. Social Differentiation of Regions and Cities [Sotsial'naya differentsiatsiya regionov i gorodov]. *Pro et Contra.* 2012. Iyul' – oktyabr'. P. 135–152.
8. Ippo B. B., Turchaninov N. N., Shtin A. N. *Karel'skiy peresheek* [The Karelian Isthmus]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1962. 423 p.
9. *Kul'tura i prostranstvo. Istoriko-kul'turnye brendy territoriy, regionov, mest* [Culture and Space: Historical-cultural Brands and Images of Territories, Regions and Spaces]. Book 2 / V. K. Mal'kova, V. A. Tishkov (eds.). Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2010. 182 p.
10. Lysikova O. V. Construction Brand of the Saratov City [Konstruirovanie brenda Saratova]. *"Gorod nevest"? Brending territoriy i regional'nye identichnosti: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda)*. Ivanovo, IGU Publ., 2013. P. 62–64.
11. Nazukina M. V. *Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskiy analiz: Dis. ... kand. polit. nauk* [Regional Identity in Modern Russia: Typological Analysis. Cand. of politic. sci. diss.]. Perm, PGU Publ., 2009. 200 p.
12. Popov A. V. Territory Brand and Identity [Brend i identichnost' territorii]. *Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Geograficheskoe izuchenie territorial'nykh sistem"*. Perm, PGU Publ., 2009. P. 186–190.
13. Smirnyagin L. V. About Regional Identity [O regional'noy identichnosti]. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran*. Issue 17. Moscow, 2007. P. 21–49.
14. Tarasova M. V. Art-branding of the Krasnoyarsk Region as a Means of Solving the Problem of Regional Identity [Art-brending territorii Krasnoyarskogo kraya kak sredstvo resheniya problem regional'noy identichnosti]. *"Gorod nevest"? Brending territoriy i regional'nye identichnosti: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda)*. Ivanovo, IGU Publ., 2013. P. 88–93.
15. Turovskiy R. F. Regional Identity in Modern Russia [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii]. *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticheskikh tsennostey?* Moscow, Gendal'f Publ., 1999. P. 87–136.
16. Fedoseeva V. Medieval Castle. [Srednevekovyy zamok]. *Vekhi Vyborgskoy istorii: Uchebnoe posobie po istoricheskomu kraevedeniyu*. Vyborg, Upravlenie obrazovaniya Publ., 2005. P. 49–54.
17. Dinnie K. City Branding: Theory and Cases. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 240 p.
18. Jukarainen P. Uuskarja(la)laisuutta etsimässä – Mihin kiinnittyy Suomen ja Venäjän Karjalan nuoriso? // Suomen Lähialueet. 2007. Vol. 3. № 99: Karjalan tasavalta ja Viipurin talousalue. S. 4–53.
19. Krykoff L., Balashov J., Kropova E. Sellainen on Viipuri: Viipuri ja Karjalankannas venäläisin silmin. Viipuri; Pietari; Tallina; Lappeenranta: Polyplan Publishers, 1993. 235 s.
20. Selänniemi T. Matka ikuiseen kesään. Kulttuuriantropologinen näkökulma suomalaisten etelämatkailuun. Helsinki: SKS, 1996. 270 s.
21. Valli M. Äidinmaa // Kaipaus Karjalaan – matkoja kotiseuduille. Helsinki: SKS, 2010. 231 s.

Поступила в редакцию 16.05.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 21–25 Исторические науки и археология 2016

УДК 94(47).084.9:330

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ КУЛАГИН
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olkulagin@yandex.ru

ГОСПЛАН СССР КАК ИНСТИТУТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛЕСНОЙ ЭКОНОМИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 1980-е ГОДЫ)*

Современная отечественная лесная экономика испытывает определенные трудности, поэтому актуальность данного исследования связана с анализом как положительного опыта, который был приобретен в рассматриваемый период, так и кризисных явлений, сложившихся в сфере промышленного производства. Лесопромышленный комплекс (ЛПК) не стал исключением, накопив за эти годы множество проблем, главными из которых стали нерациональное использование лесного фонда, ускоренное выбытие производственных мощностей, отставание в развитии социальной инфраструктуры от темпов производственного строительства. Научная новизна связана со слабой изученностью реальной роли советских органов общегосударственного планирования в развитии отраслей отечественного ЛПК в обозначенный период, на протяжении которого Госплан СССР сохранял за собой функцию регулирования советской лесной экономики. Используя новые архивные материалы, автор приходит к выводу, что Госплан СССР в течение рассматриваемого времени трансформировался из органа, жестко контролировавшего выполнение плановых показателей, в институт согласований различных ведомственных и региональных интересов. При этом, отстаивая общегосударственные интересы, органы государственного планирования в условиях снижения темпов экономического развития способствовали сохранению отставания отраслей ЛПК от других отраслей производства.

Ключевые слова: органы государственного планирования, советский лесопромышленный комплекс, фокальная точка

Госплан СССР являлся важнейшим субъектом советской экономики. Данный орган осуществлял разработку планов развития народного хозяйства, предоставлял их на рассмотрение правительства и утверждение сессий Верховного Совета СССР, которые определяли законодательную силу выработанной партией и правительством экономической политики. В то же время Госплан СССР осуществлял методическое руководство планированием, подготавливал обязательные для всех министерств, ведомств и предприятий методические указания и положения по планированию, осуществлял контроль над ходом подготовки и обоснования планов, координировал и регулировал требуемые для выполнения народно-хозяйственного плана производственные связи и тем самым выступал в качестве исполнительно-распорядительного органа управления [5: 56]. На Госплан СССР была возложена ответственность за состояние планирования в народном хозяйстве, за экономическую обоснованность разрабатываемых проектов планов развития. Выполнение решений функциональных органов, имеющих «надведомственные» полномочия, были обязательны для всех отраслевых министерств.

Одновременно Госплан СССР являлся важным институтом советской экономики, так как он был центром, в котором собиралась вся информация о производственных возможностях всех предприятий. Именно в рамках этого органа делались прогнозы, просчитывались разные стратегии распределения ресурсов с целью удовлетворения тех или иных потребностей большинства экономических субъектов. При этом на протяжении практически всего рассматриваемого периода существовавшая в стране система планирования производственных показателей, в том числе относящаяся к отраслям ЛПК, имела ряд проблем и особенностей. По мнению Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова, центральные плановые органы были не в состоянии охватить все народно-хозяйственные пропорции. Приблизительно увязывались лишь главные задания плана с имеющимся количеством наиболее важных ресурсов (например, в 1980-е годы Госплан регулировал не более 5 % всех пропорций по экономике). Более детально государственный план дорабатывался механически – путем применения стандартных нормативов, основанных на прошлом опыте. Как правило, ставилась задача наращивания производство исходя «от достигнутого уровня»: отталкиваясь не от реального совокупного спроса, а от того уровня экономических показателей, которыми завершился предыдущий плановый период. Окончательная доводка плана и исправление проводились в ходе реализации плановых заданий, которые предписывалось выполнять «любой ценой». По мнению авторов, планы фактически никогда не выполнялись [4: 378–379].

В последнее время деятельность Госплана стала объектом изучения как историков, так и специалистов в других областях знания. Серьезное

© Кулагин О. И., 2016

внимание деятельности Госплана уделяет в своих работах В. Л. Некрасов [2]. Он, в частности, отмечает, что, например, реформа Госплана СССР 1955 года, как, впрочем, и остальные реформы данного института, осталась на периферии внимания новейшей российской и зарубежной историографии хрущевских реформ. Автор приходит к выводу, что Госплан СССР был мощным носителем практик сталинской модели хозяйствования, против которой объективно были направлены реорганизации 1955–1957 годов [3].

А. Р. Гапсаламов отмечает в своем исследовании, что в структуре управления советской промышленностью возникли и прижились межотраслевые органы, возникшие из потребностей отраслевой специализации. К таковым относился и Госплан СССР. Спецификой деятельности этих органов являлось то, что сфера воздействия их управленческих решений была ограничена определенными локальными рамками и не затрагивала все отрасли промышленности в целом [1: 7].

Особенности трансформаций в системе управления ЛПК и лесным хозяйством, произошедших в том числе в эти годы, и их последствия были подробно исследованы И. Р. Шегельманом [8], [9], [10].

Рассматриваемый период второй половины 1940-х – 1980-е годы – время, когда регулирующая роль Госплана не только стала фактором развития советской экономики, но претерпела ряд изменений.

В рамках сталинской экономической системы второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Госплан СССР выполнял прежде всего функцию контроля за исполнением поставленных государством показателей. В конце июня 1945 года была закончена проверка хода выполнения Постановления СНК СССР от 24 апреля 1945 года за № 872 «О мероприятиях по увеличению лесозаготовок Наркомлеса Карело-Финской ССР». Материал проверки был представлен в Госплан СССР на имя председателя Государственного планового комитета при Совете Министров СССР Н. А. Вознесенского. Проверкой, проведенной уполномоченным Госплана СССР по Карело-Финской ССР, было вскрыто невыполнение указанного постановления рядом организаций и, главным образом, обязательств со стороны Наркомлеса СССР. Одновременно в процессе проверки в Наркомлесе республики были выявлены проблемы при исполнении решений вышестоящих организаций, на что было обращено внимание Наркомлеса и Совнаркома при устном докладе[1].

В дальнейшем функция контроля за выполнением плановых показателей, включавшая анализ и критику их невыполнения, осталась одной из приоритетных. В 1950 году заместителю председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухину поступило письмо от заместителя председателя Госплана СССР С. Ф. Демидова о работе целлюлозно-бумажной промышленности Минлесбумпрома СССР в 1949 году и I квартале 1950 года. Согласно этому письму, наряду с количественным выполнением плана ассортиментный план производства бумаги и картона не был выполнен. Из 94 сортов бумаги план был выполнен только по 67. По мнению Госплана, руководящие работники министерства и главных управлений мало бывали на предприятиях и стройках, не оказывали им необходимой помощи: пусковые стройки не обеспечивались своевременно необходимыми материально-техническими ресурсами и балансовой древесиной[2].

Госплан становился также объектом просьб со стороны Минлесбумпрома, так как выделяемые им финансовые средства были явно недостаточны для нормальной работы его предприятий. В письме 1952 года министра Г. М. Орлова на имя заместителя председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухина указывалось, что отсутствие жилой площади и необходимых культурно-бытовых условий вызывали недопустимую текучесть рабочих постоянного кадра с предприятий ЛПК. По мнению министра, при этом вследствие недостатка капитальных вложений объем жилищного строительства за истекшие годы установился в несколько раз меньше действительной потребности. В силу этих обстоятельств на проведение оргнабора рабочей силы в лесозаготовительную промышленность государством бесполезно тратились огромные средства, так как из-за недостатка жилья две трети принимаемых рабочих через несколько месяцев покидали работу в лесу[3]. В итоге письмо заканчивалось просьбой министерства поручить Госплану СССР и Минфину СССР рассмотреть к 10 сентября 1952 года вопрос о выделении Минлеспрому СССР дополнительных капитальных вложений, а Госснабу СССР – о выделении строительных материалов и свои предложения представить в Совмин СССР[4].

В послесталинский период региональные элиты стали усиливать свое политическое и экономическое влияние. По мнению Р. Г. Пихоя, данные элиты, являясь составной частью бюрократической системы согласований, отстаивали групповые интересы внутри партийно-государственной элиты [6: 4]. В то же время усилению региональных элит способствовала внутриполитическая борьба за власть в правящей элите между преемниками И. В. Сталина [7: 183]. В изменившейся институциональной среде промышленные предприятия все больше стремились реализовывать тактику, которая заключалась в «выбивании» в министерстве фондов на капитальные вложения, получении повышенных лимитов на сырье и обеспечении необходимой численностью работников. Это делалось с целью подстраховаться на случай возможных сбоев в поставках или корректировки плана выпуска. Будучи не в состоянии получить детальную информацию относительно производственных возможностей предприятий, плановые органы выбирали в качестве основного метод планирования «от достигнутого уровня», когда планом на следующий год выступали увеличенные на определенную величину показатели, достигнутые предприятием в предыдущем году. Ведя себя оппортунистически, директора намеренно занижали производственные

возможности своего предприятия, чтобы ценой меньших усилий выполнить план этого года и не получить слишком высокий план на следующий год. Данное явление получило название инерционного эффекта или «эффекта храповика» (ratchet effect) [11]. К примеру, в проектах пятилетнего плана в 6-й пятилетке, представленных в 1955 году, леспромхозы заложили рост объема лесозаготовок на 22 %, Министерство лесной промышленности СССР наметило рост лесозаготовок на 33 %, а в проекте Госплана СССР предусмотрено было увеличение на 44 %[5]. Таким образом, представление руководящего министерства о реальных производственных возможностях предприятий представляло собой нечто среднее между взглядом сверху в лице Госплана СССР и взглядом снизу в лице самих предприятий.

В период 1960-х годов Госплан СССР продолжал осуществлять контроль за деятельностью предприятий ЛПК. В частности, в 1965 году проверкой было установлено, что многие поручения и задания ЦК КПСС, Совмина СССР и СНХ СССР Гослескомитетом выполнялись несвоевременно. В 1964 году из 164 поручений и заданий 36, или 22 %, не были выполнены в установленные сроки. Разрешение на продление сроков комитет у правительства не спрашивал. Более того, комитет допускал факты самовольного изменения сроков выполнения отдельных поручений и заданий. Например, ЦК КПСС и Совмин СССР Постановлением от 22 апреля 1964 года № 346 обязали комитет обеспечить разработку комплексных проектных заданий на расширение Балахинского, Котласского, Архангельского, Кондопожского, Комсомольского комбинатов до 1 марта 1965 года. Однако Комитетом в феврале 1965 года без разрешения ЦК КПСС и Совмина были установлены подведомственным институтам более поздние сроки разработки и утверждения техдокументации[6].

Необходимо отметить, что Госплан СССР старался также учитывать в известных пределах интересы и пожелания как отраслевых, так и территориальных экономических субъектов. К примеру, при разработке плана развития лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР на 1971 год учитывались предложения министерств, ведомств и Советов Министров союзных республик, а также предварительные предложения по основным показателям развития народного хозяйства страны, одобренные Коллегией Госплана. Предусматривалось при этом дальнейшее снижение переруба расчетной лесосеки и развитие лесозаготовок и деревопереработки в многолесных районах. По предварительным расчетам, переруб расчетной лесосеки в 1971 году в отдельных районах страны должен был уменьшиться до 17–18 млн куб. по сравнению с 21 млн куб. по плану 1970 года[7].

Согласование в рамках Госплана СССР различных интересов было характерно и для сферы лесного хозяйства. В объяснительной записке к проекту плана развития лесного хозяйства на 1976 год указывалось, что данный проект был разработан в соответствии с Постановлением Совмина СССР от 29 апреля 1975 года № 348 и Приказом Госплана СССР от 12 мая 1975 года № 50, а также на основе проектов планов, представленных Гослесхозом СССР, Минлеспромом СССР, другими министерствами и ведомствами СССР и Советами Министров союзных республик с учетом итогов выполнения плана за 1974 год и ожидаемого выполнения за 1975 год. По всем союзным республикам отпуск леса на 1976 год был предусмотрен в пределах утвержденной расчетной лесосеки. Однако по ряду областей европейской части СССР и Урала предполагалось еще оставить перерубы расчетной лесосеки, которые должны были составить расчетно: по КАССР – 2,5 млн куб. (21 %), Вологодской обл. – 0,5, Кировской обл. – 0,7, Марийской АССР – 0,45 (29 %), Чувашской АССР – 0,15 (14 %), Свердловской области – 0,4 млн куб.[8]

Таким образом, выступая в качестве координирующего органа и имея информацию об острых проблемах в развитии отраслей ЛПК и лесном хозяйстве, Госплан СССР мог лишь менять некоторые цифры, но предусмотреть действенный механизм решения существовавших проблем не был способен.

В то же время Госплан СССР становился фокальной точкой при разрешении ведомственных споров. В 1975 году министр транспортного строительства В. О. Архипцев в своем письме просил Госплан СССР рассмотреть возможность распространить на лесозаготовительные предприятия его ведомства действие Постановления Совета Министров СССР от 14 января 1971 года № 2 «О порядке продажи деловой древесины колхозам и совхозам, направившим колхозников и рабочих совхозов на лесозаготовительные и лесосплавные работы». Привлечение министерствами и ведомствами рабочих из колхозов, совхозов РФ реализовывалось в территориальном разрезе Совмином РСФСР. Госплан СССР рассмотрел совместно с Госснабом СССР (Г. М. Орлов) и Минлеспромом (Н. В. Тимофеев) просьбу Минтрансстроя. В результате в целях сохранения преимущественного положения основных заготовителей Госплан посчитал нецелесообразным распространять действие указанного постановления Совмина на Минтрансстрой, в силу того что данное министерство заготавливало древесину для собственных нужд, его удельный вес в общем объеме составлял всего лишь 0,6 % и развивать эту отрасль в составе министерства Госплан не считал перспективным[9]. В данном случае объективное желание государства в лице Госплана СССР поддержать основных заготовителей древесины для выполнения ими плановых показателей, установленных государством, совпало с ведомственными интересами Минлеспрома, не желающего делиться с другими министерствами таким дефицитным ресурсом, как рабочая сила.

В период 1970–1980-х годов Госплан СССР оставался местом урегулирования интересов отраслевых и территориальных органов в области управления экономикой, и в отношении освоения

лесных ресурсов в частности. В то же время о наличии у некоторых территориальных органов управления сильного лобби при урегулировании вопросов об использовании лесных ресурсов говорят также протоколы заседаний в Госплане СССР.

На совещании в Госплане 5 июля 1980 года, где присутствовали представители Совмина УССР, Совмина Литовской ССР, Совмина Латвийской ССР, Совмина Эстонской ССР, а также отделов Госплана СССР, по поручению Совмина СССР обсуждался вопрос о размере расчетных лесосек на 1981–1990 годы с учетом имевшихся решений и указаний ЦК КПСС и Совмина СССР по вопросам использования лесосырьевых ресурсов в европейской части страны. В результате совещание посчитало необходимым отметить, что Госкомитет СССР по лесному хозяйству в связи с возражением Советов Министров ряда союзных республик утвердил расчетные лесосеки на 1981–1990 годы меньше рекомендованных Государственной экспертной комиссией Госплана СССР (Постановление от 15 августа 1979 года № 19) по УССР (по зоне деятельности Минлесхоза республики) на 478 тыс. куб., Литовской ССР – на 188 тыс. куб., Латвийской – на 183 тыс. куб., Эстонской – на 135 тыс. куб. Учитывая плачевное состояние лесосырьевых ресурсов указанных союзных республик, было принято согласованное с Советами Министров Украинской, Литовской, Эстонской ССР решение об установлении расчетной лесосеки на 1981–1990 годы в уменьшенных размерах: по УССР – 6000 тыс. куб., по Литовской ССР – 1638 тыс. куб. (с вводом в действие с 1983 года), по Эстонской ССР – 1510 тыс. куб.[10]

В то же время Госплан СССР, сохраняя за собой функцию контроля, продолжал критиковать Минлесбумпром СССР за невыполнение производственного плана. На заседании в Госплане от 5 июля 1985 года, посвященном ходу выполнения предприятиями Минлесбумпрома СССР плана производства продукции в январе – июне 1985 года, указывалось, что несмотря на то, что народно-хозяйственные планы по производству круглых лесоматериалов были, по мнению Госплана, сбалансированы с товарной структурой лесосечного фонда, Минлесбумпром СССР невыполнение плана производства крупных лесоматериалов без каких-либо обоснований объяснил отсутствием именно такой сбалансированности. Анализ отчетных материалов и данных проверок, проведенный Госпланом на местах, показал, что невыполнение плана производства деловой древесины и круглых материалов объяснялось значительными потерями при заготовке и транспортировке древесины, некачественной раскряжевкой и сортировкой, а также использованием круглых лесоматериалов не по назначению[11]. Госпланом также был подвергнут критике контроль состояния лесовосстановления, приводимый министерством. В отчетах по многим объектам было отражено неудовлетворительное ведение в лесхозах учета текущих изменений в лесном фонде. Причем в объектах с большими отклонениями данных учета лесного фонда (УФЛ) от данных математико-статистического метода (МСМ) оказались регионы, которые в то время стали главными объектами лесоэксплуатации: Пермская, Ульяновская, Архангельская, Горьковская области, а также КАССР и Коми АССР[12].

Анализ деятельности органов Госплана СССР в качестве института регулирования советской лесной экономики позволяет сделать вывод о трансформации его функций в течение рассматриваемого периода. В условиях сталинской экономики второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Госплан СССР был прямым проводником политики центральной власти, одной из главных задач которой было регулирование процесса выполнения плановых показателей. К периоду 1960-х годов с усилением политического и экономического влияния региональных элит, сохраняя свою контролирующую функцию, Госплан СССР стал своего рода фокальной точкой при разрешении ведомственных споров. В период 1970–1980-х годов Госплан СССР окончательно стал той структурой, где урегулировались интересы отраслевых и территориальных органов в области управления экономикой, и в отношении освоения лесных ресурсов в частности. В то же время громоздкость и разветвленность ведомственного аппарата управления отраслями ЛПК к периоду 1980-х годов уже не позволяли эффективно планировать и контролировать работу производственных объединений и отдельных предприятий. Это, в свою очередь, стало одной из причин тех проблем в эффективном использовании лесных ресурсов, которые были очевидны, в том числе, для работников Госплана СССР, но почти не решаемы.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 46. Д. 153. Л. 10.
[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 518. Л. 203–204.
[3] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1037. Л. 54.
[4] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1037. Л. 56–58.
[5] РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
[6] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–9527. Оп. 1. Д. 787. Л. 4.
[7] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3741. Л. 1–1а, 43.
[8] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7032. Л. 2–3, 8–9.
[9] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7301. Л. 115–117.
[10] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 3093. Л. 20–21.
[11] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 6710. Л. 97–98.
[12] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 6710. Л. 149.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапсаламов А. Р. Система управления промышленностью Советского Союза: теоретический аспект // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2013. Вып. 6. Ноябрь – декабрь. С. 1–14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/92EVN613.pdf (дата обращения 20.04.2016).
2. Некрасов В. Л. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–70.
3. Некрасов В. Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103.
4. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития): Монография. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2010. 531 с.
5. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г. И. Зинченко, Д. И. Правдина, А. А. Синягова. М.: Мысль, 1977. 383 с.
6. Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4.
7. Хромов Е. А. Региональные элиты в СССР в конце 1950-х – середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 183–186.
8. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
9. Шегельман И. Р. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации 1946–1960 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 204 с.
10. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации (1917–1930 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 70 с.
11. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): В трех частях / Под. ред. д. э. н., проф. Р. М. Нуреева. Часть вторая. Фирмы современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/19204386/ (дата обращения 03.05.2016).

Kulagin O. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE STATE PLANNING COMMITTEE OF THE USSR AS AN INSTITUTION REGULATING THE SOVIET FOREST ECONOMY (THE SECOND HALF OF THE 1940s–1980s)

Modern national timber economy is experiencing difficulties, and; therefore, the relevance of this study is related to both the analysis of its positive experience, which was acquired in the period under review, and the crisis, which consequently developed in the sphere of industrial production. The Timber Complex was not an exception. During the time period in focus, it accumulated a lot of serious problems: the irrational use of forest resources, the accelerated outflow of production capacity, the time lag in the development of social infrastructure from industrial development. Scientific novelty of the researched problem is connected with the insufficient study of the real role of the State Planning Commission in the development of the national timber industry during this period. Throughout reported period, the State Planning Committee of the USSR retained all regulatory functions of the Soviet forest economy. Using new archival materials, the author concludes that the USSR State Planning Committee transformed from the agency, which tightly controlled execution of planned targets, into the institute of coordination of various departmental and regional interests. At the same time, defending the state's interests, the state planning agencies under conditions of economic slowdown contributed to the conservation of timber industry backlog when compared with other manufacturing industries.

Key words: state planning agencies, the Soviet timber industry, the focal point

REFERENCES

1. Gapsalamov A. R. The management system in the industry of the Soviet Union: Theoretical Aspect [Sistema upravleniya promyshlennost'yu Sovetskogo Soyuza: teoreticheskiy aspekt]. *Internet-zhurnal "NAUKOVEDENIE".* 2013. November – December. Issue 6. P. 1–14. Available at: http://naukovedenie.ru/PDF/92EVN613.pdf (accessed 20.04.2016).
2. Nekrasov V. L. The post of the chairman of Gosplan in the system of top political leadership of (1955–1964) [Dolzhnost' predsedatelya Gosplana SSSR v sisteme vysshego politicheskogo rukovodstva (1955–1964 gg.)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012. № 4. P. 66–70.
3. Nekrasov V. L. Reforms of Gosplan 1955: development of the new model of economic planning [Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2013. № 368. P. 99–103.
4. Nureev R. M., Latov Yu. V. *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya): Monografiya* [Russia and Europe: path dependence effect (the experience of institutional analysis of the history of economic development): monograph]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. Kanta, 2010. 531 p.
5. *Osnovy nauchnogo upravleniya sotsialisticheskoy ekonomikoy* [Basics of scientific management of the socialist economy] / Ed. G. I. Zinchenko, D. I. Pravdina, A. A. Sinyagova. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 383 p.
6. Pikhoya R. G. About internal political struggle in the Soviet leadership. 1945–1958 [O vnutripoliticheskoy bor'be v sovetskom rukovodstve. 1945–1958 gg.]. *Novaya i noveyshaya istoriya.* 1995. № 6. P. 4.
7. Khromov E. A. Regional elites of the USSR in the late 1950s – midpoint of the 1960s. On the formulation of the question [Regional'nye elity v SSSR v kontse 1950-kh – seredine 1960-kh gg. K postanovke voprosa]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2009. № 323. P. 183–186.
8. Shegel'man I. R. *Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)* [Forest Transformation (XV–XXI centuries)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2008. 240 p.
9. Shegel'man I. R. *Lesozagotovki i lesnoe khozyaystvo: transformatsii 1946–1960 gg.* [Logging and forestry: the transformation of 1946–1960 gg.]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2011. 204 p.
10. Shegel'man I. R., Kulagin O. I. *Lesozagotovki i lesnoe khozyaystvo: transformatsii (1917–1930)* [Logging and forestry: Transformation (1917–1930)]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2015. 70 p.
11. *Ekonomicheskie sub"ekty postsovetskoy Rossii (institutsional'nyy analiz: V trekh chastyakh. Chast' vtoraya. Firmy sovremennoy Rossii* [Economic subjects of the post-Soviet Russia (institutional analysis). In The three parts. Part two. Companies modern Russia]. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/461/693/1219/ch7.pdf (accessed 03.05.2016).

Поступила в редакцию 12.02.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 26–29 Исторические науки и археология 2016

УДК 39

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ИСПУГ КАК ПРИЧИНА И СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КАРЕЛ*

В верованиях карел одной из причин возникновения заболеваний у человека считался испуг. Цель статьи – исследовать представления карел об источниках испуга, болезнях, вызванных испугом, и способах их лечения. Задачами являются, во-первых, выявление и сравнение верований карел, связанных с испугом; во-вторых, идентификация народных названий испуга и болезней, которые считались его последствием в свете общекарельской и локальных традиций, а также сравнение собранных лексем в собственно карельском, ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка и определение происхождения наименований. Представленный материал является новым и актуальным, так как данная проблема рассматривается впервые. В результате исследования приходим к выводу, что верование в такое явление, как испуг, было свойственно в большей степени для собственно карел, что подтверждено как уже опубликованными образцами карельской речи, так и собранным автором в полевых условиях материалом.

Ключевые слова: этнолингвистика, карельская традиционная культура, народная медицина, мифология, лечебные обряды, верования карел

Согласно древним представлениям карел, большинство болезней насылались людям духами-хозяевами, силами природы, колдунами или плохими людьми. Кроме этого, причину некоторых заболеваний карелы видели в испуге, который является предметом описания в данной статье. В качестве основного лингвистического источника используются образцы карельской речи и материал, собранный автором в Калевальском районе Республики Карелия.

В народной культуре испуг понимается как «болезненное состояние и вызывающий его дух или существо»[1]. Вероятнее всего, к этому привело глубокое убеждение людей в том, что состояние страха можно специально наслать на человека, и тогда испуг пристанет к нему. Северные карелы считали, что испуг мог прицепиться только к слабохарактерным или трусливым людям [7: 64].

Как и все насланные/приставшие болезни, «испуг» относился к опасным заболеваниям, так как следствием сильного состояния страха могли стать и другие серьезные болезни (эпилепсия, родимчик и т. д.). К легким формам последствий испуга относилось заикание. Например, в классификации держанских карел среди прочих групп болезней был и испуг: 1) болезни от холода (кашель, насморк, веснуха, рожа); 2) от грязи и насекомых-паразитов (чесотка); 3) от животных (лишай, чума); 4) от испуга (заикание); 5) заразные болезни (то есть эпидемические) (оспа, коклюш); 6) от сглаза; 7) от плохого человека, насланная через какую-нибудь вещь (эпилепсия); 8) от плохих жизненных условий (желтуха) [6: 225].

Карелы деревней Вокнаволок, Калевала, Кестеньга и Суйстамо различали болезнь *hiimosti*[2], которая по симптомам напоминала заболевание нервной системы. Наименование *hiimosti* могло быть заимствовано из финского языка от существительного **hiimat* ‘чары’. Также можно предположить заимствование данной лексемы из диалектов русского языка *химостить, химистить ‘ворожить’, в который оно пришло от финского *hiimat ‘чары’[3]. Болезнь *hiimosti* имела несколько разновидностей, зависящие от того, где человек испытал испуг: испуг в лесу хруста ветки или медведя вызывал заболевание *mečän/hiimošti* (букв. ‘заразная болезнь от леса’), испуг покойника – *ruumiksen/hiimošti* (букв. ‘заразная болезнь от трупа’). Вид *hiimosti* определяли с помощью гадания на решете[4]. В зависимости от виновника подбиралась подходящая терапия, которая обычно основывалась на магическом действии и слове [4: 217].

Причиной испуга могли стать резкий стук, хруст, крик, а также вид чего-то неприятного. Испытав испуг, люди могли заболеть разными недугами. По мнению северных карел Калевальского района (д. Войница), испугавшись покойника или в том месте, где находились вещи умершего человека (одежда, щепки от гроба), к человеку приставала болезнь *kalma* (‘смерть, могила’). Карелы д. Кондока верили, что эта хворь проявлялась при испуге от известия о смерти или увиденного во сне покойника [7: 65], [14: 223]. В карельском языке у этого заболевания были различные эквиваленты, которые отражали, по всей видимости, причину испуга. Самым распространенным

© Пашкова Т. В., 2016

территориально было наименование *kalma* (ск., ливв., люд.)[5]. Первоначальные и основные значения слова *kalma* – ‘могила’, ‘кладбище’. Сама лексема *kalma* является древним германским заимствованием *scalmo ‘смерть, чума, труп’[6]. Выделялись два вида *kalma*: *vesikalma* (букв. ‘водяная могила’) и *ristimätön kalma* (букв. ‘некрещеная могила’). *Vesikalma* проявлялась в тех случаях, если испугаешься чего-нибудь во время стирки одежды умершего, а *ristimätön kalma* – при испуге мертвого некрещеного ребенка [7: 65]. В бытующем в собственно карельском и ливвиковском наречиях наименовании *kalman/nenä* (букв. ‘нос могилы’) второй компонент имеет несколько объяснений. С точки зрения этимологии *nenä* является исконно прибалтийско-финским словом (ср. саам. njuon(n)e, njun(n)e ‘нос’)[7], которое в диалектах карельского языка и в финском языке имеет одинаковый перевод ‘нос’. Как объяснил один из информантов (д. Большие Горы), во время вышеуказанных заболеваний человеку было тяжело дышать, потому что эти болезни приставали к людям именно через нос, по воздуху, когда человек дышал (ПМА). Другие информанты (деревни Царь-порог, Самбатукса, Печная Сельга, г. Олонец) утверждают, что составляющей частью этих наименований является лексема *nenä*, так как нос всегда «находится впереди человека», и поэтому именно через нос все болезни проникают в организм человека (ПМА). Подобная теория существует в славянской мифологии: «Нос – часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром и напрямую соотносится с материально-телесным низом. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее агенты»[8]. Возможно, представленные наименования *nenä* и *kalmannenä* указывают на испуг человека на самом кладбище.

В диалектах собственно карельского наречия бытовала лексема *kalmahine*, образованная от существительного *kalma* с присоединением суффикса *-hine*, посредством которого образуются названия живых и мифических существ. Скорее всего, этот термин употребляли в том случае, если причиной испуга был мифический хозяин могилы.

На испуг покойника/мертвого указывала распространенная в ливвиковском и людиковском наречиях лексема *kuoliennenä* (букв. ‘нос мертвого’)[9] (ПМА).

Болезнь *mečän/nenä* (букв. ‘лесной нос, нос леса’) (ск., ливв., люд.)[10] появлялась в том случае, если человек пугался в лесу хруста ветки, задранного медведем животного или падаль (ПМА). Симптомами этого заболевания были боли в груди и плечах (г. Суоярви), сильное головокружение (д. Сямозеро) [5: 3], тошнота и иссыхание тела (д. Видлица) [9: 542], рвота (д. Савиново) и другие [1: 69].

Последствием сильного испуга у ребенка мог стать родимчик (ск. *rod’imča*, *rodimčikka*; ливв. *rodimču*, *rodimčikku*) [12: 203]. Данное наименование заимствовано из русского: родимчик – болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей). Название *родимчик* является разговорным[11]. Словарь В. Даля толкует эту болезнь как «падучая младенцев, или, вернее, воспаление мозга»[12]. Родимчик был в Карелии широко распространен. В Северной Карелии в XIX веке причиной смерти большинства младенцев являлся именно родимчик. В нем обнаруживаются признаки паралича и эпилепсии [3: 95].

Лечение болезней, вызванных испугом, происходило «смыванием», «изгнанием» и «пуганием» болезни. В 1968 году в севернокарельской д. Ювялакша был зафиксирован следующий случай. Во время проверки улова женщина, в связи с тем что силки в воде запутались, случайно сняла рыбу из чужих ловушек. Женщина сразу это обнаружила, но ее спутники настояли, чтобы она забрала чужую рыбу. В процессе потрошения рыбы она поранилась ножом, после чего раненая рука начала опухать и нарывать. Все это настолько сильно испугало ее, что она все время повторяла только одно: «Я взяла чужую рыбу». Родственники обратились к знахарю, который вылечил женщину тем, что трижды неожиданно окунул ее в родник в ледяную воду. Знахарь констатировал, что во время окунания в холодную воду женщина сильно испугалась: клин клином вышибают, женщина заболела и поправилась от одного и того же – от испуга. Лечение здесь полностью зависело от течения заболевания, и «компоненты» причины недуга и излечения были идентичны: вода наказала и вылечила испуг [2: 323].

Можно абсолютно точно констатировать, что основным «помощником» избавления от испуга была вода. Если болезнь *kalma* сопровождалась опуханием тела, то топили баню, обязательно используя ключевую воду. Затем разводили ведро воды, и когда больной заходил в баню, то ему в лицо выливали всю эту воду. Положительный эффект был только в том случае, если больной сильно испугается. Если больной не испугался, то топили баню повторно и при обливании произносили: «Kačom mie jotta eikő tästä lähe kočmat!» (‘Посмотрю я сейчас, выйдут/пройдут ли из этого (человека) недуги!’) [11: 140].

Если не удавалось остановить икоту, то у русских эффективным считалось неожиданно напугать икающего или вызвать у него чувство стыда[13]. Людиковские карелы (д. Галлезеро) и собственно карелы (д. Суднозеро) также прибегали к способу неожиданного испуга/страха, например за несовершенный поступок. У северных карел для этого неожиданно говорили икающему: «Ой, а я даже и не заметил, что ты украл черные нитки» [10: 281], [13: 150].

Кроме того, испуг использовали как способ устранения других болезней. Одного взрослого мужчину вылечили от приступов эпилепсии испугом: бросили его неожиданно в холодную воду. Из воды он вышел здоровым [8: 244].

Последствий испуга можно было избежать, если, неожиданно испугавшись, сразу посмотреть через левое плечо, плюнуть и произнести:

Muissan mie tämän paikan, ta i tämän päivän [7: 64].	Помню я это место, да и этот день (перевод наш. – *Т. П.*).

Однако информанты (Калевальский район) отмечали, что вода, основной источник избавления от испуга, может сама вызвать болезнь. Одна из жительниц д. Толлорека рассказывала: «Петя (муж мой) в детстве ходил осенью налимов глушить. Вода брызнула на лицо. Испугался. Лицо потом коростой все покрылось. Никакие врачи не помогли. Тоже бабуля на берег водила, шептала три раза. В полночь, полнолуние. На берегу этого же водоема: “Vejen isännät, vejen emännät, kuninkahat, lapšien lapset, prostikkua, jos mitä olen pahua ruatan, ta auttakkua, kun voinetta” ‘Хозяева воды, хозяйки воды, короли, дети детей, простите, если что я плохого сделал, и помогите, если можете’ (перевод наш. – *Т. П.*). Уходили потом не оглядываясь» (ПМА). В данном случае для избавления от болезни обращались к знахарю, который просил прощения у воды, «источника испуга». В народных представлениях вода является средством магического очищения. К ней обращались с просьбой о том, чтобы она «смыла» болезнь, освободила больного от страданий [4: 219].

Проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые итоги относительно такого состояния человека, как испуг. В народных представлениях испуг мог вызвать у человека различные заболевания и сам мог являться формой некой болезни. Лечение последствий испуга происходило «изгнанием» болезни из заболевшего путем вызывания у него чувства испуга/страха. Локальные различия между собственно карелами, ливвиковскими и людиковскими карелами четко отражены в использовании наименований, бытовании поверий и использовании лечебных средств относительно испуга и болезней, вызванных им. Данные традиции и верования были развиты в большей мере у собственно карел.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012−2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
люд. – людиковское наречие карельского языка
ПМА – полевой материал автора
ск. – собственно карельское наречие карельского языка

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. 689 с.
[2] Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 350 с.; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s.
[3] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
[4] Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s.; Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1979. 543 s.
[5] Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s.
[6] Meri V. Sanojen synty. Jyväskylä: Gummerus, 2002. 457 s.
[7] Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Jyva: WSOY, 2. 1992. 735 s.
[8] Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. 689 с.
[9] Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s.
[10] Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s.
[11] Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.
[12] Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2005. 736 с.
[13] Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. 689 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Петрозаводск, 2012. С. 68–73.
2. Конкка А. П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневной карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / Сост. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 320–333.
3. Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, Ин-т яз., лит. и истории, 1994. С. 82–102.
4. Рыбарчык-Дыевска Й. Демонические источники детского испуга и магические способы борьбы с ними (на примере русских заговоров) // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 215–222.
5. Kansanomainen lääkintätietous / Toim. M. Hako. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.

6. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
7. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). Helsinki: SKS, 1924. 248 s.
8. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
9. Suomen kansan vanhat runot II: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot. Helsinki: SKS, 1927. 842 s.
10. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: SUST, 1963. 419 s.
11. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s.
12. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
13. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.
14. Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. 700 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STARTLE AS THE CAUSE AND TREATMENT OF DISEASES IN KARELIAN FOLK MEDICINE

A belief that a startle was a cause of multiple diseases' development in people was widely spread among Karelian population. The concept of the origin of fright, diseases caused by the startle, and possible ways of treating such conditions in Karelian population are studied in the article. The purpose of the study is to; firstly, identify and compare Karelian beliefs related to the concept of fright and; secondly, to define the names of the fright and diseases caused by the startle. Comparisons of various collected lexical units inherent to the part of Karelian language in focus with other lexical units characteristic of different Karelian dialogues is conducted. The presented material is of particular significance due to its novelty. The problem is studied for the first time. As a result of the conducted research it is possible to assert that beliefs in such phenomenon as fright were customary for Karelian population. The conclusion of the study is substantiated by the earlier published speech samples and materials collected by the author.

Key words: ethnolinguistics, Karelian traditional culture, traditional medicine, mythology, medical ceremonies, beliefs Karelian

REFERENCES

1. Ivanova L. I. Forest nose: archaic ideas of Karelians about illnesses and magic loci of healing rituals [Lesnoy nos: arkhaicheskie predstavleniya karelov o bolezni i magicheskie lokusy rituala istseleniya]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Gumanitarnye issledovaniya.* Issue 4. Petrozavodsk, 2012. P. 68–73.
2. Konkka A. P. Sins and bans in daily and ceremonial behavior as a part of traditional picture of the world of Karelians [Grekhi i zaprety v povsednevnom i obryadovom povedenii kak chast' traditsionnoy kartiny mira u karelov]. *Kul'tura povsednevnoy karel'skoy sem'i (konets XIX – pervaya tret' XX v.). Issledovaniya. Materialy. Dokumenty* / Comp. O. P. Ilyukha. Petrozavodsk, 2014. P. 320–333.
3. Lavonen N. A. Karelian cloth: its functions in national life and traditional ceremonies [Karel'skaya skatert': ee funktsii v narodnom bytu i traditsionnykh obryadakh]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk, 1994. P. 82–102.
4. Rybarchyk-Dyevska Y. Demonic sources of child's dreads and magical methods to cure it (on the example of Russian spell) [Demonicheskie istochniki detskogo ispuga i magicheskie sposoby bor'by s nimi (na primere russkikh zagovorov)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii.* 2014. № 5. P. 215–222.
5. Kansanomainen lääkintätietous / Toim. M. Hako. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.
6. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
7. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus, kuolema (Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia). Helsinki: SKS, 1924. 248 s.
8. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SUS, 1971. 388 s.
9. Suomen kansan vanhat runot II: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot. Helsinki: SKS, 1927. 842 s.
10. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: SUST, 1963. 419 s.
11. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 s.
12. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1961. 271 s.
13. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. 804 s.
14. Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. 700 s.

Поступила в редакцию 10.03.2016

№ 5 (158). С. 30–34 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(470.22)

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ivikshor@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАРЕЛИИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ*

На основе архивных источников исследуются формы и способы привлечения творческой интеллигенции Карелии к идеологической учебе в середине 1950-х – первой половине 1960-х годов. Проанализированы причины уклонения писателей и актеров республики от политического просвещения, кризис системы которого был вызван неприятием традиционных способов политической учебы со стороны писательской и театральной интеллигенции и неготовностью политической системы допустить новые формы политпросвещения. Сделан вывод о том, что неспособность партийного руководства Карелии пойти на компромиссы стала одной из причин постепенной утраты творческой интеллигенцией роли идеологического помощника партии.

Ключевые слова: политическое просвещение, творческая интеллигенция, хрущевская оттепель, идеологический контроль

В советский период политическая учеба творческой интеллигенции являлась важным фактором воспитания ее в качестве «помощника партии». Распространение идеологии в виде лекций, семинаров и кружков политического просвещения стало наиболее удобной формой поддержания лояльности в среде советских писателей и театральных деятелей. Если в 1920–1930-е годы значительная часть советской интеллигенции не состояла в партии, то после смерти Сталина началось ее массовое вступление в ряды членов ВЛКСМ, а затем – КПСС. Это привело к более «тесной привязке» профессиональной интеллигенции к политике партии [2: 129]. Так, в период оттепели в среде писателей и театральной интеллигенции Карелии возросло количество членов партии.

Среднее количество членов партии и кандидатов в члены партии, находившихся на учете в первичной партийной организации

Год	Музыкально-драматический театр	Финский драматический театр	Карельское отделение Союза писателей
1950	7,8	4,8	11
1951	9,8	5,2	11
1952	12,5	5,6	11
1953	15,8	5,8	12
1954	17,5	5,6	13
1956	27,3	9,5	14
1957	27,8	12,4	14
1958	24,2	15,2	14
1959	25,6	15,2	14
1960	23,2	13,2	14
1961	23,3	15,3	15
1962	25,2	14,6	14
1963	28	11	14
1964	33,5	10,9	14

Примечание. Составлено и посчитано по: Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-447 (Фонд партийной организации Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 7–9; Ф. П-131 (Фонд партийной организации Музыкального и драматического театров). Оп. 3. Д. 18, 21, 148; Оп. 4. Д. 2, 4, 6; Оп. 5. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9; Ф. Р-2923 (Фонд общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Карельского регионального отделения). Оп. 1. Д. 8/126; Д. 10/212; Д. 13/251; Д. 13/259; Оп. 2. Д. 2/50; Д. 2/68; Д. 3/81.

© Шорохова И. В., 2016

Членство в партии для большинства представителей творческой интеллигенции являлось гарантией быстрого продвижения по карьерной лестнице, благоприятных условий для профессионального роста и издания произведений. Актеры и писатели Карелии отмечали, что наличие партбилета накладывало на них определенные обязанности. Помимо прочего, они должны были активно участвовать в политическом просвещении[1].

В 1950-е – начале 1960-х годов для творческой интеллигенции Карелии работала развитая система политического просвещения. В нее были включены как члены партии, так и беспартийные. Она предусматривала два варианта обучения. Наиболее загруженные работой писатели, актеры и режиссеры могли заниматься самостоятельно по индивидуальному плану. Выполненный объем работ в письменном виде представляли для контроля консультанту из числа коллег – членов партии[2]. Эту форму политического образования выбирали немногие. Основной причиной низкой популярности самостоятельного политпросвещения было то, что при таком подходе приходилось все-таки читать политическую литературу и писать зачетные работы. Вторая, коллективная, форма политического просвещения предполагала меньшую индивидуальную ответственность обучающегося. Актеры, режиссеры и писатели Карелии имели право выбора между тем или иным политическим кружком, но не имели возможности вообще не посещать занятия. Если человек по каким-либо причинам затруднялся с выбором политического кружка, то его «определяла» партийная организация по своему усмотрению[3]. Через идеологическое просвещение, апелляцию к «политической сознательности» и воспитание «коммунистического мировоззрения» осуществлялся контроль не только над общественными умонастроениями, но и над творческим процессом. Поскольку задачи политического просвещения были масштабными и важными, то первичные партийные организации стремились учесть не только степень первоначальной идеологической подготовки слушателей, но и их образовательный уровень. В национальных регионах Советского Союза, таких как Карелия, на рубеже 1950–1960-х годов проживало еще достаточное количество людей, говоривших на национальных языках. Так, в составе труппы Финского драматического театра было много актеров и технических работников – носителей финского языка и культуры. Это позволило организовать в национальном театре республики политическое обучение как на русском, так и на финском языках[4].

В рассматриваемый период в театральной среде Карелии тематика кружков и семинаров сети политического просвещения по сравнению со второй половиной 1940-х годов практически не изменилась, но стала более разнообразной[5]. Слушателям предлагались следующие курсы: «Современное международное положение», «Советская литература на современном этапе», «Марксистско-ленинская эстетика и философия», курсы лекций об основах воспитания советских детей, «Из чего складывается культура советского человека» и ряд других[6]. Тематика большинства занятий театров республики полностью соответствовала Постановлению ЦК КПСС от 9 января 1960 года о том, что на семинарах политического просвещения должны «изучать теоретические вопросы, связанные с практической деятельностью и профессиональными интересами слушателей»[7].

Тематические планы занятий наиболее полно сохранились в документации Музыкально-драматического театра. Самыми крупными по числу слушателей были несколько кружков по изучению истории КПСС и семинар по марксистско-ленинской эстетике под руководством Б. И. Хотянова. В нем участвовало большинство коммунистов Музыкально-драматического театра. Они слушали такие лекции, как «Искусство как форма общественного сознания», «Эстетическое отношение искусства к действительности»[8]. На семинаре по изучению политэкономии под руководством В. С. Рябова и В. И. Степанова в основном рассматривались материалы XX съезда. Семинары по текущей политике, где занимались 6 членов КПСС и почти вся молодежь Музыкально-драматического театра, проходили под руководством Б. И. Хотянова и Л. М. Вильковича. На этих занятиях изучались материалы пленумов ЦК КПСС, сессий Верховного Совета, положения речей Н. С. Хрущева об управлении промышленностью и сельским хозяйством, международном положении СССР[9].

Первичная партийная организация Карельского отделения Союза советских писателей (далее – ССП) хуже всех справлялась с организацией политической работы. Отчасти это было вызвано особенностями труда литераторов. Они большую часть рабочего времени находились вне учреждений, а их рабочий день был ненормированным. Хотелось бы обратить внимание и на то, что большая часть литераторов Карелии в рассматриваемый период занималась творчеством в свободное время от работы по своей основной специальности в советских учреждениях и на предприятиях. Там «непрофессиональные» писатели являлись участниками политической учебы. Но их идеологическое просвещение не было связано с решением тех задач, которые ставили перед советскими литераторами партия и правительство. По указанным причинам взывать к политической и партийной сознательности писателей, привлекать их к идеологическому обучению было крайне затруднительно. Организовать их просвещение в целом было гораздо сложнее, чем привлечь к идеологической учебе учащихся,

рабочих или служащих. Тем не менее партийные органы республики регулярно проводили для писателей Карелии лекции на политические и творческие темы[10]. Литераторы края узнавали об «Основных тенденциях развития послевоенной советской литературы», «О мастерстве советских писателей-прозаиков», «О новинках советской литературы…» за определенный период. Посещаемость этих лекций была разной: от 150 человек на лекциях, посвященных основным тенденциям развития литературы, до 26 слушателей на занятиях о мастерстве русских классиков[11].

Смягчение режима в первые годы после смерти Сталина породило у творческой интеллигенции надежды на политические изменения в стране [1: 86]. Значительная часть молодежи, прошедшая соответствующую социализацию, в большинстве своем выражала общее согласие с курсом, проводимым советским руководством [4: 31]. Однако непоследовательность оттепели и дальнейший отказ партийно-государственной номенклатуры от смены политического курса породили в обществе серьезное разочарование. У людей творческих профессий оно выразилось в пассивных формах отказа и в уклонении от участия в идеологических мероприятиях партии и правительства. В записке Н. Авдеева, составленной по поручению заведующего Отделом пропаганды и агитации Карельского обкома КПСС в 1959 году, указывалось, что в республиканском Союзе писателей «система политического просвещения не организована». Не выполнялось принятое на партийном собрании решение о коллективном посещении кружка «Идеологическая борьба на современном этапе». Писатели республики были только на одном занятии. Самостоятельная политическая учеба литераторов в декабре 1959 года еще не началась, хотя должна была продолжаться уже двенадцать недель. В Карельском отделении ССП отсутствовали даже планы семинаров политического просвещения[12].

Если в первые годы после смерти Сталина контроль над качеством идеологического просвещения несколько ослаб, то в конце 1950-х годов ознаменовался стремлением охватить политической учебой всех представителей творческой интеллигенции Карелии. Усвоение «коммунистического мировоззрения, овладение основами марксизма-ленинизма, глубокое понимание политики партии становилось жизненной необходимостью для каждого советского человека»[13]. Не вовлеченный в эту систему вызывал недоверие и критику в свой адрес со стороны коммунистов. Важность идейного роста каждого советского гражданина всячески подчеркивалась. Порой даже «недостойное поведение в быту» объяснялось «недостаточным идейно-политическим уровнем» артиста[14].

На рубеже 1950–1960-х годов в СССР повсеместно стали возникать проблемы в организации массовой идеологической работы [1: 138–139]. Неизменность тематики кружков и семинаров политического просвещения, а также их оторванность от практических вопросов профессиональной деятельности творческой интеллигенции Карелии стали основными причинами плохой посещаемости занятий в период оттепели. Основным же фактором «несознательного отношения» писателей, актеров, режиссеров и театральных работников к политической учебе стала перегруженность общества политикой: политизированными были творчество, информация и вся жизнь.

В Постановлении Пленума ЦК КПСС от 21 июня 1963 года «Об очередных задачах идеологической работы партии» отмечалось, что «для коренного улучшения идеологической работы требуется, чтобы вопросами коммунистического воспитания людей, идейной закалки кадров повседневно занимались все партийные органы сверху донизу». Пленум обращал особое внимание «на повышение роли и ответственности первичных партийных организаций за… коммунистическое воспитание людей… за повышение трудовой и политической активности каждого советского человека»[15]. Реализовать на практике эти требования было очень трудно, а в начале 1960-х годов уже практически невозможно. Партийные организации пытались найти способы привлечения творческой интеллигенции края к участию в политических занятиях. Этой проблеме посвящено большое количество партийных заседаний[16]. Руководящие органы стали требовать от творческих работников республики не просто посещения семинаров и кружков политического просвещения, но и активного в них участия. Оно подразумевало предварительную подготовку со стороны обучавшихся[17]. Еще один вариант решения проблемы, применявшийся в период оттепели в Карелии, состоял в том, что за двумя-тремя беспартийными прогульщиками закреплялся один коллега-коммунист. Он должен был контролировать посещаемость ими занятий[18]. Эти эксперименты были обречены на провал. «Пассивность и неверие» в период оттепели стали «предтечами безверия и отторжения системы» в конце 1960-х – начале 1970-х годов [3: 320].

В рассматриваемый период в Карелии были примеры успешного решения проблемы ускользания творческой интеллигенции от политического просвещения. Республиканское отделение ССП нашло новую форму организации политической учебы писателей – дискуссии по проблемам развития современной литературы[19]. На этих занятиях обсуждались и актуальные творческие вопросы, мало связанные с идеологическим обоснованием литературного ремесла писателей края. В таких формах политической учебы скорее следует видеть способ повышения квалификации творческих работников и уровня их образованности. И хотя эти занятия были популярны

среди карельских писателей, театральных деятелей и всех, интересовавшихся литературой, они не привели к существенному изменению ситуации с провалом системы политического просвещения в среде творческой интеллигенции Карелии. Свободные дискуссии как форма повышения ее политической и идейной сознательности вызывали серьезное беспокойство в партийных инстанциях и вскоре перестали существовать. В этой связи интересно определить причины пропусков занятий, которые озвучивали сами обучавшиеся. В 1956–1957 годах актеры и режиссеры карельских театров так объясняли пропуски лекций и семинаров политического просвещения: плохое понимание финского языка (актеры Финского театра), чрезмерная загруженность работой, сухая, неинтересная подача материала, несвязанность его с «трудовыми задачами коллектива», отсутствие дискуссий и обсуждений[20]. У многих актеров рабочий день заканчивался далеко за полночь, поэтому и раннее время начала занятий, 9 часов утра, их не устраивало[21].

К началу 1960-х годов у творческой интеллигенции появились более основательные оправдания плохой посещаемости политических кружков и семинаров. К этому времени в советском обществе благодаря развитию народного образования стала проявляться дифференциация советских граждан по уровню образования. Творческая интеллигенция Карелии жаловалась на невозможность эффективно заниматься по причине того, что группы были укомплектованы представителями разных возрастов с разным уровнем образования. Молодежи, закончившей вузы, было неинтересно слушать подробные объяснения понятных и известных ей вещей, а старшее поколение без разъяснения часто не понимало сложный политический материал[22].

Кризис политпросвещения стал системным, даже коммунисты стали пропускать лекции и семинары[23]. В начале 1960-х годов беспартийные актеры карельских театров активно ссылались на то, что «не имеют примера политической и идеологической сознательности в лице коллег членов КПСС и руководства театрами»[24]. Только в 1963 году на партийном собрании Финского драматического театра артистка Д. К. Карпова озвучила истинную причину рассматриваемого явления: политическое просвещение может быть успешным только при желании обучающегося[25].

Советская творческая интеллигенция и общество в целом в начале 1960-х годов разочаровались в политике партии. Они не увидели обещанных на XX съезде реальных изменений в жизни страны. Утрата политической и идеологической сознательности коснулась и членов КПСС. Неизменность системы политического просвещения и нежелание партийного руководства республики сделать его творческим процессом, приближенным к профессиональной деятельности писателей и актеров Карелии, привели к отказу творческой интеллигенции от участия в нем. В период оттепели силовыми методами или страхом перед системой заставить людей повышать свой идейно-политический уровень было уже невозможно. Наиболее явно кризис системы политического просвещения проявился в среде карельских писателей.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012−2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Запись беседы с актером Ю. С. Гришмановским, сделанная автором 26.11.2004 г.; запись беседы с актрисой Е. П. Корниловой, сделанная автором 22.02.2005 г.; запись беседы с поэтом А. И. Мишиным, сделанная автором 11.02.2005 г.; запись беседы с актером и режиссером Д. С. Утикеевым, сделанная автором 28.09.2004 г.; запись беседы с актрисой Э. А. Утикеевой, сделанная автором 10.10.2004 г.

[2] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-447 (Фонд партийной организации Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 10. Л. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

[3] НА РК. Ф. П-131 (Фонд партийной организации Музыкального и драматического театров). Оп. 5. Д. 1. Л. 15.

[4] НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

[5] НА РК. Ф. Р-3065 (Фонд Государственного Национального театра). Оп. 1. Д. 1/19. Л. 6 об.

[6] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 4. Л. 80–82 об; Ф. П-447. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 11, 18, 25.

[7] О задачах партийной пропаганды в современных условиях. Постановление ЦК КПСС 9 января 1960 г. // КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов. (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 125–145.

[8] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 6. Л. 43–44; Д. 1. Л. 92–93; Д. 5. Л. 54.

[9] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 1. Л. 92–93; Д. 2 . Л. 63–65.

[10] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 5. Л. 7, 54; Д. 6. Л. 25; Оп. 4. Д. 5. Л. 7–8.

[11] НА РК. Ф. Р-2923. Оп. 1. Д. 10/102 а и др.

[12] НА РК. Ф. П-3 (Фонд Карельского Рескома Компартии). Оп. 10. Д. 113. Л. 26.

[13] О задачах партийной пропаганды в современных условиях (Из Постановления ЦК КПСС 9.01.1960 г.) // КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов. (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 348.

[14] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 2. Л. 63; Оп. 4. Д. 8. Л. 7, 8.

[15] Об очередных задачах идеологической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС 21 июня 1963 г. // КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов. (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 106–122.

[16] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 1. Л. 2, 32, 33; Д. 2. Л. 2, 65; Д. 7. Л. 57, 58; Оп. 4. Д. 8. Л. 7; Ф. П-447. Оп. 1. Д. 13. Л. 11; Д. 14. Л. 21 об; Д. 20. Л. 9; Д. 16. Л. 10, 11.

[17] О задачах партийной пропаганды в современных условиях (Из постановления ЦК КПСС 9 января 1960 г.) // КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов. (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 348–349; НА РК. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.
[18] НА РК. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.
[19] НА РК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 36. Л. 98.
[20] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 1. Л. 32, 92; Д. 3. Л. 12; Ф. П-447. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.
[21] НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 2. Л. 3, 28.
[22] НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 16. Л. 10–11.
[23] О задачах партийной пропаганды в современных условиях. Постановление ЦК КПСС 9 января 1960 г. // КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов. (1917–1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 125–145.
[24] НА РК. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7–8; Оп. 5. Д. 7. Л. 57.
[25] НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 20. Л. 9–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005. 259 с.
2. Байрау Д. Интеллигенция и власть. Советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122–136.
3. Сагателян Г. Ш., Саечников В. С. Советское общество: политические кампании 50-х // Советское общество: будни холодной войны: Материалы «круглого стола». М., 2000. С. 305–335.
4. Сизов С. Г. Взаимоотношения интеллигенции и власти в советском обществе в 1946–1964 гг. на материалах Западной Сибири: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2002. 45 с.
5. Шорохова И. В. Отношение партийно-государственного руководства КАССР и Карельского отделения Союза советских писателей во второй половине 1950-х гг. (К вопросу о датировке «оттепели» в литературе республики) // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 8 (32). С. 66–69.

Shorokhova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

POLITICAL EDUCATION OF WRITERS AND THEATRICAL INTELLIGENTZIA OF KARELIA DURING THE PERIOD OF “KHRUSHCHEV’S THAW”

On the basis of archival sources the forms and methods of attracting creative intelligentzia of Karelia to the ideological studies in the middle of the 1950s and the first half of the 1960-ies are studied. The reasons, which caused Karelian writers and actors to avoid political education, are analyzed. The crisis of political education was caused by the rejection of traditional methods of political education and by the unwillingness of the existing political system to allow new forms of political education. The article concludes that the failure of Karelian party leadership to compromise with the representatives of republican intelligentzia became one of the reasons causing a decrease in the role of local intelligentzia as an ideological assistant of the party .

Key words: political education, intellectuals, Khrushchev’s thaw, ideological control

REFERENCES

1. Adamovich I. V. *Vlast’ i khudozhestvennaya intelligentsiya Karelii v 1950-e – pervoy polovine 1960-kh gg: Dis. ... kand. ist. nauk* [The power and creative intelligence in Karelia in the 1950s – the first half of the 1960-ies: Dis. … candidate of historical sciences]. Petrozavodsk, 2005. 259 p.
2. Bayrau D. Intellectuals and power. The Soviet experience [Intelligentsiya i vlast’. Sovetskiy opyt]. *Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 2. P. 122–136.
3. Sagatelyan G. Sh., Saechnikov V. S. Soviet society: political campaigns 50ies [Sovetskoe obshchestvo: politicheskie kampanii 50-kh]. *Sovetskoe obshchestvo: budni kholodnoy voyny: Materialy “kruglogo stola”*. Moscow, 2000. P. 305–335.
4. Sizov S. G. *Vzaimootnosheniya intelligentsii i vlasti v sovetskom obshchestve v 1946–1964 gg. na materialakh Zapadnoy Sibiri: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Relations between intellectuals and power in Soviet society in 1946–1964 on materials of Western Siberia. diss. … doctor of historical sciences]. Omsk, 2002. 45 p.
5. Shorokhova I. V. The ratio of the party and state leadership of the USSR and the Karelian branch of the Union of Soviet Writers in the second half of the 1950s. (On the dating of the “thaw” in the literature of the republic) [Otnoshenie partiyno-gosudarstvennogo rukovodstva KASSR i Karel’skogo otdeleniya Soyuza sovetskikh pisateley vo vtoroy polovine 1950-kh gg. (K voprosu o datirovke “ottepeli” v literature respubliki)]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*. 2014. № 8 (32). P. 66–69.

Поступила в редакцию 28.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 35–40 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(4701/6)«19»

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ ОНДРИКОВ
соискатель кафедры истории и философии Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
ondrikovkv@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОЛОГОДСКОГО ЗЕМСТВА В 1870–1917 ГОДАХ

Одним из значительных событий российской истории стало введение земских учреждений по реформе 1864 года. В Вологодской губернии земские учреждения были введены в 1870 году. Эффективность развития губернии во многом зависела от лиц, избранных в земские управы и собрания от всех сословий. Несмотря на ряд имеющихся исследований, социальный состав земства остается одной из неизученных тем. Следовательно, важно изучить степень участия в нем каждого сословия. В статье показано, как на протяжении всего периода существования Вологодского земства изменялся его социальный состав, выявлено преобладание конкретных сословий по каждому типу земских учреждений: законодательному (губернское и уездные собрания) и исполнительному (губернская и уездные управы). Проведен сравнительный анализ законодательных документов по земской реформе: Положений о губернских и уездных земских учреждениях 1864 и 1890 годов. С их помощью раскрыты основные причины произошедших изменений в структуре социального состава земства. Вводятся неопубликованные архивные источники и документальные материалы.

Ключевые слова: земское самоуправление, земские гласные, земские управы, земские собрания, земские служащие

Земская реформа 1864 года стала одной из важнейших в комплексе мероприятий эпохи Великих реформ. Несмотря на большие успехи отечественной историографии в изучении истории земств [3], различные аспекты их деятельности в отдельных регионах страны еще остаются недостаточно исследованными. В Вологодской губернии земские учреждения приступили к работе в 1870 году. Экономическая деятельность Вологодского земства рассматривалась В. Г. Бадановым [1], участие вологодских деятелей местного самоуправления в земско-либеральном движении нашло отражение в работах Н. Г. Королевой [4] и А. Н. Егорова [2]. Для понимания роли и места земских органов в жизни страны необходимо досконально изучение их социального состава.

Земские учреждения Вологодской губернии подразделялись, как и по всей стране, на уездные и губернские. Избиравшимся на три года гласным не полагалось ни служебных привилегий, ни заработной платы, в отличие от председателя и членов земских управ, получавших денежное вознаграждение. От всех участников, задействованных в земстве, зависело, с какой степенью эффективности будет развиваться порученное им дело. Многое зависело от лиц, избранных в земские управы и собрания от всех сословий. Поэтому важно выяснить степень участия каждого сословия в земском деле.

Земские учреждения Вологодской губернии в 1870–1917 годах состояли из крестьян, мещан, священников, купцов, дворян и чиновников. Рассмотрение социального состава законодательных учреждений губернии начнем с исследования доли участия разных сословий в *уездных земских собраниях* (табл. 1).

Доля гласных от дворян и чиновников в уездных собраниях составляла от 2,5 до 39,7 %. Низкий процент дворян и чиновников (2,5 %) в 1870 году объясняется отсутствием данных по трем уездам: Вологодскому, Грязовецкому и Кадниковскому. В этих уездах они составляли достаточно высокий процент по губернии. За период с 1874 по 1916 год дворяне и чиновники занимали по отношению к другим сословиям в среднем 32 % (от 50 до 67 чел.). Причем с 1870 по 1889 год в среднем на трехлетие они составляли 64 чел. в собраниях, а за период с 1892 по 1916 год – 54. Уменьшение, по сравнению с предыдущим периодом, составило 16 %, что было вызвано Положением 1890 года, сократившим количество гласных в земских собраниях. За все рассмотренные трехлетия с 1874 по 1916 год нет резких изменений в количественном и процентном выражении гласных.

Доля гласных-крестьян в уездных собраниях увеличилась с 32 до 56 % за весь рассмотренный период. В уездных собраниях крестьяне были самой многочисленной группой из всех сословий. В 1870–1916 годах их было от 44 до 106 чел. Самое низкое количество гласных от крестьян зафиксировано в 1870 году (44 чел.). С 1870 по 1889 год в среднем они составляли 89 чел., то есть примерно половину мест по отношению к другим сословиям. В 80-х годах XIX века их количество в уездных собраниях было самым высоким: от 101 до 106 чел. Резкое уменьшение, на 48 %, гласных от крестьян произошло в 1892 году сразу после принятия Положения 1890 года, которое лишило избирательных прав крестьянские товарищества и крестьян, владевших в уезде еще и частной землей сверх надельной. За период с 1895 по 1916 год произошло увеличение гласных-крестьян на 39 %. В среднем количество крестьян за этот период составило 87 чел., а по отношению к другим сословиям оно соответствовало 53 %.

© Ондриков К. В., 2016

Таблица 1

Социальный состав уездных собраний (чел. / %)

Год	Дворяне и чиновники		Крестьяне		Мещане		Купцы		Духовенство		Неизвестные	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1870	2	2,5	44	55	5	6,2	15	18,7	14	17,5	0	0
1874	63	31,8	90	45,4	1	0,5	23	11,6	21	10,6	0	0
1880	67	32,5	106	51,4	4	1,9	29	14	0	0	0	0
1886	65	30,9	102	48,5	8	3,8	20	9,5	9	4,2	6	2,8
1889	61	28,7	101	47,6	7	3,3	23	10,8	10	4,7	10	4,7
1892	52	31,9	53	32,5	11	6,7	10	6,1	0	0	37	22,6
1895	51	32	87	54,7	8	5	12	7,5	0	0	1	0,6
1898	61	32,9	98	52,9	8	4,3	15	8,1	0	0	3	1,6
1901	53	32,1	90	54,5	7	4,2	14	8,4	0	0	1	0,6
1904	58	32	95	52,4	4	2,2	16	8,8	0	0	8	4,4
1907	52	30,7	95	56,2	6	3,5	15	8,8	0	0	1	0,5
1910	52	33,5	85	54,8	2	1,3	9	5,8	0	0	7	4,5
1913	56	35,4	80	50,6	1	0,6	8	5	0	0	13	8,2
1916	50	36	66	48	2	1,4	6	4,3	0	0	15	10,7
Итого (чел.)	743		1192		74		215		54		102	
Средний % по отношению к другим сословиям		30,2		50,3		3,2		9,1		2,6		4,4

Примечание. Составлено по данным источников, см. примечания 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Купеческое сословие занимало третье место по численности гласных в уездных собраниях, что объясняется принятым 21 ноября 1866 года законом, по которому промышленники и купцы были избавлены от довольно значительных затрат на земские нужды. С 1884 года причитающиеся земству сборы с гильдейских свидетельств были вновь понижены с 25 до 15 %. Поэтому купечество и не стремилось в земство. По отношению к другим сословиям доля гласных-купцов составляла от 5 до 18,7 %, а в количественном выражении от 8 до 29 чел. За рассматриваемый период наибольшее количество гласных от купцов избиралось со 2-го по 7-е трехлетие (1874–1889) и составляло в среднем 24 гласных на трехлетие. С 8-го по 13-е трехлетие (1892–1910) оно уменьшилось на 42 % по сравнению с предыдущим периодом. В среднем оно составляло 14 гласных. С 14-го по 16-е трехлетие (1910–1916) оно вновь снизилось на 18 %. Таким образом, прослеживается постоянная тенденция уменьшения представительства гласных из купцов в земских собраниях. Часть купцов состояла на службе в уездных управах, и вполне очевидно, что ст. 117 и 118 Положения 1890 года отбили у них желание быть гласными и вообще всячески отстранили их от участия в земских делах. Данные статьи гласили, что председатели и члены управ утверждались в должности губернатором. Более того, председателями с 1890 года могли быть теперь только лица, имевшие право на государственную службу.

Мещане в уездных собраниях за рассматриваемые годы занимали по отношению к другим сословиям в среднем 3 % за трехлетие. В периоды 1870–1889 и 1892–1916 годов количество мещан в уездных собраниях в среднем было одинаковым: 5 чел., а в процентном выражении в сравнении с другими сословиями – 3 %. Достаточно высокое представительство гласных-мещан наблюдалось в период с 1886 по 1901 год (в среднем 8 чел.). Это показывает, что Положение 1890 года никак не повлияло на их численный состав. С 1895 года их количество постепенно снижалось и к 1916 году составило всего 2 чел.

Духовенство было самым малочисленным сословием. Доля гласных составляла в среднем 3 %. При этом с 1892 года гласные от духовенства вообще исчезли из состава уездных собраний и присутствовали в них только в качестве представителей от духовного ведомства. Произошло это в связи с Положением 1890 года, по которому духовенство лишалось избирательных прав. Гласных-священнослужителей в уездных собраниях с 1870 по 1892 год избирали в среднем по 13 чел. на трехлетие. В этот период духовенству принадлежала сравнительно небольшая доля от всех гласных, избранных в уездные собрания, но все же более значительная по сравнению с гласными от мещан. Обязав духовенство участвовать в земских собраниях, правительство считало, что это внесет порядок в собрания, поскольку священники, обладая высокими моральными качествами, будут положительно влиять на общую атмосферу собраний. Доля неизвестных гласных, чья принадлежность к какому-либо сословию не указывалась, составляла от 0,5 до 22,6 %. За 8-е трехлетие (1892–1895) доля неизвестных максимальна – 22,6 % (37 чел.). За все остальные трехлетия она в среднем была равна 4 % (6–7 чел.). В основном это были представители от сельских обществ.

Таким образом, уездные собрания в основном состояли из крестьян (50 %), на втором месте находи-

лись дворяне и чиновники (30 %), купцы занимали третье место (9 %), а духовенство и мещане – примерно по 3 %. Неизвестные гласные составляли 4 %.

В *губернском земском собрании* доля участия гласных от разных сословий значительно отличается от состава уездных собраний (табл. 2).

Таблица 2

Социальный состав губернского собрания (чел. / %)

Год	Дворяне и чиновники		Крестьяне		Мещане		Купцы		Духовенство		Неизвестные	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1870	18	50	6	16,6	1	2,7	8	22,2	2	5,5	1	2,7
1874	23	64	6	16,6	0	0	5	14	1	2,7	1	2,7
1880	19	52,7	8	22,2	2	5,5	7	19,4	0	0	0	0
1883	23	64	10	27,7	1	2,7	1	2,7	1	2,7	0	0
1886	23	62,1	9	24,3	1	2,7	3	8,1	0	0	1	2,7
1889	19	51,3	11	30	1	2,7	5	13,5	1	2,7	0	0
1892	19	65,5	10	34,4	0	0	0	0	0	0	0	0
1895	21	70	7	23,3	1	3,3	1	3,3	0	0	0	0
1898	19	65,5	5	17,2	4	13,7	1	3,4	0	0	0	0
1901	12	48	10	40	1	4	2	8	0	0	0	0
1907	10	43,4	5	21,7	2	8,6	2	8,6	0	0	4	17,3
1910	16	57,1	10	35,7	1	3,5	0	0	0	0	1	3,5
1913	15	51,7	8	27,5	1	3,4	0	0	0	0	5	17,2
1916	15	51,7	11	38	1	3,4	0	0	0	0	2	7
1917	14	50	8	28,5	1	3,5	0	0	0	0	5	18
Итого (чел.)	266		124		18		35		5		20	
Средний % по отношению к другим сословиям		57		27		4		7		1		5

Примечание. Составлено по данным источников, см. примечания 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31.

Как видно из табл. 2, дворяне и чиновники составляли в среднем 57 % от всех гласных. Не наблюдалось и резких изменений в количественном отношении. При этом Положение 1890 года только усилило их представительство в собрании, ужесточив процедуру избрания гласных от остальных сословий. Крестьяне занимали в среднем 27 % мест в собрании. Количество их незначительно изменялось. Начиная с 1-го трехлетия 1870 года процент крестьян в губернском собрании, по отношению к другим сословиям, медленно увеличивался и в 8-м трехлетии (1892–1895) дошел до 34 %. В период с 1895 по 1910 год произошло снижение в среднем на 12 % по сравнению с предыдущим периодом. Купцы в среднем занимали в губернском собрании 7 % мест. С 1870 до 1892 год их среднее количество составляло 5 чел. на трехлетие. Начиная с 1892 года оно сократилось до 1–2 чел. С 14-го трехлетия (1910–1913) до 1917 года купцы и вовсе не избирались. Доля гласных-мещан равнялась 4 %. Максимальное их число зафиксировано в 1892 году, оно не превышало 4 чел. на трехлетие, а в среднем от мещан избирались 1–2 чел. Духовенство из всех сословий давало самый низкий процент гласных: 1–2 чел. Таким образом, основная часть гласных губернского собрания состояла из дворян и чиновников (57 %), на втором месте – крестьяне (27 %), на третьем месте – купцы (7 %), затем шли мещане (4 %), на последнем месте находилось духовенство (1 %). Доля неизвестных составляла 5 %.

От изучения социального состава законодательных земских учреждений перейдем к рассмотрению исполнительных органов земства. Начнем с анализа *социального состава уездных управ* (табл. 3).

В 1870–1916 годах в Вологодской губернии средняя доля председателей и членов уездных управ от дворян и чиновников составляла 35 %. В первое трехлетие (1870–1873) количество дворян и чиновников, состоявших на службе в управах, было самым высоким – 51 % (19 чел.). Затем от трехлетия к трехлетию оно начинало постепенно снижаться и в 6-м трехлетии (1886–1889) достигло минимума 16,6 % (6 чел.). С 1892 по 1916 год их число стало увеличиваться и в среднем составляло 13–14 чел. на трехлетие. Крестьяне в управах в среднем имели долю в 49 % относительно других сословий. За период с 1870 по 1886 год их доля постепенно увеличивалась от 19 до 69 % и в 6-м трехлетии достигла максимума (25 чел.). В 1892–1907 годах она снизилась и уже не выходила за пределы 53 %. В 1913–1916 годах произошло увеличение их числа до 23–24 чел. Количество мещан в уездных управах не превышало 8,5 % (3 чел.). В 1904–1916 годах они вообще не состояли на службе в управах. В 1870–1916 годах общая доля членов и председателей

управ от купеческого сословия в сопоставлении с другими сословиями в среднем равнялась 10 %. Со 2-го трехлетия она постепенно уменьшалась, а в период 1892–1916 годов уже не превышала 1–3 чел. Духовенство в уездных управах не было представлено, так как по ст. 47 Положения о земских учреждениях 1864 года духовные лица не могли избираться в члены управ.

Итак, за весь рассматриваемый период средняя доля служащих в управах распределялась следующим образом: дворяне и чиновники – 35 %, крестьяне – 49 %, купцы – 10 %, мещане – 3 %, духовенство – 0 %. Доля неизвестных – 2 %. Председателями уездных управ в основном были дворяне и чиновники (70 %), на втором месте находились купцы (16 %), на третьем – крестьяне (12 %). Уменьшение служащих от крестьян, мещан и купечества было спровоцировано ст. 117 и 124 Положения 1890 года.

Социальный состав губернской управы довольно значительно отличается от состава уездных управ (табл. 4).

Председатели губернской управы всегда избирались из среды дворян и чиновников. Низкий процент лиц не из дворян (20–33 %), находившихся в статусе члена управы, занимали трое мещан и один купец. Следовательно, губернская управа в основном состояла из дворян и чиновников (88 %), небольшую долю в ней занимали мещане (9 %) и купцы (3 %).

Таблица 3

Социальный состав уездных управ (чел. / %)

Год	Дворяне и чиновники		Крестьяне		Мещане		Купцы		Духовенство		Неизвестные	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1870	19	51,3	7	19	1	2,7	10	27	0	0	0	0
1874	13	38,2	13	38,2	1	3	7	20,5	0	0	0	0
1880	12	33,3	17	47,2	1	2,7	6	16,6	0	0	0	0
1886	6	16,6	25	69,4	1	3	4	11,1	0	0	0	0
1892	13	37,1	18	51,4	3	8,5	1	2,8	0	0	0	0
1898	13	36,1	18	50	3	8,3	2	5,5	0	0	0	0
1901	15	41,6	18	50	2	5,5	1	2,7	0	0	0	0
1904	13	38,2	18	53	0	0	3	8,8	0	0	0	0
1913	16	34,7	23	50	0	0	2	4,3	0	0	5	10,8
1916	11	26,1	24	57,1	0	0	2	4,7	0	0	5	12
Итого (чел.)	131		181		12		38		0		10	
Средний % по отношению к другим сословиям		35,3		48,5		3,4		10,4		0		2,3

Примечание. Составлено по данным источников, см. примечания 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44.

Таблица 4

Социальный состав губернской управы (чел. / %)

Год	Дворяне и чиновники		Крестьяне		Мещане		Купцы	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1870	4	80	0	0	1	20	0	0
1874	4	100	0	0	0	0	0	0
1880	3	100	0	0	0	0	0	0
1886	1	33,3	0	0	1	33,3	1	33,3
1892	2	66,6	0	0	1	33,3	0	0
1898	4	100	0	0	0	0	0	0
1901	4	100	0	0	0	0	0	0
1904	4	100	0	0	0	0	0	0
1913	4	100	0	0	0	0	0	0
1916	4	100	0	0	0	0	0	0
Итого (чел.)	34		0		3		1	
Средний % по отношению к другим сословиям		88		0		9		3,3

Примечание. Составлено по данным источников, см. примечания 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54.

Подведем итоги. Уездные собрания наполовину состояли из крестьян. Оставшаяся часть гласных распределялась по сословиям следующим образом: дворяне и чиновники – 30 %, купцы – 9 %, духовенство и мещане – 3 %. Неизвестные гласные составляли 4 %. Губернское собрание на 57 % состояло из дворян и чиновников. Гласные от других сословий занимали: крестьяне – 27 %, купцы – 7 %, мещане – 4 %, духовенство – 1 %. Неизвестные гласные составляли 5 %. В уездных управах основная часть служащих состояла из крестьян (49 %), дворян и чиновников (35 %). Остальные сословия занимали в управах: купцы – 10 %, мещане – 3 %, духовенство – 0 %. Неизвестные служащие составляли 2 %. Председатели уездных управ в основном были из дворян и чиновников (70 %). Остальным сословиям принадлежала меньшая доля: купцы – 16 %, крестьяне – 12 %. Губернская управа также в основном состояла из дворян и чиновников – 88 %, мещане – 9 %, купцы – 3 %.

Значительное влияние на количественный и социальный состав земских собраний и управ оказало введение Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 года. Оно сократило количество гласных в земских собраниях от всех сословий. Избирательных прав были лишены крестьянские товарищества и крестьяне, владевшие в уезде частной землей помимо надельной, а также духовенство. Статьи 117, 118 и 124 Положения 1890 года отстранили от участия в земских делах лиц, не имевших права по закону нести государственную службу. Так, большая часть крестьян, купцов и мещан, служивших в уездных управах, вынуждена была покинуть посты председателей и членов управ. Вместо них на эти должности правительство стало назначать чиновников. Таким образом, до введения Положения 1890 года земства отличались большей демократичностью, а выборы были всесословными. С 1890 года правительство предоставило больше прав дворянам и чиновникам по сравнению с другими сословиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Адрес-календарь Вологодской губернии на 1887 г. Вологда, 1886. С. 7, 34, 38, 43, 48, 54–55, 61, 74, 78, 82–83.
[2] Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 г. Вологда, 1901. С. 8–9, 51–52, 58, 65, 72, 80–81, 89, 102, 109, 117, 122.
[3] Вологодские губернские ведомости. 1869. № 28. Прил. 1.
[4] Вологодские губернские ведомости. 1885. № 8. Прил. 1–11. № 27. С. 5. № 32. С. 3. № 35. С. 1.
[5] Вологодские губернские ведомости. 1891. № 35. С. 3. № 37. С. 4. № 38. С. 2–3.
[6] Вологодские губернские ведомости. 1894. № 33. С. 6. № 34. С. 7. № 35. С. 4. № 36. С. 4–5. № 37. С. 5. № 47. С. 4–5.
[7] Вологодские губернские ведомости. 1897. № 30. С. 1. № 31. С. 5–6. № 33. С. 6. № 36. С. 3.
[8] Вологодские губернские ведомости. 1900. № 180. С. 3. № 183. С. 2. № 201. С. 1. № 214. С. 1. № 225. С. 1. № 230. С. 1. № 241. С. 1.
[9] Вологодские губернские ведомости. 1903. № 25. С. 3–4. № 30. С. 3–4. № 31. С. 2–3. № 35. С. 2. № 36. С. 5. № 37. С. 2.
[10] Вологодские губернские ведомости. 1906. № 34. С. 3–4. № 37. С. 1–2. № 38. С. 4–5.
[11] Вологодские губернские ведомости. 1909. № 30. С. 3. № 33. С. 1–2. № 36. С. 2. № 37. С. 2. № 38. С. 2. № 39. С. 9.
[12] Вологодские губернские ведомости. 1912. № 31. С. 2. № 34. С. 5. № 41. С. 2. № 42. С. 3. № 43. С. 1. № 52. С. 3.
[13] Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 2323. Л. 37–38.
[14] ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2788. Л. 3–37.
[15] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 1. Л. 2, 17, 21, 25.
[16] Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. Вологда, 1870. С. 16–20.
[17] Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 гг. Вологда, 1875. С. 48–49, 53, 57, 60.
[18] Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 гг. Вологда, 1893. С. 39–40, 44, 50, 55, 62, 69, 79–80, 85, 91, 96.
[19] Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. Вологда, 1916. С. 13–14, 98–99, 105–107, 115–116, 124, 132–133, 146, 166–167, 176, 185–186, 193.
[20] Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899 и 1900 гг. Вологда, 1899. С. 153, 191, 194, 199, 205, 211, 219–220, 232, 238, 244, 249.
[21] Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 г. Вологда, 1901. С. 8–9, 51–52, 58, 65, 72, 80–81, 89, 102, 109, 117, 122.
[22] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2323. Л. 37–38.
[23] ГАВО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–2.
[24] ГАВО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 133. Л. 1, 21.
[25] ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 960. Л. 2–12.
[26] ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1945. Л. 1–10.
[27] ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3396. Л. 16.
[28] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 1. Л. 17, 21.
[29] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 47. Л. 3–58.
[30] Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. Вологда, 1870. С. 16–20.
[31] Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. Вологда, 1916. С. 13–14, 98–99, 105–107, 115–116, 124, 132–133, 146, 166–167, 176, 185–186, 193.
[32] Адрес-календарь Вологодской губернии на 1887 г. Вологда, 1886. С. 7, 34, 38, 43, 48, 54–55, 61, 74, 78, 82–83.
[33] Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904–1905 гг. Вологда, 1904. С. 7, 58, 64, 72, 89, 98–99, 114, 121, 128–129, 135.
[34] Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 г. Вологда, 1901. С. 8–9, 51–52, 58, 65, 72, 80–81, 89, 102, 109, 117, 122.
[35] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1807. Л. 97–100, 103–105, 139.
[36] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 1. Л. 2, 17, 21, 25.
[37] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 304. Л. 1–2.

[38] Памятная книжка Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1880. С. 37–38, 45, 52–53, 60–61, 68–69, 77, 87, 93, 100, 106.
[39] Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. Вологда, 1870. С. 16–20.
[40] Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 гг. Вологда, 1875. С. 48–49, 53, 57, 60.
[41] Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 гг. Вологда, 1893. С. 39–40, 44, 50, 55, 62, 69, 79–80, 85, 91, 96.
[42] Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914. С. 71, 76–77, 84, 90, 96, 106, 120, 127, 133, 139.
[43] Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. Вологда, 1916. С. 13–14, 98–99, 105–107, 115–116, 124, 132–133, 146, 166–167, 176, 185–186, 193.
[44] Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899 и 1900 гг. Вологда, 1899. С. 153, 191, 194, 199, 205, 211, 219–220, 232, 238, 244, 249.
[45] Адрес-календарь Вологодской губернии на 1887 г. Вологда, 1886. С. 7.
[46] Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904–1905 гг. Вологда, 1904. С. 7.
[47] Адрес-календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 г. Вологда, 1901. С. 8–9.
[48] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2323. Л. 37–38.
[49] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 1. Л. 17, 21.
[50] ГАВО. Ф. 34. Оп. 3. Д. 304. Л. 1–2.
[51] Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 г. Вологда, 1870. С. 16–20.
[52] Памятная книжка Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1880. С. 10.
[53] Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. Вологда, 1916. С. 14.
[54] Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899 и 1900 гг. Вологда, 1899. С. 153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баданов В. Г. Земство на Европейском Севере России: Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996. 217 с.
2. Егоров А. Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (49). С. 34–37.
3. Земское самоуправление в России. 1864–1918: В 2 кн. / Отв. ред. Н. Г. Королева. М.: Наука, 2005. 814 с.
4. Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907). М.: Институт Российской истории РАН, 1995. 238 с.

Ondrikov K. V., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

THE SOCIAL STRUCTURE OF VOLOGDA'S ZEMSTVO IN 1870–1917

One of the remarkable events of the Russian history was the introduction of zemstvo establishments according to the reform of the 1864th. The study of their functioning experience is still topical nowadays because it allows development of the modern bodies of local government. Zemstvo establishments were introduced in Vologda province in 1870. The efficiency of the province development mostly depended on the persons elected from all estates into zemstvo councils and assemblies. Despite a number of studies in that area, the social structure of zemstvo is under-explored; therefore, it is very important to analyze representation structure of every estate. The present research helped to realize the fact that the social structure of Vologda zemstvo was rather dynamic during the whole period of its existence. It also revealed the dominance of definite social categories in every type of zemstvo establishments – legislative (province and district assemblies) and executive (province and district councils). The comparative analysis of legislative documents on zemstvo reforms – statures of provinces and district zemstvo establishments of the 1864th and the 1890th – was made. The use of these documents in our research helped to identify the main reasons for changes in the zemstvo social structure. The article is based on a great number of the unpublished archives and documentary data.

Key words: zemstvo self-government, zemstvo councilors, zemsky boards, zemsky assemblies, zemsky employees

REFERENCES

1. Badanov V. G. *Zemstvo na Evropeyskom Severe Rossii: Dis. ... kand. ist. nauk* [Zemstvo in the European north of Russia: PhD. Dis. hist. sci.]. Petrozavodsk, 1996. 217 p.
2. Egorov A. N. The documents of the provincial gendarme departments as a source of the provincial liberal image development (on the data of Vologda and Novgorod provinces) [Dokumenty gubernskikh zhandarmskikh upravleniy kak istochnik formirovaniya obraza provintsial'nogo liberala (po materialam Vologodskoy i Novgorodskoy guberniy)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Cherepovets State University]. 2013. Vol. 1. № 3 (49). P. 34–37.
3. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii. 1864–1918: V 2 kn.* [Zemsky self-government in Russia. 1864–1918: 2 volumes]. Edited by N. G. Koroleva. Moscow, Nauka Publ., 2005. 814 p.
4. Koroleva N. G. *Zemstvo na perelome (1905–1907)* [Zemstvo during the crisis (1905–1907)]. Moscow, Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 1995. 238 p.

Поступила в редакцию 24.02.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 41–45 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 93/94

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ САБУРОВ
аспирант кафедры всеобщей истории Института социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
alexandersaburov@gmail.com

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1920-е ГОДЫ*

На основании комплекса архивных материалов и опубликованных источников проводится анализ развития кадрового обеспечения советских исследований арктических островов и архипелагов в 1920-е годы. Исследуются особенности отбора, подготовки и мотивации участников научных экспедиций и персонала полярных станций в рамках деятельности Северной научно-промысловой экспедиции, Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, Плавучего морского научного института. Автор приходит к выводу о том, что 1920-е годы стали периодом становления системы кадрового обеспечения отечественной научной деятельности в Арктике, которая в дореволюционное время не проводилась на регулярной основе. Период начала 1920-х годов, несмотря на первые попытки создания образовательных программ в рамках отдельных учреждений, характеризовался отсутствием специальной профессиональной подготовки, плохими условиями зимовок, низким уровнем заработной платы, а также некачественным снабжением полярников питанием и одеждой. Успехи этого периода были обеспечены, главным образом, благодаря профессионализму опытных кадров – руководителей научных учреждений (Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе, Н. Н. Матусевич, И. И. Месяцев), которые сумели эффективно организовать работу, сплотить вокруг себя коллективы, привлечь молодых исследователей. Во второй половине 1920-х годов в связи с восстановлением экономики и ростом внимания государства к Арктике произошли значительные изменения в кадровом обеспечении советской научной деятельности в регионе. Они выражались в увеличении числа сотрудников научных организаций и росте уровня заработной платы исследователей. Кроме того, активное государственное участие в делах науки обеспечило появление базового регулирования условий труда, в частности системы оплаты и охраны труда.

Ключевые слова: Арктика, исследования, СССР, кадры, наука, экспедиции, полярные станции, Северный морской путь

Научные исследования в Арктике сегодня играют большую роль как для решения глобальных проблем (изменение климата, экологическая безопасность, сохранение биоразнообразия и др.), так и выполнения национальных задач, стоящих перед Российской Федерацией (обоснование границ континентального шельфа, обеспечение Северного морского пути, решение социально-экономических проблем развития Арктической зоны). Научная деятельность в Арктике характеризуются, прежде всего, географической удаленностью объектов исследования и экстремальными природно-климатическими условиями, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и наличие ледяного покрова на акватории арктических морей. Эти факторы и в прошлом, и в настоящее время определяют потребность в особом внимании к кадровому обеспечению арктических исследований, в частности к таким его аспектам, как отбор кадров, их подготовка и мотивация.

Несмотря на сравнительно хорошую освещенность в историографии советских арктических исследований 1920-х годов, кадровое обеспечение научной деятельности в этот период не становилось темой отдельного исследования. Первым трудом, в котором подробно изучен ряд аспектов работы с участниками арктических экспедиций и полярных станций, стала монография В. Н. Булатова [1], однако в ней в большей степени раскрыты вопросы кадрового обеспечения полярных исследований начиная с 1930-х годов. Значимыми трудами 2000-х годов являются биографические работы В. С. Корякина об О. Ю. Шмидте [6] и Р. Л. Самойловиче [7] и А. М. Ермолаева и В. Д. Дибнера о М. М. Ермолаеве [3]. Ценный фактический материал по истории исследования Новой земли содержит докторская диссертация В. С. Корякина [5].

В рамках данной статьи проводится выявление механизмов и принципов отбора кадров для экспедиций и полярных станций в РСФСР – СССР в 1920–1928 годах. Этот период стал временем становления арктических исследований в Советском Союзе, которые в дореволюционное время не проводились на регулярной основе. Хронологические рамки ограничены 1932 годом – временем учреждения Главного управления Северного морского пути и начала ведения системной работы по подготовке кадров для освоения Арктики на государственном уровне.

© Сабуров А. А., 2016

В настоящем исследовании выявляются специализированные учебные заведения, образовательные программы, в том числе краткосрочные курсы подготовки исследователей и технического персонала. Также в работе анализируется мотивация исследователей для работы в Арктике, в частности уровень заработной платы и сопоставление со средним заработком по другим отраслям, наличие социальных гарантий и нематериальное стимулирование. Статья подготовлена на основе комплекса исторических источников, включающего в себя материалы Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), в том числе впервые вводимые в научный оборот, постановления органов государственной власти СССР, опубликованные отчеты и материалы экспедиций, мемуарную литературу и статистические материалы.

Исследование затрагивает деятельность основных учреждений, проводивших научную деятельность на островах и архипелагах в советском секторе Арктики в 1920-х годах: Северная научно-промысловая экспедиция (с 1925 года – Институт по изучению Севера, с 1930 года – Всесоюзный арктический институт, сокр. ВАИ), Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (с 1924 года – Северная гидрографическая экспедиция, сокр. СГЭ), Плавучий морской научный институт, сокр. Плавморнин (с 1930 года – Государственный океанографический институт).

Анализ источников показывает, что отечественные арктические исследования начала 1920-х годов характеризовались отсутствием качественной системы отбора участников экспедиций и персонала полярных станций. В экспедициях Плавучего морского института, например, периодически участвовали «гастролеры», как называли участников, ходивших только в один рейс в погоне за впечатлениями и экзотикой [2]. Также, по воспоминаниям В. А. Васнецова, научные работники различных специальностей не имели никакого опыта в организации и производстве морских исследований, не были знакомы с практикой обращения с различными приборами на море. Отлаженная система подготовки кадров для арктических исследований практически отсутствовала, однако уже в 1920-е годы делались первые попытки создания образовательных программ в рамках отдельных учреждений. Так, в 1920 году при Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана были организованы специальные курсы для подготовки личного состава экспедиции, в рамках которых преподавались такие дисциплины, как морская опись, топография и черчение, метеорология и гидрология, биология и фотография[1]. В 1925 году П. В. Виттенбург на географическом факультете Ленинградского института создал кафедру полярных стран, которая перестала действовать после его ареста и была восстановлена по инициативе Р. Л. Самойловича в 1934 году [3: 165–166].

Серьезные проблемы возникали при наборе кадров на полярную станцию Маточкин Шар. А. Н. Островский отмечал, что набор людей на станцию велся недостаточно тщательно. Многие участники попадали туда случайно, не понимая в полной мере цели своей работы. Даже начальник станции Д. Ф. Вербов, до того как возглавить Маточкин Шар, «был коммивояжером известной дореволюционной фирмы канцелярских принадлежностей “Отто Кирхнер и К*”, а попросту говоря, торговал карандашами, перьями и тетрадками…» [8: 41]. Некоторые участники зимовки на Маточкином Шаре «видели в трудной северной службе возможность заработать себе хорошую репутацию, право на то, чтобы считаться полноправным гражданином молодой Советской республики». В 1924 году, по воспоминаниям Э. Т. Кренкеля, у врача не было профильного образования: «Мы надеялись, что к его услугам нам прибегать не придется, и прозвали про себя помощником смерти». В результате этот врач умер во время зимовки, вероятнее всего, от передозировки морфия [8: 42]. Некачественные отбор и подготовка кадров вместе с трудными климатическими условиями и неприспособленностью станции для зимовки привели к тому, что на Маточкином Шаре с 1923 по 1930 год погибло четыре человека.

В этих условиях одним из ключевых факторов успеха первых советских научных экспедиций в Арктику стало наличие опытных исследователей во главе учреждений и экспедиций. Большинство из них много лет посвятили исследованию Арктики и вели научную и организационную деятельность в сложный с финансовой точки зрения период 1920-х годов.

Ко времени окончания Гражданской войны Р. Л. Самойлович, выпускник фрайбургской Королевской горной академии, начальник Севэкспедиции (затем директор ВАИ) до 1938 года, был опытным геологом и имел опыт работы в Арктике на Шпицбергене вместе с В. А. Русановым. Важную роль в успешной деятельности Севэкспедиции, особенно на первоначальном этапе, сыграли личные качества Р. Л. Самойловича. Его ученик геолог М. М. Ермолаев вспоминал: «Удивительным было его умение сплачивать вокруг себя своих учеников-сотоварищей, удерживать их внимание на главной цели, причем эту цель и даже будничные работы опоэтизировать, придать им какой-то высокий смысл и значение» [4: 75]. Именно Р. Л. Самойловичу, согласно многочисленным источникам, принадлежал план экспедиции на Новую Землю с созданием полярной станции [7: 128]. В последующее десятилетие он вел активную исследовательскую экспедицион-

ную работу в Северном Ледовитом океане, посетив едва ли не все его моря, острова и архипелаги. Последней экспедицией Р. Л. Самойловича стала знаменитая высокоширотная экспедиция трех ледоколов «Садко», «Седов» и «Малыгин» в 1937–1938 годах, которая встала на вынужденную зимовку в Арктике. Самойлович был выбран в качестве начальника зимовки трех кораблей единогласно, где блестяще проявил себя как руководитель.

В. Ю. Визе, выдающийся ученый, заместитель директора Арктического института, также получивший хорошее образование в Германии, в 1912–1914 годах участвовал в экспедиции Г. Я. Седова и в тяжелейших условиях зимовал на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа. В 1929 и 1930 годах он был одним из руководителей экспедиций по созданию полярных станций на Земле Франца-Иосифа и Северной Земле. До конца 1930-х годов участвовал во многих научных экспедициях в советской части Арктики. Ему принадлежит инициатива организации систематической авиаразведки льдов; первым, начиная с 1928 года, он стал давать научно обоснованные прогнозы ледовитости Баренцева моря, а затем и других арктических морей. Его ледовые прогнозы служили основой научно-оперативного обслуживания мореплавания по Северному морскому пути. В. Ю. Визе пользовался огромным авторитетом среди исследователей Арктики, которые отмечали не только его профессиональные, но и личные качества. И. Д. Папанин вспоминал: «Он всем делал добро. Просто его нельзя было не любить и не уважать – такой он был. Очень образованный, внимательный, преданный Северу» [9: 99].

Большой опыт работы в северных морях до революции был у Н. Н. Матусевича, руководителя Северной гидрографической экспедиции с 1924 по 1931 год. К моменту создания Плавучего морского научного института его глава И. И. Месяцев уже долгое время занимался зоологическими исследованиями в Московском государственном университете, стажировался на Мурманской биологической станции.

Вокруг лидеров постепенно формировалась отечественная научная школа благодаря привлечению молодых специалистов, энтузиастов своего дела. Уже в возрасте 23–24 лет В. А. Васнецов, сын художника Аполлинария Васнецова, был начальником гидрологических работ в Плавморнине. В 1924 году в возрасте 19 лет в первую экспедицию на Новую Землю отправился будущий начальник полярной станции в Русской Гавани, известный геолог М. М. Ермолаев. Э. Т. Кренкель, пионер использования коротковолновой связи в Арктике, попал на первую зимовку на Маточкином Шаре, когда ему исполнилось 20 лет. Б. Г. Чухновский, один из первых организаторов ледовой разведки в Арктике, в 26 лет начал первые полеты над Новой Землей. На станции Маточкин Шар на Новой Земле получили свой первый опыт выдающиеся метеоролог М. А. Кузнецов, гидролог И. Т. Черниховский, геофизики М. Е. Острекин, П. К. Сенько, А. П. Никольский.

Практически во всех источниках отмечается, что без энтузиазма руководителей и научных сотрудников арктические исследования 1920-х годов в СССР не могли иметь такого успеха. Необходимо отметить, что в это время профессия полярника еще не имела высокого престижа в обществе в отличие от 1930-х годов. В отчете о постройке станции на Маточкином Шаре указано, что в течение шести с половиной недель шла работа «с продуктивностью, граничащей с пределом возможности»[2]. Р. Л. Самойлович писал о работах Севэкспедиции на Новой Земле в 1921 году: «Работа на голодном пайке, в рваной обуви, и тем не менее научные работники с редким самоотвержением выполняли программу…»[3]. Характерный пример скудного питания приводит Самойлович: в одном из походов длительностью восемь дней в рамках экспедиции на Новой Земле на каждого человека приходилось всего 5 кг сушек, 1,5 кг сливочного масла, 0,4 кг сахара, 0,2 кг какао, 1,5 кг мясных консервов, 0,4 кг кофе, 0,8 кг сладкого молока. Причем у участников не было даже палаток[4] [1: 22]. В. А. Васнецов вспоминал, что во время работы над «Персеем», судном Плавморнина, «порой испытывали настоящую нужду, и не только мы лично, но и все наше дело». Тем не менее, несмотря на более чем скромные условия жизни, отношения внутри коллектива оставались хорошими [2]. Все погрузочные и разгрузочные работы обычно выполнялись самими исследователями, включая начальника экспедиции.

Для многих участников экспедиций и зимовок, очевидно, немаловажную роль играла материальная мотивация. Э. Т. Кренкель вспоминал, что перед зимовкой на Матшаре ему дали хорошие подъемные деньги и полную морскую форму [8: 36]. В. А. Васнецов пишет, что в 1924 году молодым сотрудникам института существенно повысили зарплату с 20 до 55 рублей в месяц [2]. Однако будет преувеличением утверждать, что в годы упадка экономики материальное поощрение исследователей Арктики всегда находилось на высоком уровне. В 1924 году в своем рапорте Н. Н. Матусевич указывал, что к нему все чаще поступают заявления от персонала, зимующего на радиостанции Маточкин Шар, «о их крайне тяжелом и часто даже бедственном положении в связи с увеличивающейся дороговизной жизни в Петрограде», и предлагал повысить содержание полярников на 100 %[5].

К концу 1920-х годов в связи с восстановлением экономики и ростом внимания государства к Арктике произошли значительные изменения в кадровом обеспечении советской научной деятельности в регионе. Они выражались,

во-первых, в росте числа персонала научных организаций. Если в 1925–1926 годах в штате Института по изучению Севера было 14 сотрудников, 5 из которых являлись научными[6], то в 1928–1929 годах – 19 человек (13 – научный персонал)[7], а в 1931 году – 37 человек (20 – научные сотрудники)[8]. В летнее время в экспедиции привлекался персонал других научных учреждений, и число сотрудников института увеличивалось до нескольких сотен человек. Во-вторых, заработная плата в профильных учреждениях, занимавшихся арктическими исследованиями, была ощутимо выше, чем в других государственных учреждениях. Средняя ежемесячная зарплата научных сотрудников II разряда в Институте по изучению Севера в 1925–1926 годах составляла 82 рубля 50 копеек, директора института – 250 рублей[9]. При этом средняя заработная плата лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору в 1926–1927 годах – 729 рублей ежегодно, или 60,75 рубля в пересчете на 12 месяцев[10]. В 1931 году заработная плата директора ВАИ составляла 500 рублей в месяц, научных сотрудников – от 150 до 300 рублей в месяц[11]. Зимовщики на полярной станции на Земле Франца-Иосифа получали от 175 до 400 рублей ежемесячно[12]. Для сравнения средняя зарплата по всем отраслям народного хозяйства в 1932 году составляла 1551 рубль ежегодно, или 129,25 рубля ежемесячно[13].

Активное государственное участие в делах науки обеспечило появление базового регулирования условий труда. С 1926 года между Институтом по изучению Севера и профсоюзами заключались коллективные договоры, в которых детально прописывалась система оплаты и охраны труда (выдача спецодежды, предоставление ежегодных отпусков, гигиенические требования и др.), отчисления на культурно-просветительскую работу[14]. Условиями применения труда в гидрографических частях[15] регулировались условия труда, в том числе заработной платы, страхования от несчастных случаев, выдачи спецодежды, должностные обязанности для Северной гидрографической экспедиции (СГЭ). Во время экспедиций СГЭ для членов профсоюза работников водного транспорта велась культурно-массовая работа: ведущими специалистами экспедиции читались тематические лекции, организовывались литературные вечера и концерты[16]. В составе СГЭ, помимо научного и обслуживающего персонала, присутствовал врач[17]. Практически во всех отчетах СГЭ указывалось, что проблем со здоровьем у личного состава в ходе экспедиции не было.

В 1930-е годы вместе с созданием Главсевморпути была выстроена системная работа по подготовке кадров. Начали осуществляться отбор и привлечение полярников по партийной линии; появилось большое количество образовательных программ для научных работников; внедрялись новые формы организации труда; были законодательно закреплены льготы и материальное обеспечение для лиц, работавших за полярным кругом. Наконец, в предвоенное десятилетие полярники получили высокий статус в советском обществе. Однако именно в 1920-е годы, несмотря на сложное социально-экономическое положение, не всегда достаточную поддержку со стороны центральной власти и организационные трудности, были заложены основы лидерства Советского Союза в изучении Арктического региона.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Архангельской области (конкурс «Молодые ученые Поморья») в рамках научного проекта № 05-2015-02а «Организация советских и норвежских исследований островов Европейской части Арктики в 1905–1940 гг.: опыт сравнительного анализа».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАВМФ. Ф. Р-898. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
[2] Краткий отчет о деятельности отдельного северного гидрографического отряда за кампанию 1923 года. Постройка радиостанции на Новой Земле. Л., 1924. С. 14.
[3] Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: Предварительный отчет. Петербург, 1922. С. 5
[4] Новая Земля. Экспедиция 1921–1927 гг. под начальством Р. Л. Самойловича. М., 1929. С. 22.
[5] РГАВМФ. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.
[6] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.
[7] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 32. Л. 40.
[8] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 1.
[9] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.
[10] Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930. С. 1.
[11] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 1.
[12] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 2.
[13] Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930. С. 3.
[14] ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 18.
[15] РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–95.
[16] РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 124.
[17] РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 142.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов В. Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М.: МГУ, 1989. 155 с.
2. Васнецов В. А. Под звездным флагом «Персея». Воспоминания. Л.: Гидрометеоиздат, 1974. 278 с.
3. Ермолаев А. М., Дибнер В. Д. М. М. Ермолаев – жизнь исследователя и ученого. СПб.: Эпиграф, 2005. 599 с.
4. Ермолаев М. М. Воспоминания. Петрозаводск, 2009. 255 с.
5. Корякин В. С. История изучения природной системы Новой Земли (до середины XX века): Дис. … д-ра геогр. наук. М., 2000. 402 с.
6. Корякин В. С. Отто Шмидт. М.: Вече, 2011. 412 с.
7. Корякин В. С. Рудольф Лазаревич Самойлович, 1881–1939. М.: Наука, 2007. 268 с.
8. Кренкель Э. Т. Raem – мои позывные. М.: Сов. Россия, 1973. 496 с.
9. Папанин И. Д. Лед и пламень. М.: Политиздат, 1978. 416 с.

Saburov A. A., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

HUMAN RESOURCING OF THE SOVIET ARCTIC RESEARCH IN 1920-s

The author of the article analyzes human resourcing practice employed for the Soviet research of the Arctic islands and archipelagos in the 1920s. The analysis is carried out with the help of multiple archival materials and published sources. Characteristic features of human resourcing, training and motivation of the members of scientific expeditions and polar stations are studied in the paper. The present research studies activities of the Northern Scientific and Industrial Expedition (Severnaya nauchno-promyslovaya ekspeditsiya), Hydrographic Expedition of the Arctic Ocean (Gidrograficheskaya, ekspeditsiya Severnogo Ledovitogo okeana), Floating Marine Research Institute (Plavuchii Morskoi Nauchnyi Institut). The author concludes that 1920s became a period of the human resourcing system development. It was implemented for the research of the Soviet Arctic Area. Before the Russian revolution it practiced irregularly. The beginning of the 1920s, in spite of the first attempts to create educational programs within several institutions, was characterized by the lack of specialized training, poor conditions of wintering, low salaries, poor-quality of food supply and clothing for polar scientists. Scientific achievements of this period are explained mainly by the professionalism of experienced researchers – managers of scientific organizations (R. Samoilovich, V. Vize, N. Matusevich, I. Mesyatsev), who organized the work effectively, united scientific groups, and attracted young researchers. In the second half of the 1920-s the human resourcing for Soviet scientific activities changed significantly because of the economic recovery and authorities' attention to the Arctic. These changes were expressed in the numeric increase of employees for scientific organizations and growth of researchers' salaries. In addition, increased state involvement in to the process of science management provided basic regulation of the working environment, in particular the system of payment and labor protection.

Key words: Arctic, research, USSR, staff, science, expeditions, polar stations, Northern Sea Route

REFERENCES

1. Bulatov V. N. *KPSS – organizator osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (1917–1980)* [CPSU – organizer of the Arctic and the Northern Sea Route development (1917–1980)]. Moscow, MGU Publ., 1989. 155 p.
2. Vasnetsov V. A. *Pod zvezdnym flagom "Perseya". Vospominaniya* [Under the star flag of "Persey". Memories]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1974. 278 p.
3. Ermolaev A. M., Dibner V. D. *M. M. Ermolaev – zhizn' issledovatelya i uchenogo* [M. M. Ermolaev – life of the researcher and the scientist]. St. Petersburg, Epigraf Publ., 2005. 599 p.
4. Ermolaev M. M. *Vospominaniya* [Memories]. Petrozavodsk, 2009. 255 p.
5. Koryakin V. S. *Istoriya izucheniya prirodnoy sistemy Novoy Zemli (do serediny XX veka): Dis. ... d-ra geogr. nauk* [History of Novaya Zemlya natural system research (until middle of XX century): Dr. hist sci diss.]. Moscow, 2000. 402 p.
6. Koryakin V. S. *Otto Shmidt* [Otto Shmidt]. Moscow, Veche Publ., 2011. 412 p.
7. Koryakin V. S. *Rudol'f Lazarevich Samoylovich, 1881–1939* [Rudolf Lazarevich Samoylovich, 1881–1939]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 268 p.
8. Krenkel' E. T. *Raem – moi pozyvnye* [Raem – my call sign]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1973. 496 p.
9. Papanin I. D. *Led i plamen'* [Ice and flame]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 416 p.

Поступила в редакцию 25.03.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 46–49 **Филологические науки** **2016**

УДК 81-23

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatsad_90@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ В РУССКИХ СНОТОЛКОВАНИЯХ

В традиционной фольклорной коммуникации народная этимология часто является источником возникновения различных культурных текстов – вербальных, акциональных, обрядовых. Н. И. Толстой назвал подобные факты этимологической магией. Например, на основе народной этимологии возникает множество погодных и суеверных примет, в составе которых употребляется имя христианского святого: *Посеешь лен на **Олену*** (день святых Константина и Елены) – *будут длинные **льны***. В результате семантической аттракции созвучных слов возникает отдельный факт фольклорной культуры, более того, отдельный культурный текст. В статье исследуется роль народной этимологии в возникновении снотолкований, фольклорной формы, схожей по структуре с обычной приметой: *Видеть во сне **печь** – к **печали***. На основе сближения созвучных номинаций происходит семантическое развитие исходного знака, в результате – левая и правая части сноприметы распространяются по законам внутрижанровой синонимии. Этот механизм эволюции жанра снотолкования сохраняется и в настоящее время. Народные снотолкования имеют характерные особенности выражения семантики обусловленности снознаков и их пророческого значения.

Ключевые слова: язык русского фольклора, снотолкование, народная этимология, русская примета, жанровая синонимия, фольклорный текст

«<…> Чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами» [2: 50]. В ряду феноменов «наивной лингвистики» [1], содержащих это самое «чутье языка», имеющих свои факты и основания, особое место, безусловно, занимает так называемая народная (ненаучная) этимология, в самом общем виде определяемая в лингвистике как семантическое сближение родственных и неродственных слов, и прежде всего на основе их звуковой близости.

Народная этимология, имеющая в научной литературе множество эпитетов – «ложная», «наивная», «профанная», «окказиональная» и др., – одно из самых живучих и активных речевых явлений, до сегодняшнего дня не потерявших своих позиций в обыденной коммуникации.

Обратимся к той сфере речевого творчества, где она имеет особое, часто магическое, шире – текстообразующее, значение, если под текстом (в этнолингвистическом аспекте) понимать не только вербальное, но и поведенческое (акциональное) и ритуальное знаково-системное единство. При очевидной – онтологической – близости обыденной устноречевой и фольклорной коммуникации последняя имеет важнейшие отличия: она синкретично соединяет в себе прагматическую и эстетическую функции устного общения, она генетически риторична и как бы «надразговорна», поскольку вторично мотивирована ритуальным, часто – магическим назначением.

Материалом для исследования послужили малые тексты снотолкований (снотолкований), которые и по структуре, и по типам семантических связей между левой и правой частями текста чрезвычайно схожи с погодной или суеверной приметой. Двухчастные снотолкования вполне «можно считать разновидностью примет» [6: 321], поэтому использование термина «сноприметa» для их обозначения кажется вполне правомерным. Итак, материалом для статьи послужили сноприметы, основанием для возникновения которых оказывается так называемая этимологическая магия. «Лежащий в основе народной этимологии принцип семантического притяжения (аттракции) созвучных слов (независимо от их этимологического родства) имеет более общий характер и составляет одну из важнейших особенностей ряда архаических фольклорных и ритуально-магических текстов, которую можно назвать этимологической магией, смыкающейся с другими, неязыковыми (ритуальными, мифологическими) видами магии», – указывает Н. И. Толстой [6: 317]. Это определение этимологической магии ярко иллюстрируется, прежде всего, материалом календарных примет [6: 319], имеющих в своем составе немалочисленный ряд текстов, рожденных сближением неродственных слов по звучанию: чаще всего – это имя святого по Святцам и название природного явления, бытового и поведенческого факта [5: 122–124]. Данных

© Садова Т. С., 2016

подобного свойства в этнографических и фольклорных собраниях множество. Так, в «Русском земледельческом календаре» А. Ф. Некрыловой имеются интереснейшие факты о различной интерпретации в разных районах России давно замеченной звуковой схожести имени *Елена* и слова *лен*. Начало июня, традиционное время высевания льна, совпадает с днем почитания святых Константина и Елены (3 июня), что и явилось основанием для бытования «разрешительной» приметы в Валдайском уезде: *Посеешь лен на Олену – будут длинные льны,* и прямо противоположной, «запретительной», – в Новгородской губернии: *В день святых Константина и Елены лен нельзя сеять <…> лен закоснеет* [4: 213].

Созвучие слов в условиях живой фольклорной (и устноречевой) коммуникации формирует представление о глубокой, безусловно мистической, взаимообусловленности предметов, явлений, фактов, обозначаемых такими словами. Случайное звуковое сходство приобретает устойчивый характер неслучайности, даже закономерности, что часто влечет за собой формирование целостных обрядов, создание сюжетных текстов, культурных и хозяйственных запретов: например, на преп. Иоанна Лествичника (12 апреля) «пекут из теста лестницы для восхождения в будущей жизни на небо» [4: 147]. Таким образом, народная этимология как факт наивной лингвистики становится источником вещных, культурных феноменов: языковое явление материализуется и становится частью предметного мира.

Сноприметы, снотолкования часто строятся по тому же принципу созвучия слов, именующих знак сна (снознак) и знак яви (снопрогноз): ***Груши*** – ***грусть*** (Колосов, 167)[1]; ***Лошадь*** – ***ложный*** *обговор* (Колосов, 168); ***Вино*** *видеть или пить –* *быть* ***обвиненным*** (Колосов, 166); *Видеть во сне* ***печь*** *– к* ***печали*** (Смирнов, 36)[2]; ***Девица*** *снится «к* ***диву»*** (Балов, 1890, 208)[3]; ***Чайник*** *– случится* ***нечаянное*** (Якушкина, 30)[4]; ***Яйца*** *во сне – кто-то* ***явится*** (СДК-50[5], Котецко, 1990) и др.

Интересно, что иногда народная этимология недалека от действительной; иными словами, внутрижанровой аттракции порой подвергаются слова однокоренные, в глубинной семантике близкие друг другу. Возьмем для примера соотношение «плетень – плести»: ***Плетень*** *– попасть в какие-либо* ***сплетни*** (Колосов, 169). Чутье языка в данном случае не подвело его носителя: *плетень* и *сплетни* – слова одного гнезда с вершиной *плести* / *сплести*: «вить, перевивать, решетить вперебóрку, пропуская под низ и наверх <…>» [3: III, 124]. Осознавал ли творец этой сноприметы содержательное и генетическое (по корню) родство сближаемых им слов, или это притяжение было спонтанным, рефлексивным, природным «чутьем языка»? Это определить сложно, вернее сказать, практически невозможно. Важно другое: исходная, по созвучию слов (прежде всего) обнаруженная «связь» между снознаком *плетень* и прогнозом *сплетни* становится настолько устойчивой в традиции снотолкования, что позволяет затем развиваться своеобразной жанровой синонимии как в «левой», так и в «правой» части сноприметы, расширяя таким образом и содержание снопрогноза, и разнообразие снознака: (исх.) ***Плетень*** *– попасть в какие-либо* ***сплетни*** (Колосов, 169) → ***Изгородь*** *– к сплетням,* ***напраслине*** (Топорков, 38)[6]; *Видеть* ***изгородь*** *всех видов –* ***сплетни, напраслина, поношение имени и чести*** (Никифоровский, 135)[7]; ***Плетень*** *– продолжительность* ***сплетен*** *и неизвестность источника;* ***частокол*** *–* ***мелкие сплетни*** *с надеждою открыть злословие;* ***отверстие в изгороди*** *–* ***клеветники****;* ***поваленная изгородь*** *– поздно узнать о* ***пережитой напраслине*** (Никифоровский, 135).

Приведенные тексты с соотношением «плетень – сплетни» хорошо иллюстрируют традиционное в народном соннике расширение левой части за счет подбора в качестве синонимов-знаков таких слов, которые обозначают предметы, «этимологически-вещно» связанные с действием *плетения, свивания, переборки, кручения* и т. д. Как и прутья в плетне, эти предметы тонки, гибки и длинны (*нити, сети, пряжа, ткань* и т. д.). Перед нами факты собственно этимологической магии: вычлененные семы значения слова *плетень / плести* («плести (плесть) <…> πλεχτή “веревка, сеть”, πλοχή “плетение”, πλόχος, πλόχαμος “коса, заплетенные волосы”, <…> “плетеная корзина”» [7: III, 289]) становятся глубинными мотиваторами появления в тексте сноприметы с прогнозом «сплетни, напраслина» таких слов, которые обозначают предметы, обладающие этими же качествами: ***Пряжа*** *шерстяных* ***ниток*** *и приготовление* ***сукна*** *– безобидные и непродолжительные* ***напраслины*** (Никифоровский, 135); ***Нитки, тканье, сети****. Личное обращение с ними* – домашние ***сплетни***; обращение с ними посторонних – ***сплетни и напраслины*** от соседей; ***сети*** с рыбою или только чешуей, а также разостланные ***ткани*** указывают на то, что ***сплетники*** будут изобличены (Никифоровский, 135). Вероятно, до сегодняшнего дня бытуют снотолкования с подобными аналогиями, возникшими в процессе расширения первичного соотношения похожих по звучанию слов («плетень – сплетни»): ***Снопы*** *вязать – к* ***плохим разговорам*** (СДК-29, Лампожня, 1986); *Голый* ***веник*** *во сне увидишь –* ***шум про тебя*** *будет* (СДК-48, Ивановское, 1990).

В границах народного сонника, таким образом, происходит своя внутрижанровая символическая и, как следствие, лексическая «специализация» для обозначения однажды найденных посредством народной этимологии соответствий

между словами-знаками сна и прогноза. Рассмотрим еще один ряд снотолкований с соотношением компонентов: ***Печь*** – ***печаль*** (Колосов, 169) → ***Печь*** *подтапливать – поджигать кого-либо на* ***ссору*** (Колосов, 169); ***Печь*** – *к* ***беде*** (Балов, 213); ***Печь*** *видеть – быть под* ***надзором у сильного и властного человека*** (Дерунов, 151)[8]; *Видеть во сне* ***хлеб печеный*** *– означает* ***печаль*** (Харламов, 26)[9]; ***Печенье хлеба*** *указывает на то, что* ***известие о несчастьи*** *получится путем* ***устного сообщения****;* ***печенье блинов*** *и лепешек –* ***письменное сообщение о том же*** (Никифоровский, 137).

Расширение зоны и снознака, и снопрогноза происходит тремя основными путями лингвистического свойства: а) употребление производных от исходного корня слова-знака: ***печь*** → *печенье, печеный* (хлеб); б) употребление синонимов или семантически близких слов и сочетаний, создающих внутрижанровое семантическое поле: ***печаль*** → *ссора, надзор у сильного и властного человека, известие о несчастьи, беда*; в) употребление с ядерным словом-знаком в обеих частях снотолкования иных слов, имеющих соотносимую, обобщенно сходную семантику: *Печь* ***подтапливать – поджигать*** *кого-либо на ссору* (Колосов, 169); *Печь* ***развалившаяся*** – ***освобождение*** *от печали* (Колосов, 169); *Видеть* ***печную топку*** – к печали, по случаю болезни, нужды и ***великого несчастья*** (Никифоровский, 137). Немаловажную роль в расширении обеих частей сноприметы играет контаминация основного содержания текста (здесь – построенного на связи «печь – печаль») с устойчивыми соотношениями некоторых знаков других снотолкований: ср.: *Печенье хлеба указывает на то, что известие о несчастьи получится путем устного сообщения;* ***печенье блинов*** *и лепешек –* ***письменное сообщение*** *о том же* (Никифоровский, 137). В народном соннике многочисленны примеры соотношений «блины – письмо» ↔ ***Блины*** *– получение* ***письма*** (Колосов, 166); ***Блины*** *– к* ***письму*** (Балов, 208); ***Пироги*** *снятся к* ***письму*** (Балов, 213).

Интересны «этимологические» соотношения, демонстрирующие «чутье языка» в естественной фольклорной коммуникации: учет (или чувствование?), например, исторически обусловленного общерусского чередования ***к*** // ***ч*** позволяет выделить пару «ре**к**а – ре**ч**и» в ряде снотолкований: ***Реку*** *видеть – слышать* ***речи*** (Дерунов, 149); *Видеть* ***реку*** *– слышать* ***речи****, будет важный разговор, сплетни* (Топорков, 37). Возможны и здесь синонимические замены: *Река –* ***разговоры*** (Колосов, 170).

Снотолкования развивают свои внутрижанровые семантические связи, часто не только основанные на общефольклорных символических соотношениях (например, *кольцо – свадьба; птица – покойник*), но и возникшие как результат наивной этимологии, в свою очередь являющейся ярким свидетельством чуткости носителя языка к родному слову.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Колосов М. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности // Русский Филологический вестник. 1879. Т. II. С. 150–173 (Колосов).

[2] Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерки и тексты) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXXIX. Кострома, 1926–1927. С. 17–19 (Смирнов).

[3] Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1890. Вып. IV. С. 208–213 (Балов).

[4] Якушкина Е. И. Народный сонник из Каргополья // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30 (Якушкина).

[5] Архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры рус. яз. СПбГУ (СДК).

[6] Топорков А. Л. Предсказания судьбы, или Самый верный способ узнать свое будущее посредством гадания, примет и толкования снов. М., 1990. 64 с. (Топорков).

[7] Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139 (Никифоровский).

[8] Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151 (Дерунов).

[9] Харламов М. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXIV. Отд. III. Тифлис, 1904. С. 1–28 (Харламов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000. С. 7–19.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. I. М., 1963. 385 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык Медиа, 2003. Т. III. 555 с.
4. Некрылова А. Ф. Круглый год: Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1991. 496 с.
5. Садова Т. С. Народная примета как текст. Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 212 с.
6. Толстой Н. И. Народная этимология и этимологическая магия // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 317–333.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. М.: Прогресс, 1986. 832 с.

Sadova T. S., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ETYMOLOGICAL MAGIC IN RUSSIAN INTERPRETATIONS OF DREAMS

In traditional folklore communication the folk etymology often acts as a source for the origin of various cultural texts: verbal, action-based, and ceremonial. N. I. Tolstoy called such linguistic facts the etymological magic. A set of weather and superstitious signs evolved on the basis of folk etymology. The study shows that some verbalized superstitions include the names of various Christian Saints: *Poseesh* ***lyon*** *na* ***Olyoenu*** (Sow flax on the day of the Saints Konstantin and Elena – and yield good harvest) – *budut dlinnyie* ***lnyi***. The semantic attraction of accordant words, consequently, results in the appearance of separate facts of folklore culture, and moreover, in separate cultural texts. The role of the folk etymology in dream telling practice is investigated. The dream telling practice is the folklore form similar in the interpretation and structure to a usual sign: *Videt vo sne* ***pech*** *–* ***k pechali***. On the basis of rapprochement of accordant nominations a semantic development of the initial sign is developed. As a result of the process the left and right parts of the "dream sign" become widely used under the laws of the intra genre synonyms' spread and popularization. Today the evolution of the dream telling genre is based on the same mechanisms as in the earlier days. Folk interpretations of human dreams have semantic characteristics typical for the semantics of "dream signs" and their prophetical value.

Key words: Russian folklore language, folk interpretations of dreams, folk etymology, Russian folk signs, genre synonymy, folklore text

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Naive reflections on the naive picture of language [Naivnye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka]. *Yazyk o yazyke*. Moscow, 2000. P. 7–19.
2. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu: V 2 t.* [The chosen works on general linguistics]. Vol. I. Moscow, 1963. 385 p.
3. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the great living Russian language]. Moscow, 2003. Vol. III. 555 p.
4. Nekrylova A. F. *Kruglyy god: Russkiy zemledel'cheskiy kalendar'* [All year round: Russian agricultural calendar]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 496 p.
5. Sadova T. S. *Narodnaya primeta kak tekst. Lingvisticheskiy aspekt* [National primeta as text. Linguistic aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003. 212 p.
6. Tolstoy N. I. National etymology and etymological magic [Narodnaya etimologiya i etimologicheskaya magiya]. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995. P. 317–333.
7. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. III. Moscow, Progress Publ., 1986. 832 p.

Поступила в редакцию 25.03.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 50–54 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.11

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ВОРОТИЛИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
heldel@list.ru

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА НИКОЛАЕВА
аспирант кафедры немецкой филологии РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olyanik1983@mail.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «VERGANGENHEIT» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья затрагивает проблему времени как необратимой, линейной и каузальной последовательности событий, которые на немецкой почве запечатлены наиболее ярко в культурно-исторической и языковой картине мира для конституента «Прошлое» всеобъемлющего концепта времени. «Vergangenheit» («Прошлое») становится одним из центральных в творчестве современного немецкого писателя Б. Шлинка. Тема невозможности преодоления прошлого имманентна роману «Das Wochenende». «Фильтр времени» по-разному находит отражение в судьбах персонажей: для Йорга, главного героя романа, это скорее «историческое настоящее», не позволяющее персонажу выйти за рамки своего Прошлого (метафора «Zelle»), благодаря убеждению в правильности избранных некогда методов революционной борьбы.

Ключевые слова: концепт времени и его конституент «Vergangenheit», немецкая языковая картина мира, индивидуально-авторский концепт времени, роман «Das Wochenende»

Образ мира современного человека выстраивается в парадигмах расширяющегося пространства и времени (ср.: [1: 280–281]). Смысловая природа образа мира наиболее отчетливо выступает в идее «смыслового поля», реализуемого в развитии личности посредством усложнения отношений человека и мира, формирования нового типа взаимодействия личности и его деяний. Личность входит в мир своими деяниями, способными изменить условия бытия. «Время» выступает как фильтр. Понятие «фильтр» проясняет «ущербность» отраженного. Механизм фильтра призван что-то пропускать, что-то задерживать. Примеры поведения человека в экстремальных ситуациях дают богатый материал для понимания взаимосвязи функций «фильтра» и «зеркального» отражения. М. Хайдеггер показывает, что в ситуации страха у человека возникают определенные изменения во взаимоотношениях между представлениями о модусах времени в сознании. М. Хайдеггер пишет, что страх перед… – это всегда страх о…, в этом проявляется черта страха как определенного состояния сознания. Конституентом экзистенциально-временного смысла страха при этом является за-бывание, то есть индивид дистанцируется от своей фактической способности «быть», бытие-в-мире в ситуации страха переходит к сужению горизонта своего развития, переходит на более примитивную стадию существования. Индивид не способен думать о далеких перспективах, сосредоточивается на непосредственно наблюдаемых им здесь и сейчас событиях, он не способен включать в рассмотрение не очень отдаленное прошлое и будущее, что обусловливает потерю ориентации в настоящем [4: 341].

В свете концепции необратимости, линейности и каузальной последовательности связанных друг с другом событий возникает два круга вопросов: 1) о возможности коммуникации разных поколений или социальных групп, воспитанных в русле разных традиций или в русле господствующих в этой конкретной исторической ситуации кодов (идеологических, политических, философских, психологических, культурных); 2) о неизбежности или вытеснении сознанием проблем преступных деяний, совершенных одной личностью или группой лиц в истории человечества, а именно проблемы вины в том виде, как она сформулирована начиная с эпохи древнееврейских пророков и эпохи Античности через философию и литературу экзистенциализма вплоть до литературы постмодерна[1].

В истории Германии XX века различают по меньшей мере три эпохи, которые требуют подробного историко-культурного и эстетического осмысления. Две из них связаны с проявлением диктатуры и тоталитаризма (эпоха нацизма и эпоха послевоенного режима ГДР), а третья – в новейшее время – с попытками достичь каких-либо

© Воротилина Е. Н., Николаева О. О., 2016

изменений в существующем строе путем террора. Названная проблема вызывает острые разногласия, которые находят отражение в непрекращающихся дискуссиях о правомерности сравнения первых двух эпох и о существовании третьей. Весь сложный и противоречивый опыт немецкого прошлого, будь то преступления против человечности, совершенные национал-социалистами в эпоху Третьего рейха, или поражающие бессмысленной жестокостью террористические акты, осуществленные в 70–80-х годах XX века леворадикальной организацией «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF), способствует концептуализации данной темы в мировосприятии современных носителей немецкого языка. Таким образом, концепт «Vergangenheit» («Прошлое») закрепляется с течением времени в качестве ментального комплекса, представленного средствами немецкого языка, обретает национальную специфику и становится одним из весьма значимых элементов в немецкой языковой картине мира.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает экспликация одноименного культурного концепта в пределах авторской картины мира. Не лишаясь общечеловеческих и национальных характеристик в пределах ядерной и приядерной зон, он в данном случае обнаруживает на периферии «личностные особенности авторского мировосприятия» [3: 135], несомненно, «составляющие суть художественного творчества» [3: 138], и превращается в индивидуально-авторский концепт. В этой связи интересно проследить динамику индивидуальной картины мира писателя в русле тех изменений в репрезентации, которые претерпевает в творчестве автора один из его базовых индивидуальных концептов. Пожалуй, нет в немецкой литературе двух последних десятилетий другого писателя, который, подобно Бернхарду Шлинку, автору прославленного романа «Чтец» («Der Vorleser») (1995), столь же активно обращался к теме преодоления немецким народом своего прошлого, сделав последнюю одной из магистральных тем творчества и превратив соответствующий культурный концепт «Vergangenheit» в базовый для своей индивидуальной картины мира. Кроме того, работа над осмыслением этого непростого вопроса ведется Б. Шлинком не только в художественно-практическом, но и в теоретическом плане. Так, в 2011 году писатель выступает в своей alma mater, Гейдельбергском университете им. Рупрехта и Карла, с циклом из трех лекций на тему «Размышления о писательстве. Гейдельбергские лекции по поэтике» («Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen») и в первой же лекции под названием «Как писать о прошлом» («Über die Vergangenheit schreiben») поднимает вопрос о том, существуют ли специальные правила для художественного осмысления «особого» прошлого Германии. Предостерегая писателей при обращении к подобной теме не только от чрезмерной типизации характеров и ситуаций, но и от недооценки типического [7: 16–18], Б. Шлинк приходит в лекции к следующим выводам:

1) У автора художественного текста, посвященного теме прошлого, нет иной цели, кроме той, чтобы рассказать читателям некую историю и сделать ее подлинной (wahrhaftig erzählen) [7: 28].

2) Подлинность изображаемой истории понимается двояко: как то, что имело место или могло бы иметь место в действительности, и как то, что сам автор характеризует как «особое чувство», которое приходит от осознания, что рассказываемое в произведении верно (die Geschichte stimmt). Подлинность в указанных смыслах – единственное требование, которое, как считает автор, необходимо налагать на всякое повествование о прошлом Германии [7: 27–29].

3) Обращаясь в художественном тексте к теме прошлого, нельзя застраховать себя от того, что даже если рассказанная история подлинна, она все равно может ранить читателя, который почувствует себя обманутым и даже оклеветанным: «Es kann verletzen – wie die Vergangenheit verletzt hat und weiter verletzt» [7: 35].

Сказанное выше находит свое отражение не только в теоретических установках Б. Шлинка, но и в тех видоизменениях, которые претерпевает авторская картина мира писателя и, в частности, культурный концепт «Vergangenheit» в романах последних лет. В качестве примера сошлемся на изменение ряда характеристик культурного концепта «Vergangenheit» в романе Б. Шлинка «Три дня» («Das Wochenende») (2008).

Известно, что ядерные характеристики концепта являются облигаторными и общепринятыми для всех представителей определенной лингвокультуры [2: 112–113]. Согласно толкованию, приведенному в словаре серии Duden «Deutsches Universalwörterbuch», под ядерной характеристикой концепта «Vergangenheit» мы понимаем «жизнь человека до настоящего момента» («jemandes Leben bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt») [8: 1642].

В романе «Das Wochenende» названная ядерная характеристика приобретает более отвлеченный характер и трансформируется в своеобразный «метафизический суд» над прошлым, в критический анализ фактов прошлой жизни главного героя, немецкого террориста Йорга, одного из лидеров ультралевой экстремистской организации RAF, помилованного после двадцати четырех лет заключения. «Суд» этот происходит в первые дни пребывания главного героя на свободе во время встречи со старыми друзьями-единомышленниками в небольшом загородном доме его сестры. Постоянное обращение участников встречи к прошлому Йорга, их попытки

найти ключ к преодолению в страшных событиях его минувшей жизни и тем самым создать предпосылки для адаптации героя в настоящем отражаются в лексемах-номинантах прошлого: «sich erinnern», «zurückdenken», «Vergangenheit», «damals», «einst», «früher», «das Geschehene», «vor Jahren», «seit Jahren», обладающих повышенной частотностью в текстовом целом.

Приведенные выше лексические единицы (ЛЕ) совокупно образуют эксплицитную репрезентацию индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit» в данном романе, они – его понятийная составляющая. Данные ЛЕ наиболее часто используются представителями национального лингвокультурного сообщества для репрезентации одноименного культурного концепта [2: 113]. Любопытен и тот факт, что из всех лексем этого списка наибольшее распространение в тексте получают ЛЕ «damals» (42), «sich erinnern» (36) и их дериваты, а также основной лексический репрезентант анализируемого концепта – ЛЕ «Vergangenheit» (9). Все они содержат в своей семантической структуре семы «Zurückliegendes», «im Gedächtnis bewahrt haben», «sich ins Bewusstsein zurückrufen», «zurückdenken» [8]. Указанные лексемы формируют идею «воскрешения минувшего и сохранения его в памяти» и способствуют, по нашему мнению, возникновению противопоставления двух временных планов: 1) настоящего, из которого ведется повествование, и 2) минувшего («damals»/«Vergangenheit»), в которое возвращаются мысли повествователей – участников встречи, поочередно вспоминающих прошлое и пытающихся вскрыть причины поступков главного героя и на примере его судьбы переосмыслить недавнее террористическое прошлое Германии (die jüngste Vergangenheit Deutschlands).

Однако, несмотря на тот факт, что центральное место в романе отведено прошлому Йорга, одноименный культурный концепт отнюдь не исчерпывается своей ядерной характеристикой: «жизнь конкретного человека до настоящего момента». Перед читателем предстает биография не столько личная, сколько целого поколения, то есть не единичная судьба, но судьба целого поколения тех молодых немецких интеллектуалов конца 1960-х годов, которые под влиянием ложных идеалов и убеждений встали на путь терроризма. Подтверждение этому находим в имплицитной репрезентации индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit», в тех лексических, грамматических, стилистических средствах, которые маркируют уникальность языковой личности писателя и актуализируют характеристики концепта, формирующие его ассоциативно-образный и оценочный слои [2: 113]. В беседах собравшихся на трехдневную загородную встречу людей, бывших некогда близкими друзьями и единомышленниками, прошлое Йорга как «героя своего времени» – дерзкие похищения и убийства, ультиматумы правительству, постоянный риск и фанатичная вера в идею «городской партизанской войны» против государства – не более чем «безобразная, отвратительная болезнь, дурман и морок», которые поразили террористов много лет назад, но с которыми необходимо окончательно расстаться во имя будущего. Тем не менее, в соответствии с замыслом автора, «болезнь» Йорга – неизлечима (внешне, фабульно это выражается в обнаруженном у героя онкологическом заболевании). Бывший террорист оказывается неспособен разобраться в своем прошлом и переосмыслить его, продолжая рассуждать о своих деяниях в категориях тридцатилетней давности («Jörg redete, wie man vor dreißig Jahren geredet hatte und heute einfach nicht mehr redete <…>» (158))[2] и признавая лишь ошибочность *коллективной* деятельности террористов RAF, но не *свои личные* заблуждения. Поэтому использование ЛЕ «irren», «Fehler», «falsch», личных местоимений 1-го лица множественного числа вместо единственного, как, например, в предложении: «Sag mir, dass wir den falschen Krieg geführt hatten, <…> wir haben die Lage falsch eingeschätzt» (101), также можно отнести к средствам имплицитной репрезентации индивидуального концепта «Vergangenheit».

Отрицательно-оценочный смысл «непреодолимого прошлого» реализуется и в метафоре, используемой одним из гостей в отношении поведения главного героя: «Jörg war in seine Wahrnehmungen und Vorstellungen eingesperrt. Er trug seine Zelle mit sich <…>» (207). Языковые единицы «einsperren» и «Zelle», включающие в свою семантическую структуру семы «von anderen abtrennen», «einschließen» [8] и сохраняющие отрицательные оценочные коннотации, закрепленные за ними в узусе, формируют авторское представление о неспособности героя выйти из-под власти прошлого и его иллюзий, а также его духовную несвободу и разъединенность с обществом.

Следует заметить, что в романе «Das Wochenende» можно обнаружить и упоминавшиеся теоретические установки писателя в отношении темы прошлого, опосредованно характеризующие индивидуальный концепт «Vergangenheit»:

1) Создавая свое произведение задолго до начала дебатов в немецком обществе о целесообразности помилования одного из самых активных членов RAF Кристиана Клара, автор рассказывает читателю явно вымышленную историю освобождения немецкого террориста. Очевиден и тот факт, что и главный герой, и остальные действующие лица романа – художественные, собирательные образы, а вовсе не биографические портреты конкретных террористов. Тем не менее Б. Шлинк признает: «Работая над книгой, я думал, среди прочих, и о Кристиане Кларе»

(цит. по: [5: 207]). Следовательно, можно говорить о подлинной основе истории, изображенной в романе.

2) Включение в качестве вводного элемента в повествование произведения Ильзы об общем друге участников встречи Яне, который, по мысли «начинающей писательницы», не совершил самоубийство, а стал одним из террористов RAF, позволяет Б. Шлинку опосредованно «моделировать прошлое» героев, чередуя факты, имевшие место в действительности, с вероятностными деталями и обстоятельствами биографии террориста и ее наиболее достоверно прогнозируемым финалом. Данное обстоятельство подчеркивает, с одной стороны, «типичность» прошлого Йорга, которое находится в романе в фокусе рассмотрения и имплицитно сопоставлено с биографией «идеального террориста» Яна, а с другой стороны, является для писателя еще одним критерием подлинности – тем, что с большой долей вероятности могло иметь место в действительности.

В заключение нам хотелось бы отметить, что концепт «коллективной вины» и концепт прошлого («Vergangenheit») связываются друг с другом в истории Германии, поскольку проблемы индивидуального и группового настоящего перерождаются в коллективное прошлое. Немецкий национальный образ мира маркирован неослабевающим чувством вины за преступления, совершенные нацизмом во времена Третьего рейха, а в настоящий момент и групповым самобичеванием после того, как идеология террора «Красных бригад» конца 60-х – начала 70-х годов XX века была заклеймена позором. Отсюда возникновение большого числа литературных произведений, эксплуатирующих идею множественности «Я» и ухода от реальности в моделированное пространство со всевозможными коллизиями путешествий в индивидуальном времени (ср.: Стен Надольный «Weitlings Sommerfrische», Бернхард Шлинк «Die Frau auf der Treppe»). Тем не менее во избежание повторения исторической катастрофы коллективная этническая память призвана сохранить весь опыт, пусть и трагический, выработанный совокупностью судьбоносных для всего человечества событий, инициированных в рамках одной этнокультуры, проявившей агрессивную экспансию по отношению к инакомыслящим представителям своей или другой культуры.

Роман Б. Шлинка «Das Wochenende» является прекрасной иллюстрацией концепции необратимости, линейности и каузальной последовательности связанных друг с другом событий. В романе «Das Wochenende» страх перед повторением болезненного дурмана прошлого членов «Красных бригад» даже по прошествии десятков лет не дает этому коллективному прошлому кануть в Лету, возникая снова и снова в картинах противостояния отбывшего наказание Йорга и всех других, испытывающих перед Йоргом чувство неизбывной вины. Ответ на вопрос «Muss nicht krank sein, wer Leute umbringt, nicht aus Leidenschaft und Verzweiflung, sondern klaren Kopfs und kalten Bluts?» (88) («Разве не болен тот, кто убивает людей, не в порыве страсти или отчаяния, а с ясной головой и холодным сердцем?» (Перевод наш. – *Е. В., О. Н.*)) заключен в самом речевом поведении людей, окружающих Йорга: Б. Шлинк намеренно коллективным «wir» и множественным числом существительных дает возможность ощутить со-причастность окружающих к террористическим преступлениям, постулируя, таким образом, невозможность применения формы «давно прошедшего» к преступлениям против человечества, но выводя своих героев на путь постоянного со-переживания вольным или невольным жертвам этих преступлений в форме исторического настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: Восхождение от «мифа» к «оси времени» – [6: 49]; в немецкой литературе эта проблема наиболее остро звучит в тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья», а в новейшей немецкой литературе находим это явление в творчестве представителей «Группы 47», чье кредо недвусмысленно выразил ее создатель и вдохновитель Альфред Андерш, обозначив основой творчества для себя и своих коллег по литературному цеху прочтение войны и фашизма как знака апокалиптической ситуации всякого человека; эту проблематику находим и в произведениях Б. Шлинка.

[2] Schlink B. Das Wochenende. Roman. Zürich: Diogenes Verlag, 2008. 239 s. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера страницы арабскими цифрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С., Леонтьев А. Н. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
2. Меняйло В. В. Динамичность авторской картины мира // Studia linguistica. Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник. 2009. № 18. С. 110–117.
3. Филиппова С. Г. О слоисто-полевой организации авторского концепта // Studia linguistica. Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник. 2009. № 18. С. 135–141.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
5. Хлебников Б. Автопортрет второго поколения. Послесловие переводчика // Шлинк Б. Чтец: Роман / Пер. с нем. Б. Хлебникова. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 197–209.
6. Ясперс К. Разум и экзистенция / Пер. А. К. Судакова. М.: Канон, 2013. 336 с.
7. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich: Diogenes Verlag, 2011. 95 s.
8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Vorotilina E. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Nikolaeva O. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT "THE PAST" IN GERMAN LINGUISTIC WORLD VIEW (CASE STUDY OF BERNHARD SCHLINK'S NOVELS)

The present article analyzes the problem of time as a kind of irreversible, linear, and causal sequence of events. Such chain of events is strongly manifested in the cultural, historical and linguistic world view of the German culture in the concept "The Past". This concept is understood as a constituent of the integral concept of time. The concept of "The Past" is approached as one of the basic components inherent to the literary works of the modern German writer Bernhard Schlink. The authors of the paper assume that B. Schlink's novel "The Weekend" (2008) is based on the idea of impossibility to overcome the painful past. A narrative motif of the time as a kind of a "strainer" is variously reflected in the destinies of the novel's characters. For Jörg, who is a protagonist of the novel "The Weekend", this motif has the nature of some "historical present". It hinders his progression beyond the frames of his personal "past" (a metaphor "Zelle"). This phenomenon is based on his conviction of the right choice of employed revolutionary methods.

Key words: The concept of time and its constituent "The Past" ("Vergangenheit"), German linguistic world view, the author's individual concept of time, Bernhard Schlink's novel "The Weekend"

REFERENCES

1. Vygotskiy L. S., Leont'ev A. N. *Osnovy psikholingvistiki* [General issues of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., St. Petersburg, Lan' Publ., 2003. 287 p.
2. Menyaylo V. V. Dynamism of the author's world view [Dinamichnost' avtorskoy kartiny mira]. *Studia linguistica. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniya: Sbornik*. 2009. № 18. P. 110–117.
3. Filippova S. G. On the laminated field-type organization of author's concept [O sloisto-polevoy organizatsii avtorskogo kontsepta]. *Studia linguistica. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniya: Sbornik*. 2009. № 18. P. 135–141.
4. Khaydegger M. *Bytie i vremya* [The Being and Time]. Translated from German by V. V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskiy Proekt Publ., 2013. 460 p.
5. Khlebnikov B. The self-portrait of the second generation. The afterword of the translator [Avtoportret vtorogo pokoleniya. Posleslovie perevodchika]. *Shlink B. Chtets: Roman.* Translated from German by B. Khlebnikov. St. Petersburg. Azbuka-klassika Publ., 2009. P. 197–209.
6. Yaspers K. *Razum i ekzistentsiya* [Reason and Existence]. Translated from German by A. K. Sudakov. Moscow, Kanon Publ., 2013. 336 p.
7. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich: Diogenes Verlag, 2011. 95 s.
8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Поступила в редакцию 20.04.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 55–63 **Филологические науки** **2016**

УДК 002:811.511.131+39

АЛЕВТИНА ВАСИЛЬЕВНА КАМИТОВА
кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела филологических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация)
akamitova@mail.ru

КНИГА И ПИСЬМЕННОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УДМУРТОВ

Рассматриваются традиционные представления удмуртов о книге и письменности. На основе сравнительного анализа фольклорных материалов, зафиксированных исследователями XIX века, выявлена единая типология сюжета. Аналогичные тексты, повествующие о письменности и книге, обнаружены у чувашей, марийцев, якутов. Схожесть сюжетов этих рассказов с содержанием удмуртских легенд гипотетически можно объяснить общими культурно-этническими процессами, происходившими в разные исторические периоды. Отдельное внимание уделено содержащимся в удмуртских текстах сведениям о тамговых знаках, на основе которых была написана книга. Рассмотрены этнографический и фольклорно-исторический аспекты бытования этих знаков. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что в определенные исторические моменты, ставшие переломными в судьбах народов, могли создаваться подобные мифы и легенды с общей сюжетно-образной канвой. Вопрос на этом не исчерпывается и оставляет исследователям возможность для новых открытий.

Ключевые слова: книга, письменность, знак, тамга, традиционные представления удмуртов, удмуртские легенды

Представления о книге и письменности воплощены в мифопоэтической картине мира многих народов. Удмуртские легенды о книге, дошедшие до нашего времени, существуют лишь в нескольких вариантах. Зафиксированы они исследователями XIX века Николаем Григорьевичем Первухиным[1] и Борисом Гавриловичем Гавриловым[2]. Также имеются сведения о том, что в материалах Ф. И. Страленберга, ученого XVIII в., содержится «предание о берестяной книге удмуртов с записями их национальных обрядов, обычаев и порядка судопроизводства» [20: 117]. П. К. Поздеев предполагает, что немецкий ученый «записал этот текст в 1711 году, по всей вероятности, во время пребывания в селе Юски (близ пос. Кез)» [20: 117]. К сожалению, на данный момент мы не располагаем точными сведениями относительно этого утверждения. Письменно зафиксированные легенды Б. Г. Гаврилова и Н. Г. Первухина позднее легли в основу сюжета эпоса Михаила Георгиевича Худякова[3]. В его рукописи есть указания на то, что сюжет десятой песни о священной книге заимствован автором из записей вышеназванных исследователей[4].

Любопытным является тот факт, что в большинстве известных удмуртских легенд описывается единый сюжет исчезновения, уничтожения или утраты книги, «знания тамг», грамотности. В целом содержание сводится к утрате письменности. В одной из легенд говорится о том, как большая белая корова, посланная Инмаром[5], съела без остатка берестяную книгу, тем самым «Инмар отнял у них (удмуртов. – *А. К.*) знание тамг, которое они прежде имели»[6]. Другие легенды гласят, что книга была сожжена огнем, в одних случаях – умышленно («Когда русские начали распространять христианство… тогда сторож книги, опасаясь за ее хранение подвергнуться каким-нибудь мучениям со стороны русских, порешил ее сжечь»[7], «…жрец сказал… теперь вотяков всех будут крестить. Книгу нашу найдут, тогда нам плохо будет, надо ее сжечь»[8]), в других – случайно («Долго они (русский, татарин и удмурт. – *А. К.*) читали свои книги. Между тем вотяк уснул так крепко, что опустил свои руки, уронив при этом свою книгу прямо в костер, которая сгорела дотла. Самая грамотность сохранилась только у русских да у татар; у вотяков же исчезла безследно»[9]).

В приведенных примерах мы имеем в виду скорее легенды-рассказы, в которых объясняется проблема «изначального знания» (термин Чеснова). Подобные сведения о книге продолжают фиксировать и современные исследователи во время полевых экспедиций. Например, археологом Н. И. Шутовой от жителей д. Кузебаево (Алнашского района УР) была записана информация о некогда существовавшей книге «Булда», «по которой молились на святилище Булды. Говорят, в той книге “все было расписано, в каком году и когда проводить моление, когда бросать жребий”, она сгорела при пожаре» [31: 59].

В очень близкой форме представления о письменности, письме, книге, грамоте существуют у многих народов. Российский этнограф Я. В. Чеснов подобные произведения называет «мифами о съеденной письменности» [29: 170] и приводит большое количество аналогичных примеров. Исследователь замечает «бытование мифа у бесписьменных народов или явно

© Камитова А. В., 2016

заимствовавших письменность у соседей» [29: 170]. Нам также удалось обнаружить тексты об утраченной книге у чувашей, марийцев, якутов. Например, у марийцев бытует предание о якобы вытканной на холсте марийской священной книге, которую съела корова [12: 21]. В варианте рассказа В. А. Акцорина также повествуется о книге, которую съела корова[10].

В якутских легендах описывается то, что их книга утеряна – в одних случаях, сгорела – в других[11]. Из устных рассказов А. Васильевой[12] также известно о книге якутов, съеденной коровой[13]. Книга чувашей также оказывается проглоченной коровой или овцой[14].

В традиционном понимании удмуртов сохранились разные представления о книге. С приобщением народа к православной культуре укреплялось понимание о «священной» книге. Прочие знания и вера могли быть связаны с «испорченной книгой/книгой порчи» (*сöрыськем книгаёс*)[15]. Магические знания также закреплены в книге. «Колдовское же знание до сих пор ассоциируется с “черной” книгой, графика которой непонятна для непосвященных. По представлениям, страницы такой книги черные, начертание же знаков имеет белый цвет. “Книга” может быть в виде “толстой”, общей, тетради. Удмуртская поэтесса Л. Д. Кутянова (Айтуганова) вспоминала, как в детстве она вместе с подругами набралась храбрости и тайком заглянула в “книгу-тетрадь” своего деда, который слыл в округе сильным колдуном и часто ее “читал”. Она рассказывала о своем недоумении, когда увидела там лишь зигзагообразные линии», – отмечает Т. Г. Владыкина [7: 35–36].

В известных на сегодняшний день удмуртских сказаниях обращают на себя внимание весьма любопытные сведения о тамговых знаках, на основе которых была написана книга. Так, в «Легенде о книге» описывается то, как удмурты сделали книгу: *«...употребив вместо бумаги бересту и записав на берестяных листах тамгами, как надо богам молиться и суд чинить над людьми»*[16]. В другом варианте предания говорится о том, что у удмуртов *«был записан тамгами в берестяной книге порядок богослужения и суда, и книга эта охранялась самым старшим и уважаемым жрецом до самого прихода русских»*[17]. Исследователь Г. К. Шкляев в книге «Очерки этнической психологии удмуртов» (2003) приводит факт того, что «богатыри перебрасывались с городища на городище бревнами с нанесенными на них письменами, якобы для обмена новостями» [30: 91]. К сожалению, исследователь не приводит ссылку на источник. Подобный сюжет в литературных источниках нам не удалось выявить. В этой связи кратко остановимся на описании этого интереснейшего явления – тамговых знаков – *пусов*.

Как известно, удмурты, как и другие финно-угорские народы, широко использовали в быту особые тамговые знаки. По этому поводу известный немецкий ученый М. Бух писал: «Большинство финских народов, да и вообще большинство народов, имеют или имели, не зная собственного письма, такие именные или семейные знаки»[18]. Их использование было важным по значению и полифункциональным по назначению в семейно-бытовой и общественной жизни народа. Однако до сих пор не имеется комплексного исследования тамги удмуртов. Вопросы происхождения, классификации и функции этих знаков продолжают оставаться в пространстве актуального осмысления современных исследователей.

По наблюдениям исследователей, тамговые знаки выполняли разнообразные функции. Они могли быть знаком собственности, играть роль геральдического знака, выступать в роли письменного знака и т. д.[19]

Согласно археологическим данным, удмуртские *пусы* встречаются в IX–XIII веках на костяных вещах [2: 176]. Например, в результате раскопок в городищах Чепецкой археологической культуры (Иднакар, Дондыкар, Гурьякар, Маловенежский Поркар) были обнаружены изделия из кости и рога с прочерченными на них знаками-*пусами* [3: 98]. На найденных археологами орудиях труда (шильях, ножах), бытовых предметах (ложках, гребнях, кочедыках) присутствовали тамговые «орнаменты»[20]. В письменных документах XVIII века также встречаются упоминания об этом знаке. Так, например, «в описи имущества удмурта Сидора Асанова сына Будина... упоминается “перстень серебряный, мужской, на нем печать – мое борное пятно”» [10: 77].

Сведения о загадочных письменах также сохранились в песенных текстах завятских удмуртов, записанных Ю. Вихманном[21] в конце XIX века, Л. Викаром[22] и Г. Берецки[23] в конце XX века, на что обратила внимание этномузыковед И. М. Нуриева. Согласно словам песен, письмена «могут быть вырезаны или написаны на корнях деревьев» [19: 68]:

kiśpш vi̯ži̯i̯ad goštet	На корнях березы пись-
goštil' l'am	мо написано,
öi to˙di̯ so-ik goštetez	Не ведаю того письма.
atailen d'шrtaz uшi̯sa	Живя в отцовском доме,
öt to˙di̯ atailiś kàdi̯rzɛ.	Не понимал я его
	цены[24].
u(l)mopůwe(d)len no(j)	На корнях яблони
ajig(e) vi̯žijaz	Мои имена написаны.
mi̯nami̯ ńim(i) ńosi̯	Пусть каждый (про
no(je) gožtemi̯n	меня) говорит,
kotnoš-kiń(i) kotmar(e)	Мое сердце стерпит[25].
no(je) medik veraloz	
mi̯nami̯ śulemi no(je)	
č́idaloz.	

Письмена могли быть написаны и на камнях:

tubi-no ďužęt gureźä,	Поднялся да на высокую гору,
goštät gošti t ǫ̈ďę izvęlä:	Письмо написал на белом камне:
luono luontäm-no, aį, užďoslę	На предстоящие да невозможные дела
ťak ǫ̈į bęttę no pińal ďęrľosmä.	Понапрасну не тратил юные годы[17].

О бортевых тамгах как о роде письменности у удмуртов писал С. Н. Курочкин: «Борти свои Вотяк запятнывал, вырубая на них топором знак, который каждый хозяин выбрал однажды навсегда. Такие знаки называются бортевыми тамгами; это у Вотяков род письменности»[27]. Г. Е. Верещагин гипотетически рассуждал, что бортевые тамги – *подэм пус*[28] «прежде составляли алфавит вотякского языка род китайских знаков»[29]. Как известно, у ряда народов каждая тамга имела свое собственное имя. По свидетельству Г. Е. Верещагина, бортевые тамги удмуртов также «прежде имели особое название»[30]. *Мумы пус* ‘материнский знак’, *курег кук* ‘куриная нога’, *кечат* ‘крест’, *саник* ‘вилы’ – вот некоторые названия удмуртских *пусов*[31].

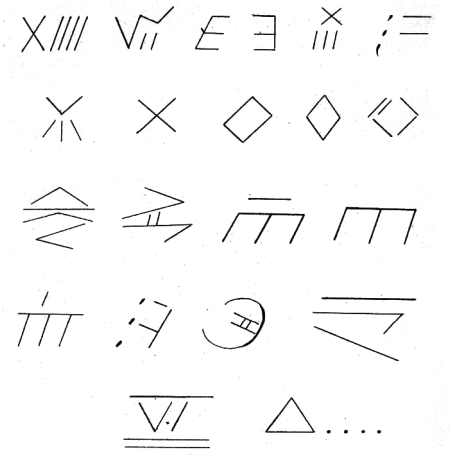


Рис. 1. Удмуртские тамги. Из книги Г. Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского Уезда Вятской губернии». СПб., 1889. С. 198

На знаки-тамги некогда обратил внимание этнограф М. Т. Бух. В своей работе «Вотяки» (1882) он поместил разные виды этих знаков. «Письмо (гожтэм) вотяки используют очень редко, но зато с давних пор применяют определенные знаки, которые называются тамга», – отмечает исследователь[32]. М. Т. Бух свидетельствует, что такое «письмо» использовалось для обозначения своей собственности, а также чтобы поставить подпись и т. п.[33] В целом применение тамговых знаков было разнообразно. По свидетельству Г. Е. Верещагина, тамги-пусы «не что иное, как семейные печати; в старину они имели значение собственноручной подписи, так как прикладывались к актам и вообще всем деловым бумагам самими домохозяевами… Образцы таких знаков, снятых нами с рукописи мирского приговора 9 августа 1798 года, которым вотяки обязывались платить ругу духовенству Завьяловской церкви…»[34]. По данным П. Н. Луппова, по «Указу попа Григория от 2 ноября 1741 г.» более пятисот удмуртов «выразили согласие принять христианство и особыми подписками, утвержденными бортными пятнами, обязались явиться в Верхочепецкий монастырь или с. Еловское для крещения» [16: 155]. В современных исследованиях отмечается, что тамги «иногда могли даже продать», «пусы играли важную роль в качестве доказательства на общинных и волостных судах…», «фигурировали… в качестве оберегов» [2: 176].

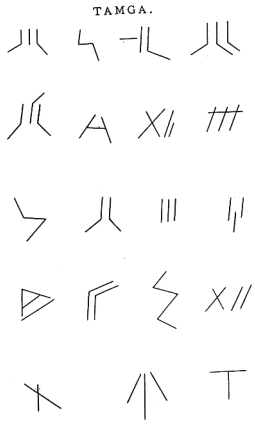


Рис. 2. Удмуртские тамги (*пус'ы*). Из книги Макса Буха «Вотяки». Гельсингфорс, 1882. С. 190

Подробное исследование «родовых знамен», «бортных пятен» или «подэм пусов» было проведено П. М. Сорокиным[35]. Кроме того, он выделяет и другое видовое название *«гужем пус»* – полевой знак, надрезываемый на колышках, втыкаемых по разделе поля каждым домохозяином у своей полосы»[36]. Исследователем выявлено более 500 названий «подэм пусов»[37]. По словам исследователя, пусы наносились на вещи и изделия из дерева, кости, рога и в виде исключения – из воска, а также на живое дерево, например бортевое[38].

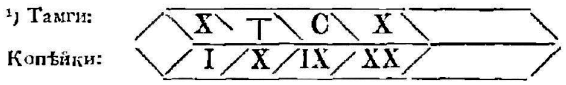


Рис. 3. Образцы удмуртских тамговых знаков. Из книги И. Васильева «Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний». Казань, 1906. С. 22

Письменные знаки для ведения счета у удмуртов тоже именовались «пус» (знак, тамга)[39]. Как отмечают ученые, «цифры всегда вырезают на палочке, которая называется пус»[40]; «сбор денег производится всегда по тамгам или знакам, слу-

жащим вместо печати или расписки. Эти знаки отмечаются по получении денег от кого-либо на лутошке. Вырезывают ножом сверху вместо имени тамгу или число душ данного человека по порядку домов, а снизу под сей тамгой сумму полученных денег римскими цифрами»[41]; «счисление производится на лутошечных палочках посредством вырезывания… знаки эти носят общее название бирок, а у самих вотяков – пус»[42]; «на бирках или по местному “пусах” зарубали или записывали результаты счетных операций, и на бирках отмечали фамильный знак владельца бирки или, как говорят, “пятнали”»[43] [8: 208].

Родственный удмуртам народ коми до возникновения буквенного письма также пользовался счетно-тамговым знаком, называемым *«пас»*[44]. Пасы наносились на различные предметы, в том числе – на собственно *пасы* или, иначе, бирки[45]. На сегодняшний день существуют научные версии о возможности влияния *пасов* на древнепермскую азбуку[46] [17], [21], [24]. «Известное влияние на оформление начертаний древнепермских букв[47] оказала, по-видимому, древнекомийская тамга», – отмечает В. И. Лыткин [17: 26]. Другие исследователи поддерживают общепринятое мнение: «Стефан составил древнекоми азбуку из 24 букв по образцу греческих и славянских. По образцу, но не по полному подобию. При составлении азбуки Стефан использовал и древние коми пасы – метки, знаки» [21: 258]. Отголоски тамговых знаков Л. С. Грибова прослеживает в элементах орнамента финно-пермских народов. К примеру, основой многих геометрических узоров в народном искусстве коми, по мнению исследователя, «служили… тамги – *пасы* – знаки родовой и семейной принадлежности и собственности» [9: 155]. Свою гипотезу Л. С. Грибова подтверждает данными других ученых, указывающими на использование тамг в качестве мотивов орнаментации.

До настоящего времени в некоторых хозяйствах сохраняется традиция ставить *пусы* (клеймить)[48] домашним животным и птицам. Нанесение тамговых знаков на так называемых полевых или межевых колышках при разделе земельных, сенокосных угодий и т. п. в современном мире приняло «усовершенствованный» вид. В наши дни на таких колышках пишутся инициалы или фамилии владельца участка. Сохранившиеся предметы старины также могут хранить информацию о знаках-*пусах*. В частности, нами был обнаружен лоток, именуемый по-удмуртски «*дуско*» или «*сюлыс*», с вырезанным на нем знаком-пусом[49]. Такие же *пусы* зафиксированы и на надгробных камнях в удмуртских деревнях Балтасинского района [19: 269].

Потребность в «тамговой письменности» проявляется, как видим, в различных сферах: в хозяйственной и государственной жизни (клеймение, мирские приговоры), в торговле (воршудный знак могли продать), в судебном разрешении споров, в имущественных отношениях (тамговые надписи, удостоверяющие собственность). В любом случае, используемый в различном контексте тамговый знак рассчитан на прочтение, при этом, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «природа “чтения” в каждом случае будет глубоко своеобразна» [15: 318]. Что касается мифопоэтических воззрений удмуртов на книгу, письменность, знания тамговых знаков, то они были тесно связаны с представлениями о письменной культуре. Сопутствующие понятийные термины в процессе эволюции закономерно закрепились в удмуртской лексике, а с возникновением удмуртской письменности они стали активным обслуживающим инструментарием в этой области, в результате которого расширились и значения слов. В письменной традиции XX века сохранялась связь с традиционным представлением о книге, букве, письме как узоре на бумаге: *Сьӧдпул вылын тӧдьы пужы* (Доска вылын бурен гожʻяськем) ‘На черной доске белый узор (Процесс письма мелом на доске)’; *Кышетэз тӧдьы, пужыез сьӧд: кин пужʻятэ, со ик сэрттэ* (Книга) ‘Платок белый, узор черный: кто вышивает, тот и распускает (Книга)’[50]. Возможно, в вышерассмотренных легендах акцентировка на знании удмуртов тамговых знаков осмысливалась как некий маркер письма.

В целом, очевидно, что единый сюжет исчезновения, уничтожения или утраты книги, грамотности в традиционном представлении удмуртов и других народов связан с определенной утратой единых общечеловеческих ценностей – с одной стороны, и с приобретением ценностей большей значимости, как, например, приобщение к православной вере, – с другой. Возможно, в этот переломный момент и создавались подобные мифы, в которых прочитывается синтез языческого и православного представлений. Сквозной мотив уничтожения книги, «знания тамг», грамотности, на наш взгляд, является образно-метафорическим выражением утраты «веры отцов». Вероятно, акцент на утрате неких письменно закрепленных знаний является нарочитым образным выражением противления православному постижению действительности, путь к которой также лежал через письменную форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV-й // Календарь вятской губернии на 1890 год. Вятка, 1889. С. 14–15; Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в Вотяцкие

селения Казанской и Вятской губерний. Казань: Типография А. А. Коковиной, 1880. С. 150–151.

[2] Гаврилов Б. Указ. соч. С. 150–151.

[3] Обнаруженная в 1960-е годы в архивных фондах публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге незавершенная рукопись М. Худякова «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания», написанная в стихотворной форме на русском языке, была введена в литературный и научный оборот Даниилом Яшиным. Так, российский читатель в 1986 году впервые знакомится с данным сочинением, опубликованным под названием «Песнь об удмуртских батырах» [27: 97–135]. А в 1997 году С. Васильев и В. Шибанов напечатали полный вариант «Песни девятой», сокращенной в публикации Д. Яшина, и «Песню десятую», отсутствующую в первой публикации [5: 296–302].

[4] Приведем отрывок из указанного эпоса: Но прошли ещё столетья, / стали вдаль селиться люди, / и сходиться стало трудно / всем в единственное место / И тогда на сходке общей, / на кенеше порешили <…> / все моленья и обряды, / строй суда и справедливость, / записать порядки в книгу, <…>/ Сделав книгу из берёсты, / в этой книге начертали / старцы пусами порядок / и суда и всех молений [26: 107–108].

[5] «Первоначально Инмар был просто одним из божеств, представляющих верхний ярус мира – небесную сферу, – пишет В. Е. Владыкин. – Возвышение Инмара над остальными божествами – явление, несомненно, более позднее, оно произошло под влиянием ислама и христианства, именно они способствовали формированию у удмуртов представлений о едином боге. Видимо, со времени подчинения части удмуртов булгарскому государству, а затем вхождение всех групп удмуртов в состав Русского государства, когда и на присоединенные земли распространялась власть единого царя, только тогда стали складываться условия для возникновения представлений о едином боге, таковым постепенно и становился удмуртский Инмар. Большое значение в этом процессе имело крещение удмуртов, именно в этот период Инмар приобретает черты христианского бога» [6: 101–102].

[6] Первухин Н. Указ. соч. С. 14. Во всех цитатах авторские пунктуация и грамматика сохранены.

[7] Там же. С. 15.

[8] Гаврилов Б. Указ. соч. С. 151.

[9] Первухин Н. Указ. соч. С. 13.

[10] Марла книга

Ала-кунам ожно марийынат улмаш, маныт, марла книжкаже. Марий ушкаллан пӧртеш варен да ушкалжым пукшаш пуртен. А книжкажым ала-молан коҥга воктек пыштен да налаш монден. Ушкал, варымым кочшыжла, книжкамат кочкын, а марий ужын огыл. Ушкалжым пукшен лукмеке, марий книжкажым кычылын-кычалын – муын огыл. Тыге марла книга ушкал мӱшкыреш йомын.

Тиддеч вара, ала-кунар ий эртымеке, марий ушкалжым шӱшкылын да ушкал мӱшкырыштӧ шӱдывачашым ужын. Тугай шӱдывачаш вольык кӧргыштӧ ожно уке улмаш. Марий тудо шӱдывачашым мушкаш нанҥаен таве деке. Мушмаштыже ончен – пален шке книжкажым. «Тиде мыйын тошто книжкам вет!» – манын. Марий палашыже пален, да тетла лудын кертын огыл. Тугак подыш шолташ пыштен.

Тулеч вара вольык кӧргыштӧ лияш тӱҥалын шӱдывачаш, а марийын марла книжкаже ятыр жаплан йомын.

Марийская книга

Когда-то давно, говорят, и у марийца была марийская книга. Мариец замесил корове дома и завел ее покормить. А книжку почему-то у печки положил да взять забыл. Корова, поедая замешенное, съела и книжку, а мариец не заметил. Накормив и выведя корову, мариец начал искать свою книгу – не нашел. Так марийская книга пропала в животе коровы. После этого, спустя несколько лет, мужик заколол свою корову и в животе ее увидел сычуг.

Оказывается в давние времена у скотины не было сычуга. Мариец понёс мыть тот сычуг к колодцу. Во время мытья узнал свою книжку. «Это же моя старая книжка!» – сказал. Мариец усмотреть-то усмотрел, но прочитать-то (ничего) не смог. Так и положил варить в котел.

С тех пор во внутренностях скотины появился сычуг, а у марийца на долгое время пропала (исчезла) марийская книга [25; 87].

[11] Приводим примеры якутских легенд:

№ 28. Эр-Соготох-Эллэй – создатель якутской культуры

Предки якутов, как рассказывают, были Омогон-Баай и Эр-Соготох-Эллэй. Омогон происходил якобы из бурят. Он поселился в нашем краю задолго до прибытия Эллэя, имел многочисленную челядь и обладал огромным количеством лошадей и рогатого скота.

Зимой он жил в обмазанной глиной юрте с наклонными стенами и ледяными окнами, а летнее жилье было сделано из коры лиственницы. Для кумыса он употреблял простой берестяной черпак – тордуйа. Обычай справлять летом праздник ысыах, сопровождаемый хвалой, благодарением богов и молением о благодати, был ему совершенно неизвестен. Вместе с Омогоном, рассказывают, прибыли и шаманы. Его постоянное местожительство было там, где стоит ныне город Якутск.

Однажды к Омогону прибыл один-одинешенек татарский парень по имени Эр-Соготох-Эллэй. Он, рассказывают, был сын царя-иноплеменника. В те времена татары воевали будто бы с русскими. Русские оказались победителями. От этой-то войны и бежал Эллэй, найдя истоки нашей реки, он поплыл вниз на плоту. Из-за поспешности бегства он не успел захватить с собой письмена, которые были ему ранее известны. Вот почему мы, якуты, необразованны и не имеем своей грамоты.

По прибытии Эллэй поступил работником к Омогону....

Афанасьев Гавриил Андреевич, 75 лет, Бэстэхского наслега. Июль 1921 г. [13: 38–39].

№ 34. Книга Эллэя

Эллэй был царский сын. Он бежал от войны между татарами и русскими. Отец его, умерший в дороге, был, кроме того, шаманом, вообще большим знатоком. Он заранее указывал ему дорогу.

У отца имелась книга, которую он спрятал у себя на родине. Позже, уже женившись, Эллэй ездил на родину, но книгу не нашел: поэтому якуты остались без своего образования. При той поездке Эллэй нашел сэлэ и привез с собой. Рассказывают, что книга будто бы сгорела.

Сначала Эллэй ехал с отцом на коне по безводной местности, терпя большие лишения, питаясь пеной, которая выступала на тальниках и имеет вкус меда...

Когда Эллээй на ысыахе возглашал «урууй», в его чашу выпадало белое ильгэ величиной с яйцо чирка.

Харитонов Алексей, 59 лет, 1-го Мальжегарского наслега. Лето 1921 г. [13: 43].

№ 49. Эр-Соготох-Эллэй

Эр-Соготох-Эллэй бежал от войны вместе с отцом. Отец был слепой. Они перешли через обширные бурятские степи. Шли только по ночам, днем же, боясь, прятались. В той стране росла прекрасная трава, но воды совершенно не было.

Беглецы утоляли жажду, собирая по ночам росу длинным холстом. У отца имелась деревянная книга; справляясь по ней, он указывал сыну направление пути. В дороге отец умер, но перед смертью указал сыну предстоящую дорогу и предсказал судьбу:

«Идя так, дойдешь до реки. Дальше плыви по этой реке, доберешься до одного богатого человека. Позже ты станешь у него зятем, но из его дочерей ты выбери ту, у которой моча будет с пеной. Такая жена будет детной».

Эллэй книгу отца потерял. Приплыл в этот край, сев верхом на корягу. По прибытии поступил работником к Омогону, у которого было три дочери...

Слепцов Николай, 79 лет, 4-го Мальжегарского наслега. Август 1921 г., остров Тиит-Арыы [13: 52–53].

№ 52. Книга отца Эллэя

Про Эллэя рассказывают, что он родом был татарин и прибыл в этот край с далекого юга. Его отец имел книгу и был образованным человеком. Умирая, в своем последнем слове он сказал сыну:

«Ты свою книгу не бросай и держи всегда при себе. Тогда ты выйдешь в люди! Ни под каким видом не расставайся с нею! Вот скоро ты доберешься до речки. Идя вдоль нее, придешь к большой реке. Привяжи себя к бревну и плыви по этой реке. Не погибнешь!»

Как и сказал умирающий отец, Эллэй добрался до упомянутой реки. У него не было даже топора. Он нашел дерево с корневищем, привязал себя к нему и поплыл. Когда он плыл, сидя верхом на нем, его отражение на воде принимало очертание человека, едущего верхом на коне сплошь белой масти.

Свою книгу Эллэй забыл на том месте, где похоронил отца.

Вот поэтому-то, говорят, он и остался человеком необразованным...

(Дальше рассказчик развивает общеизвестные сюжеты об Омогое. Он знает обычные и типические сюжеты об Эллэе и Омогое).

Устинов Константин, 82 года, 5-го Мальжегарского наслега. Январь 1925 г., остров Хатынг-Арыы [13: 55].

[12] Выражаем огромную благодарность А. А. Васильевой за предоставленную информацию.

[13] Из устного рассказа А. А. Васильевой: «Что сама знаю с малых лет – не нашло подтверждения в источниках, которые есть у меня сейчас. Оказалось, что книгу просто потеряли, забыли, оставили. Информация примерно такая: «В древности у наших предков была книга, они умели писать и читать. Но однажды книгу оставили без присмотра. И пришла корова, и съела ее. С тех пор книжка находится у нее в животе и называется “чанкычах”. Сама слышала от мамы в детстве. Сегодня спросила у нее, где она читала об этом. Она говорит, что знает это с детства. “Чанкычах” в словаре переведено как “книжка”, но некоторыми словарями не зафиксировано это слово. Мама сказала, может быть, “харын” (в словаре это – отдел желудка у крупного рогатого скота). Мама вспомнила, откуда она эту легенду знает – отец рассказывал им, когда дети они в детстве не хотели есть похлебку из потрохов».

[14] Приводим примеры чувашских легенд:

Чăваш кĕнеки

583

Чăвашсем ĕненнĕ тăрăх, çĕр çинче çитмĕл çичĕ халăх, çитмĕл çичĕ чĕлхе, çитмĕл çичĕ тĕн. Тĕне кашни халăхах Турă панă. Вырăспа тутара тата чăваша Турă çапла тĕн панă.

Пĕррехинче вырăс, тутар тата чăваш виççĕн пĕр çуртра çĕр выртнă тет. Ирхине ирех вĕсем таçтан аякран кăшкăрса калакан сасса илтрĕç тет, такам: «Атьăр, килĕр, хăвăра валли кĕнекене тĕн илĕр!» - тесе калать тет.

Кусем васкасах тумланма тытăнчĕç тет. Тутарĕ пушмакне йăкăш-якăш тăхăнчĕ тет те чи малтан чупса тухса кайрĕ тет. Малтан чупса çитнĕшĕн Турă ăна кĕнеке тата виçĕ арăм пачĕ тет. Тутар хыççăн вырăсĕ те аттисене тăхăнса чупса тухрĕ тет, ăна та Турă кĕнеке пачĕ тет, анчах пĕр арăм çеç пачĕ тет. Чăвашĕ ура сырма хăтланса часах тухаймарĕ тет. Турри пăхкаласа-кĕткелесе тăчĕ тет те кĕнекине вăркăнтарчĕ тет те кайрĕ тет. Чăваш чупса тухрĕ тет те пăхать тет, кĕнекине ĕнепе сурăх çисе тăраççĕ тет. Çавăнпа чăваш кĕнекесĕр (тĕнсĕр), саккунсăр юлчĕ тет, çавăнпа вăл халĕ те киреметсемпе çут тĕнче туррисене ĕненсе пурăнать тет. Ĕнепе сурăх хырăмĕнче кĕнеке çĕрхут пулса тăчĕ тет.Телей валеçнĕ чух мишер иушмакне тăхăнса пуринчен малтан çитсе илнĕ тет кĕнекене. Вырăс пурттенккесемпе чĕркекелесе тăхăнса чупнă тет, вăл мишертен каярах юлнă тет. Чăваш урине сырма тытăнса темĕн чухлĕ вăхăт ирттернĕ тет. Алăкран тухнă чух ури салтăнса каять те, унтан вăл çĕнĕ кантра явса урине сырса пътрать. Телей çуррине ĕне чăмласа пĕтернĕ тет. Çавăнпа чăвашсем телей курма кайран вĕреннĕ тет.

583. 1974 ç. ЧР Шупашкар р-чи Тури Макаçра Ф. С. Исаевран Г. Ф. Юмарт çырса илнĕ. – ЧП ГĂИ ĂА, III, 376, 11 [28: 203–204].

Чăваш кĕнеки

584

Телей валеçнĕ чух мишер иушмакне тăхăнса пуринчен малтан çитсе илнĕ тет кĕнекене. Вырăс пурттенккесемпе чĕркекелесе тăхăнса чупнă тет, вăл мишертен каярах юлнă тет. Чăваш урине сырма тытăнса темĕн чухлĕ вăхăт ирттернĕ тет. Алăкран тухнă чух ури салтăнса каять те, унтан вăл çĕнĕ кантра явса урине сырса пътрать. Телей çуррине ĕне чăмласа пĕтернĕ тет. Çавăнпа чăвашсем телей курма кайран вĕреннĕ тет.

584. 1910 ç. ТР Пăва у-че (ялĕ паллă мар) М. Токмаков çырса илнĕ. – 1, 189, 260 [28: 203–204].

Перевод легенд с чувашского языка:

Чувашская книга

583

По представлению чувашей, на земле существуют 70 и 7 народов, 70 и 7 языков, 70 и 7 верований (религий).

Однажды русский, татарин и чуваш ночевали в одном доме (избе). Рано утром они услышали как кто-то громко кричал: «Подходите, берите для себя книгу и верование!»

Эти начали скорее одеваться. Татарин быстро надел свои башмаки и самым первым выбежал. За то, что пришел первым, Бог дал ему книгу и 3 жены. После татарина выбежал русский, одев сапоги. Бог дал ему книгу и только одну жену. Чуваш долго надевал лапти и не скоро выбежал. Бог ждал-ждал его, выкинул книгу и ушел. Прибежал чуваш, смотрит, а его книгу жуют корова и овца. Поэтому чуваш остался без книги (религии), закона, поэтому до сих пор поклоняется (верует) разным киреметям и богам всего света. А книга в животе у коровы и овцы стала частью желудка.

Чувашская книга

584

Когда раздавали счастье, мордвин надел башмаки, пришел самым первым и получил книгу. Русский побежал вслед за мордвином, надев ботинки. Чуваш же потратил много времени, чтобы обуться в лапти. Когда он проходил через дверь,

обувка развязалась. Пришлось свить новую веревку и заново обуваться. В это время половину его счастья корова съела. Поэтому чуваши позже всех обрели счастье.

R. S: Выражаем благодарность И. В. Софроновой за представленный перевод с чувашского языка.

[15] См.: Житие Симеона Верхотурского на вотском языке. 2-е изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Типография А. М. Петрова, Поп.-Влад. ул., с. д., 1900. С. 5.

[16] Первухин Н. Указ. соч. С. 14.

[17] Первухин Н. Указ. соч. С. 15.

[18] См.: Бух М. Вотяки (Этнологическое исследование) / Перевод с немецкого А. Н. Маркина. Гельсингфорс, 1882. С. 130 = Max Buch. Die Wotjäken. Eine Ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.

[19] См., например: [23], [32], [2] и др.

[20] В предпринятой летом 1925 года участники экспедиции Центрального музея народоведения (Москва) по изучению «восточных финнов (мари, вотяки, мордва)» из семи человек (краевед-экономист М. Я. Феноменов, М. Т. Маркелов (мордва-эрзя), И. Я. Бондянов (мордва-мокша), К. П. Герд (удмурт), Б. А. Васильев и М. Веткин (мари) под руководством профессора Б. М. Соколова обратили внимание на родовые знаки-тамги (тистэ) у марийцев. По их наблюдениям, родовыми тамгами помечались борти (вовши), знаки ставились на земле, принадлежащей данному роду, изгородях, лесных заготовках (бревнах, дровах, рыболовных жерлицах), лесных могилах, избах снаружи и внутри [4: 41].

[21] Вихманн Юрьё (Wichmann) (1868–1932) – финский лингвист, фольклорист.

[22] Викар Ласло (Vikar) (р. 1929) – венгерский музыковед, фольклорист.

[23] Берецки Габор (Bereczki) (1928–2012) – венгерский лингвист.

[24] См.: Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. S. 3.

[25] См.: Vikár L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest, 1989. Old. 88.

[26] См.: Munkácsi B. Volksbräuche und volksdichtung der wotjaken. Helsinki, 1952. S. 438. Текст был записан Бернатом Мункачи со слов Николая Лукьянова (1915 г. р., уроженца Самарской губернии Бугульминского уезда, д. Урсыгурт), военнопленного г. Эстергом [18: 176].

[27] См.: Курочкин С. Н. Древние вотяки на Вятке, или некоторые черты образа жизни их // Вятские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1852. № 16. С. 128.

[28] *«Подэм пус»* в переводе с удмуртского языка обозначает «тамга на бортевом улье».

[29] См.: Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3. С. 69.

[30] Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69.

[31] См.: Сорокин П. М. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. (С изображениями знаков собственности в тексте и отдельной таблицей). Вятка, 1895. Ксерокопия документов Государственного архива Кировской области // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. оп. 2-Н. Д. № 668. Л. 13об.

[32] Бух М. Указ. соч. С. 130.

[33] Бух М. Указ. соч. С. 130.

[34] Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69. В качестве доказательства Г. Е. Верещагин в Приложении к своей книге «Вотяки…» помещает образцы семейных тамговых знаков удмуртов с. Завьялово. В неизмененном виде этот рисунок мы представляем в данной работе.

[35] Петр Матвеевич Сорокин (1860–1895) работал в статистическом отделении Вятской губернской земской управы.

[36] Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 14–14об.

[37] П. М. Сорокин отличает «по говору бесермян, “понэм пус” или пас» (см.: Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 11).

[38] Сорокин П. М. Указ. соч. Л. 14.

[39] Подробнее о приемах вычислений и измерений удмуртов см.: [8: 205–216].

[40] Бух М. Указ. соч. С. 130.

[41] 1906. С. 22.

[42] Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 68–69.

[43] Интересно проследить называние процесса нанесения орнамента на предметы домашнего обихода. Например, Н. П. Лигенко выявлена информация в «Вятских губернских ведомостях» (1877) о «выписывании» кустарями узоров на бураках [14: 124].

[44] *Пас* – знак, метка, клеймо, тамга.

[45] Деятель просвещения XIX века М. И. Михайлов писал: «В долговых между собой обязательствах зыряне вовсе не знакомы с векселями и расписками…. Одолжая земляка, зырянин дает ему на память так называемый “пас” (род русской бирки), на котором делает столько нарезок, сколько одолжено рублей или пудов хлеба, и себе оставляет точно такой же “пас” для того, чтобы не было сомнения при расчете» (цит. по: [11: 77]).

[46] «Допускают, что Стефан использовал при создании своих букв зырянские знаки “тамга”, или “пасы” (от глагола “пасыны” – метить, помечать, отмечать), выдавливавшиеся на бересте, вырезавшиеся на тонких четырехугольных палочках, служивших в качестве денег, или на шестигранных палочках, представлявших собой календарь» [22: 15]. «Книг же, написанных по-зырянски изобретенными Стефаном буквами, не сохранилось; уцелели лишь отдельные записи» [22: 37]. Археолог В. В. Никитин при рассмотрении марийских тамг (*mucme*) увидел сходство со знаками древнетюркского рунического письма. На основе этого он выдвинул предположение о возможности существования у марийцев письменности на основе рунической графики [1: 56].

[47] Имеется в виду древнепермское письмо, изобретенное Стефаном Пермским в XIV веке.

[48] Автор данной работы являлся свидетелем того, как ставили т. н. «скотьи клейма» на перепонках лап домашних птиц и ушах домашних животных в виде надрезов в Граховском районе, д. Сарайкино, д. Нижние Юраши.

[49] Лоток был обнаружен автором данной статьи в деревенском амбаре д. Нижние Юраши Граховского района Удмуртской Республики. Такие лотки для муки, очевидно, изготавливались из древесины липы или березы, а также из бересты. Как известно, береста была излюбленным материалом у крестьян при изготовлении предметов домашнего обихода. Из нее удмурты делали даже игральные карты [14: 124].

[50] См.: Герд К. «Новый путь»: Художественная хрестоматия для чтения в удмуртской школе на удмуртском языке. Изд. 2-е. Ижевск: Тип. ВотоблГИЗ-а «Удкнига», 1929. С. 19, 213.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акшиков А. Новая расшифровка рунической надписи на камне, обнаруженном в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 54–58.

2. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.
3. Арматынская О. В. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 1995. С. 98–105.
4. Бахтина В. А. Восточно-финская экспедиция Б. М. Соколова // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 40–45.
5. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью Зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т. I. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. 304 с.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
7. Владыкина Т. Г. «Неочевидные очевидности» фольклорной коллекции Г. Е. Верещагина в современной исследовательской практике // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 27–37.
8. Грацианская Л. Удмуртская народная математика // Записки УдНИИ. Ижевск, 1951. Вып. XV. С. 205–219.
9. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. 239 с.
10. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. 188 с.
11. Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. 520 с.
12. Иликаев А. С. Мифы народов Башкирии: боги и герои. Уфа: Вагант, 2012. 221 с.
13. Ксенофонтов Г. В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Отв. ред. академик А. П. Окладников. М.: Наука, 1977. 247 с.
14. Лиженко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991. 176 с.
15. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб., 2002. С. 314–321.
16. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / Отв. за выпуск М. В. Гришкина. Ижевск, 1999. 390 с.
17. Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952. 174 с.
18. Мункачилэн кузьымез. Ижевск, 1983. 187 с.
19. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. 272 с.
20. Поздеев П. К. Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 116–119.
21. Савельева Э. А., Королев К. С. Вначале были пасы // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 258–259.
22. Святитель Стефан Пермский. Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». Статья, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб.: Глаголъ, 1995. 280 с.
23. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. 488 с.
24. Терюков А. Пас, тас и евреи тундры // Петербургский час пик. 2007. № 33 (499). 22–28 августа.
25. Тошто марий ой-влак / В. А. Акцорин поген, чумырен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1972. С. 87.
26. Худяков М. Г. Дорвыжы: удмуртский героический эпос / Редакция и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; Сост., предисл., перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск, 2008. 140 с.
27. Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания…) // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы: Сб. ст. Ижевск, 1986. С. 97–135.
28. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 203–204.
29. Чеснов Я. В. Проглоченное знание и этнический облик // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: Сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 169–180.
30. Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 300 с.
31. Шутова Н. И. К истории почитания Св. Николая Чудотворца в Камско-Вятском регионе // Вестник УдГУ. Вып. 1. История и Филология. 2013. С. 58–64.
32. Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. 202 с.

Kamitova A. V., Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

UDMURTS' TRADITIONAL UNDERSTANDING OF THE BOOK AND THE WRITING SYSTEM

The article discusses the problem of the Udmurts' traditional understanding of the book and the writing system. A unique typology of the plot was revealed based on the comparative analysis results of the folklore materials recorded by the researchers of the 19th century. Similar texts devoted to the issue of the book and the writing system were found in the folklore materials belonging to Chuvash, Mari, and Yakut nations. The similarity of the plots, containing the Udmurt legends, can hypothetically be explained by common historical and ethnic processes. Special attention is paid to the information on *tamga* signs. Ethnographic and folklore-historical aspects of the signs' existence were reviewed. On the basis of the conducted analysis the author came to a conclusion that at certain historical moments, which became critical in the lives of the people, the myths and legends sharing common plot-image outline could have been created. The problem in focus is not completely studied and this fact provides further opportunities for new discoveries.

Key words: book, writing system, sign, tamga, Udmurts' traditional views, Udmurt legends

REFERENCES

1. Akshikov A. A new deciphering of the runic inscriptions on stone, found in the village Yurino of Mari ASSR in 1958 [Novaya rasshifrovka runicheskoy nadpisi na kamne, obnaruzhennom v p. Yurino Mariyskoy ASSR v 1958 godu]. *Finno-ugrovedenie*. 2012. № 1. P. 54–58.
2. Aleksandrov Yu. V. *Obychnoe pravo udmurtov (XIX – nachalo XX vv.)* [Customary law of Udmurts (XIX – beginning of XX centuries)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2014. 272 p.

3. Armatynskaya O. V. Ancient signs of ownership of the Northern Udmurts [Drevnie znaki sobstvennosti severnykh udmurtov]. *Materialy issledovaniy gorodishcha Idnakar IX–XIII vv.: Sb. st.* / Ex. ed. M. G. Ivanova. Izhevsk, 1995. P. 98–105.
4. Bakhtina V. A. The Eastern Finnish expedition of B. M. Sokolov [Vostochno-finskaya ekspeditsiya B. M. Sokolova]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa: Materialy rossiysko-finskogo simpoziuma (3–4 iyunya 2001 goda)* / Ex. ed. N. V. Drannikova. Arhangelsk, Pomorskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. P. 40–45.
5. Vasil'ev S. F., Shibanov V. L. *Pod ten'yu Zerpala (diskursivnost', samosoznanie i logika istorii udmurtov)* [Under the shadow of Zerpal (discoursing, identity and the logic of the history of the Udmurts]. Vol. I. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1997. 304 p.
6. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious-mythological world-picture of the Udmurts]. Izhevsk, 1994. 384 p.
7. Vladykina T. G. "Non-obvious obviousness" folklore from the collection of G. E. Vereshchagin in modern research practice ["Neochevidnye ochevidnosti" fol'klornoy kollektsii G. E. Vereshchagina v sovremennoy issledovatel'skoy praktike]. *G. E. Vereshchagin, traditsionnaya kul'tura i prosvetitel'stvo narodov Uralo-Povolzh'ya: Sb. st.* / Comp. and ex. ed. V. M. Vanyushev. Izhevsk, 2014. P. 27–37.
8. Gratsianskaya L. Udmurt traditional mathematics [Udmurtskaya narodnaya matematika]. *Zapiski UdNII*. Izhevsk, 1951. Issue XV. P. 205–219.
9. Gribova L. S. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi* [Decorative-applied art of the peoples of Komi]. Moscow, 1980. 239 p.
10. Grishkina M. V. *Krest'yanstvo Udmurtii v XVIII veke* [The peasantry of the Udmurt Republic in the eighteenth century]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1977. 188 p.
11. *Zyryane i zyryanskiy kray v literaturnykh dokumentakh XIX veka* [Zyryans and Zyryan region in the literary documents of the nineteenth century] / Comp., vstup. st. V. A. Limerova. Syktyvkar, OOO "Izdatel'stvo "Kola", 2010. 520 p.
12. Ilikaev A. S. *Mify narodov Bashkirii: bogi i geroi* [Myths of the peoples of Bashkortostan: gods and heroes]. Ufa, Vagant Publ., 2012. 221 p.
13. Ksenofontov G. V. *Elleyada. Materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov* [Allayed. Materials on mythology and legendary history of the Yakuts] / Otv. redaktor akademik A. P. Okladnikov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 247 p.
14. Ligenko N. P. *Krest'yanskaya promyshlennost' Udmurtii v period kapitalizma (60–90-e gg. XIX v.)* [Peasant industry of Udmurtia in the period of capitalism (60 – 90s of the XIX century)]. Izhevsk, 1991. 176 p.
15. Lotman Yu. M. Canonical art as informational paradox [Kanonicheskoe iskusstvo kak informatsionnyy paradoks]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Seriya "Mir iskusstv")*. St. Petersburg, 2002. P. 314–321.
16. Luppov P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestiy o nikh do XIX veka* [Christianity in votyaks since the first historical news of them until the nineteenth century] / Otv. za vypusk M. V. Grishkina. Izhevsk, 1999. 390 p.
17. Lytkin V. I. *Drevnepermskiy yazyk. Chtenie tekstov, grammatika, slovar'* [The Old Permic script. Reading texts, grammar, dictionary]. Moscow, 1952. 174 p.
18. Мункачилэн кузьымез. Ижевск, 1983. 187 с.
19. Nurieva I. M. *Muzyka v obryadovoy kul'ture zavyatskikh udmurtov: problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya* [Music in ritual and culture Zavatsky Udmurts: problems of cultural context and traditional thinking.]. Izhevsk, 1999. 272 p.
20. Pozdeev P. K. Udmurt folklore information and materials in written sources of the XVIII century [Udmurtskie fol'kloristicheskie svedeniya i materialy v pis'mennykh istochnikakh XVIII veka]. *200 let udmurtskoy pis'mennosti*. Izhevsk, 1976. P. 116–119.
21. Savel'eva E. A., Korolev K. S. First there were the passes [Vnachale byli pasy]. *Atlas Respubliki Komi*. Moscow, 2001. P. 258–259.
22. Viatical Stephen of Perm. The series "Ancient stories of the memorable people, places and events" [Svyatitel' Stefan Permskiy. Seriya "Drevnerusskie skazaniya o dostopamyatnykh lyudyakh, mestakh i sobytiyakh". Stat'ya, tekst, perevod s drevnerusskogo, kommentarii]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 280 p.
23. Soboleva N. A. *Ocherki istorii rossiyskoy simvoliki. Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism. From Tamga symbols of state sovereignty]. Moscow, 2006. 488 p.
24. Teryukov A. Pas, tas and Jews tundra [Pas, tas i evrei tundry]. *Peterburgskiy chas pik* [Petersburg rush hour]. 2007. № 33 (499). 22–28 avgusta.
25. Тошто марий ой-влак / В. А. Акцорин поген, чумырен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1972. С. 87.
26. Khudyakov M. G. Dorvyzhy: Udmurt heroic epic [Dorvyzhy: udmurtskiy geroicheskiy epos]. / Redaktsiya i kommentarii V. M. Vanyusheva i D. A. Yashina; Sostavlenie, predislovie, perevod na udm. yaz. V. M. Vanyusheva. Izhevsk, 2008. 140 p.
27. Khudyakov M. G. The song of Udmurt heroes [Pesn' ob udmurtskikh batyrakh (Iz narodnogo eposa udmurtov. Pesni, skazaniya…)]. *Problemy epicheskikh traditsiy udmurtskogo fol'klora i literatury: Sb. st.* Izhevsk, 1986. P. 97–135.
28. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 203–204.
29. Chesnov Ya. V. Swallowed knowledge and ethnic look [Proglochennoe znanie i etnicheskiy oblik]. *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury: Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad, 1990. P. 169–180.
30. Shklyaev G. K. *Ocherki etnicheskoy psikhologii udmurtov* [Essays on psychology of ethnic Udmurts]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN Publ., 2003. 300 p.
31. Shutova N. I. The history of the veneration of the Saint. Nicholas in the Kama-Vyatka region [K istorii pochitaniya Sv. Nikolaya Chudotvortsa v Kamsko-Vyatskom regione]. *Vestnik UdGU*. Vyp.1. Istoriya i Filologiya. 2013. P. 58–64.
32. Yakhtanigov Kh. *Severokavkazskie tamgi* [North Caucasian Tamga]. Nalchik, 1993. 202 p.

Поступила в редакцию 24.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 64–72 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.511.1’373+81’33

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ И СААМСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ*

Представлен анализ ономастических единиц, являющихся ярким показателем присутствия на территории Карелии прибалтийско-финского, саамского населения. Такие именования фигурируют в памятниках деловой письменности Карелии донационального периода. Они обозначены формальными (фонетическими, структурными) и прочими иноэтническими маркерами. Объясняется причина, обусловившая незначительный процент функционирования таких именований в региональных документах и послужившая поводом их высокой графической вариативности. Показана специфичность взаимодействия прибалтийско-финского имени с русской антропонимической системой, нашедшая отражение в появлении гибридных моделей и формул номинации лиц, в закономерности использования и трансформации календарного русифицированного ономастикона в неславянском социуме. Высказаны предположения о возможности употребления онимов с прибалтийско-финскими маркерами русским и финно-угорским этносами. Представлен ареальный аспект в исследовании данных единиц.

Ключевые слова: историческая антропонимия, прибалтийско-финские именования, региональный ономастикон

Прибалтийско-финские, саамские антропонимы являются хоть и специфической, но неотъемлемой частью ономастической системы Руси как донационального периода, так и более поздних временных отрезков. Исследователи регистрируют их в ономастиконах территорий, издревле связанных с финно-угорскими народами. Отмечены примеры функционирования именований лиц, как то: *Гымуй, Гювии, Новзей, Селюев* и под., – в новгородских берестяных грамотах (см. [11], [12], [19], [20], [24], [26], [27], [28], [31], [32]), в документах Карелии XV–XVII веков (см. [6], [7], [8], [9], [22], [30]), фиксируются антропонимы в основах посессивных ойконимов Карелии и территорий, сопредельных с ней, ср.: *Вихтово, Кеврола, Кавкола, Karhil, Rahkoil, Cagil* и под. (см. [2], [3], [4], [5], [10], [13], [14], [15], [16], [17], [21], [23], [25]).

В работах, в которых финно-угорское имя – основной или второстепенный объект исследования, решаются по преимуществу ономастические или этимологические задачи, а именно: выявляется репертуар прибалтийско-финских антропонимов, обсуждается их внутренняя форма, реже мотив именования, место таких именований в ономастической системе региона. Этнокультурные, антропоцентрические парадигмы в исследовании таких именований рассматриваются эпизодически.

Цель данной статьи – дать комплексное описание прибалтийско-финских именований, функционирующих в документах XV–XVII веков официально-делового и частно-делового характера, относящихся к территории Карелии. Для этого из письменных источников вычленены антропонимы (прозвища, личные имена, патронимы) и посессивные ойконимы, в которых имеются отличительные прибалтийско-финские приметы.

Всего к анализу привлечено более 700 единиц номинации на более чем 1800 употреблений. В процентном отношении в ономастической системе региона – это примерно 2,5 % от общего количества именований, представляющих ономастикон Карелии указанного времени. Такие именования отличают на славянском некалендарном и календарном фоне формальные показатели заимствования или генезис основы. Формальными показателями являются: 1) *фонетический маркер* – сочетание звуков, нехарактерных для русской звуковой системы, переданных в текстах документов графически: *кк, лл, тт, нн, рр, вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя* и др., ср. примеры, представленные в исследуемых памятниках письменности, – Ва*кк*уй, Пе*лл*юй, Гу*тт*оев, На*нн*уев, Те*рр*уев, Ка*вг*уев, То*вк*ой, Пу*гп*уев, Вил*г*унов, Ли*мб*ака, Ру*мп*ин, Ке*мк*уй, Ке*нг*уй, Ко*нж*оев, Ре*нт*юев, Ка*рг*уев, Ти*рл*илев, Ла*хк*уев, *Ге*бяпяев, *Ги*мой, *Гю*ев, *Гя*жин, *Ке*люев, *Ки*чуев, *Кю*рзов, *Кя*лкеев, *Хи*доев и под.; 2) *структурный маркер* – формант *-уй* (*-ой*, *-ей*, *-ий*), отмеченный в составе имени, патронима или посессива (см. примеры, приведенные выше).

По характеру основы отобранные для анализа онимы можно разделить на две группы.

1) Имена собственные, имеющие прибалтийско-финскую или саамскую апеллятивную основу, ср.: Гриша *Мянда,* 1563[1] (ПКОП, 162) и карел.

© Кюршунова И. А., 2016

mändü, фин. *mänty*, эст. *mänd* ‘сосна’ (Фасмер, 3, 30); Василий Родионов сын *Кеттуева*, данная, 1571[2] (АСМ, 235) и фин. *kettu* ‘лиса’ или переносные карел. *kettu* ‘плёнка’, ‘кожура’, ‘кожа, наружный покров тела’ [10: 226]; пустошь, что была деревня *Корвачово* на реке на Олонце, 1616–1619 (гос.)[3] (Чернякова, Л. 53 об.) и ливв. *korvačči* ‘проушина’, люд. *korvatš* ‘одна из подпор вокруг стога или скирды’, при саам. кольск. *koarv* ‘кол с развилкой для опоры’, а также карел. *korvakko* ‘подпора с развилкой на конце, подпирающая кладку сена или костер дров’ [18: 363]; можно также увидеть связь с карел., фин. *korva*, вепс. *korv* ‘ухо’ (СОС, 103). Условно назовем такие именования *иноэтническими*. Несмотря на то что они структурно оформлены и изменяются по русской грамматической модели, то есть в их структуре выделяются русские патронимные и посессивные форманты, – их основным показателем принадлежности к неславянскому ономастикону является генезис апеллятивной основы (*этимологический маркер*).

2) Во вторую группу включаем имена собственные, которые, пользуясь терминологией А. И. Попова, назовем *карелизированными* [19: 58]. Они образованы от календарных русифицированных антропонимов. В их структуре обычно выделяются форманты *-уй, -ой* и их варианты с присоединением патронимных и посессивных компонентов: *Минкуй* Кузьмин, Ровдужский, 1568[4] (ПКВП, 162), Минк*уй* ← Минька ← Михаил или Мина; *Мартой* Сергиев, Оштинский, 1563 (ПКОП, 226), Март*ой* ← Мартын; дер. на низу Олонца словет *Антуева*, 1563 (ПКОП, 69), Ант*уев* ← *Ант*уй* ← Андрей, Антон или Антип и под.; Гришка *Вансюев*, 1568 (ПКВП, 82), Ванс*юев* ← *Ванс*юй* ← Василий или Иван; дер. на усть Свери словет *Артоевское*, 1563 (ПКОП, 227), Арт*оев*ское ← *Арт*оев* ←Арт*ой* ← Артемий; Юшко *Есоев*, 1597[5] (ДКЛП, 196), Е*соев* ← *Е*сой* ← Иосиф или Ефим; дер. *Ларюевская* за болотом, 1582/83 (КЗПОП, 92), Лар*юев*ская ← *Лар*юев* ← Ларюй ← Ларион; дер. *Прокуево*, 1563 (ПКОП, 110), Прок*уево* ← Прок*уй* ← Прокопий; дер. *Теркоево*, 1582–1583[6] (КЗПОП, 74), Терк*оево* ← Терк*ой* ← Терентий и под.

Количественно антропонимы, имеющие прибалтийско-финскую апеллятивную базу, преобладают над карелизированными (600 к 100). Вероятно, новгородские и московские документоведы прошлого, чувствуя календарную основу представленной номинации, по своему желанию изменяли христианское карелизированное имя на русифицированный образец.

Обращает на себя внимание «распределение» именований с прибалтийско-финскими маркерами по антропонимическим группам. Наибольшее число прибалтийско-финских именований фиксируется в основах посессивных ойконимов (921), далее патронимов (703), затем именований, выполнявших роль прозвища (158), меньше всего зарегистрировано личных имен, восходящих к карелизированным календарным именам (16). Налицо расхождение показателей: есть патронимы и ойконимы, но базовых онимов (личных имен и прозвищ) намного меньше. Так, календарных имен в составе патронимов в 4,5 раза больше, а в составе ойконимов – в 6,5 раза. Такая неровная статистика в отношении личных имен еще раз служит подтверждением предположения о роли писцов в искажении фактов номинации лица.

Именованиям с неславянской основой характерна высокая вариативность чаще всего на структурном уровне, которая обусловлена трансформацией антропонима в тексте документа, составлявшегося русским писцом, ср. с примерами, приведенными в таблице.

Примеры отражения вариативности онимов
(по данным памятников письменности Карелии)

Деревня Стогова *Батоева* на Путкоозере, Шуньгский, 1582–1583 (КЗПОП, 182)	Деревня Стогова *Батуева* да на Путко озере, Шуньгский, 1616–1619 (гос.) (Чернякова, Л. 153 об.)
Дер. Пипиево словет *Варгоевская*: в ней Митя Павлов, в ней Третьячко Павлов, Вытегорский, 1563 (ПКОП, 205)	да деревня Пипуева *Варгуева*, Микитки Павлова, Вытегорский, 1616–1619 (мон.)[7] (Чернякова, Л. 465)
Клиш Степанов *Гемечов*, Толвуйский, 1563 (ПКОП, 137)	Клишко Степанов *Гемячов*, Толвуйский, 1563 (ПКОП, 137)
Кирьяк Семенов сын *Гирмоев*, прозвище Русин, купчая, 1585[8] (Гейман, 288)	Русин Семенов сын *Гирмуев*, купчая, 1588 (Гейман, 302)
Деревня *Кайбышево* у Валгома озера, Шуньгский, 1582–1582 (КЗПОП, 187)	ДРВ *Кайбушева* у Валгума озера, Шуньгский, 1616–1619 (гос.) (Чернякова, Л. 117)
Иванко Павлов *Кильмячев*, Панозерский, 1597 (ДКЛП, 217)	место Иванка Павлова сына *Кюлмячева*, 1598[9] (ДКШВ, 238)
Деревня *Ленбачева*, Шуйский, 1582–1583 (КЗПОП, 136)	ДРВ *Лембачева* на реке на Шуе, Шуйский, 1616–1619 (мон.) (Чернякова, Л. 104)
Федор Филипов сын *Шега*, купчая, 1578 (Гейман, 262)	Федор Фефилов сыг *Шога*, подужемец, купчая, 1588 (Гейман, 302)
непашенный бобыль Иванко Остафьев *Хид*, отводная сотная выпись, 1556 (Гейман, 183)	Иван Остафьев сын *Хедой*, Соловецкого монастыря крестьянин, разъезжая запись, 1558 (Гейман, 187) и т. д.

Писцы являлись «авторами» не только таких вариаций, но и создателями гибридных структурных моделей именования лица, когда в именовании одного человека соединялись сразу календарное русифицированное имя и соответствовавший ему карелизированный вариант, ср.: *Семен* Фомин сын *Семкуй*, кемлянин, купчая, 1579 (АСМ, 135), где очевидна связь антропонимов Семен и Семкуй (← Семка + -уй ← Семен). Возможно, с данным примером связаны следующие иллюстрации: Васко Вачюй, п. Шуньгский, 1496 (ПКОП, 5): где Вачюй ← Вася + -уй ← Василий и, может быть, Микифорец Мичюй, Олонецкий, 1563 (ПКОП, 68), хотя Мичуй уместнее связать с Митя (от Дмитрий).

Таким образом, неславянские имена собственные на общем фоне ономастикона Карелии XV–XVII веков, являющегося по преимуществу русифицированным календарным или славянским по апеллятивной базе, – яркая характеристика присутствия на данной территории финно-угорского населения, именно оно является носителем антропонимов с формальными и иноэтническими прибалтийско-финскими маркерами. Не исключается, что такие именования употреблялись и в национально-смешанных семьях, в среде билингвов.

Очень сложно по имеющимся материалам, представленным в деловой письменности Карелии, дать точную этническую характеристику социуму региона. Указания на отношение к определенному этносу (лопин, корелянин) единичны, ср.: след Карпинской *лопина* да сына его Матюшки… след Ивашка Койвупя *лопина*, Ругозерский, 1597 (ДКЛП, 208), след Ивашка Безимянново *лопина* (там же, 208), Осташко *лопин* (там же, 207), Олфуи *корелянине*, закладная, 1459–1470 (Гейман, 109), Да оне же *кореляне* Юшко Климпуев с товарыщи живут на Олонце, челобитная, Олонец, 1668[10] (Мюллер, 191), Суботка *корелянин* живет у Иванка же, Панозерский, 1597 (ДКЛП, 217) и др. Причем через указание *корелянин* идентифицировали и жителей Корелы, бежавших от шведской интервенции.

Без сомнения, невысокие статистические показатели, приведенные по неславянским именованиям ранее (2,5 %), нельзя напрямую соотносить с численностью неславянского населения края: карелов, вепсов, финнов, саамов было значительно больше, нежели то количество, которое отражено в документах.

К указанному периоду произошел ряд лингвистических и экстралингвистических явлений. Безусловно, сказались длительные отношения коренных жителей региона с русским населением Карелии, а также Новгорода, Пскова. Славянское миссионерство послужило причиной не только принятия христианства, но и включения в ономастикон карелов, вепсов, финнов, саамов карелизированных календарных личных имен.

В результате взаимодействия различных стихий в системе именований лиц региона появились гибридные структуры, совмещающие антропонимические единицы разного генезиса. Представим примеры двухкомпонентных моделей именования, построенных по разнообразным формулам[11]:

$К_{-уй(-ой)}$ + $К_{-ов, -ев, -ин}$: Артуйко Устинов, п. Оятский, 1563 (ПКОП, 244); Мелойко Кондратов, п. Вытегорский, 1563 (там же, 207); Минкуй Кузьмин, п. Ровдужский, 1568 (ПКВП, 162);

$К_{-прф}$ + $К_{-уев}$: Юшко Климпуев, челобитная, Олонец, 1668 [Мюллер, 191]; Матико (да Фомка) Левшуевы, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];

К + $К_{-уев}$: Якуш Микуев, п. Ролдужский, 1539 [ПКВП, 33]; непашенной бобыль Исачко Лахкуев, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 107]; Кирилка Демуев, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];

К + $Пр_{-прф}$: Иванко Гойкула, п. Городенский, 1568 (ПКВП, 91); Васюк Кережа, п. Оятский, 1563 (ПКОП, 243); Ивашко Керчюй, п. Оштинский, 1496 (ПКОП, 35), Ивашка Койвупя, лопин, Ругозерский, 1597 (ДКЛП, 208);

$Пр_{-прф}$ + $К_{-уев(-ев, -ин)}$: Алкой Артуев, п. Никольский в Ярославичах, 1563 (ПКОП 252); Лулак Лукин, п. Андомский, 1563 (там же, 200); Кюрша Васильев, п. Шуньгский, 1563 (там же, 152);

$Пр_{-прф}$ + $Н_{-ов, -ев}$: Кубас Кошелев, п. Вытегорский, 1616/19 (мон.) (Чернякова, Л. 463);

Н + $ПРФ_{-ов}$: Нечайко Юшков, п. Мегрежский, 1582 (КЗПОП, 286);

Н + $Пр_{-прф}$: Истомки Речкуя, п. Шуезерский, 1597 (ДКЛП, 212) и т. д.

Прибалтийско-финские антропонимы придают разнообразие и другим моделям именования, являясь доказательством сложных этнических переплетений, ср.: *Гавшуй Кузмин Глухой*, п. Остречинский, 1563 (ПКОП, 111), где соединились календарное имя с маркером *-уй*, патроним на *-ин* от календарного имени и отапеллятивное прозвище, имеющее исконно славянскую основу, что соответствует формуле $К_{уй(-ой)}$ + $К_{ин}$ + Пр; для структурного именования *Ушаш Федоров Пекуев,* п. Шуньгский, 1563 (там же, 153) строится следующая формула Н + $К_{ов}$ + $К_{уев}$ = некалендарное личное имя соединяется с патронимом от календарного имени и фамильным прозванием от карелизированного календарного имени. Еще большее количество разносистемных ономастических компонентов выделяется в структуре многокомпонентного именования *Кирьяк Семенов сын Гирмоев, прозвище Русин*, купчая, 1585 (Гейман, 288) = К + $К_{ов}$(сын) + $ПРФ_{-оев}$ + (прозвище) Пр. и т. д. Их количество перекрывает единичность «чистых» прибалтийско-финских структурных моделей именований, типа однокомпонентного *Кившюй*, Ролдужский, 1539 (ПКВП, 33) или двухкомпонентного *Кивал Тоивод*, данная, XV века (Гейман, 120), где соединились только неславянские единицы.

Безусловно, переплетение этносов, отразившееся в антропонимической системе, начинается на апеллятивном уровне. Так, в основах прозвищ фиксируется около 30 прибалтийско-финских, саамских апеллятивов, принятых в систему русского языка и сохранившихся, например, в русских говорах Карелии и в памятниках письменности. Ср.: в основе прозвища *Алажма* – Федор

Власов сын *Алажма*, Выгозерский, Сумская вол., 1582/83 [КЗПОП, 204] – отмечен апеллятив *алажма* ‘печь, устанавливаемая на лодке’ белом. (СРГК, 1, 18), арх. (СРНГ, 1, 229), связанный с карел., фин. *alus* ‘основа’, ‘подкладка’, ‘подставка’ (СКЯ, Ливв., 20; ФРС, 33), вепс. *aluz* ‘то же’ (Зайцева, Муллонен, 2007, 299). Подобным образом антропоним *Карбас* – Иванковский след *Карбаса*, п. Важинский, 1563 (ПКОП, 97) – восходит к широко известному современным говорам с древнерусского периода слову *карбасъ* – ‘гребное парусное судно’ (СлРЯ XI–XVII, 7, 76), белом., карг., кем., медв., онеж., плес., тер., севмор. и др. (СРГК, 2, 328), заимствованное из вепс. *karbaz*, фин. *karvas* (Фасмер, 2, 95). Отапеллятивное прозвище *Тинда* – Филип Степанов сын *Тинда*, Сумская вол., 1569, отпись (АСМ, 231) – также известно по данным Таможенных книг Соловецкого монастыря с древнерусского периода, где *тинда* – ‘род рыбы’ (Срезневский, 3, 960). Заимствовано из саам. тер. *tinda*, фин. *tinttu* (Фасмер, 4, 59). Сохранилось в современных арх., кем., канд. говорах (СРГК, 6, 460).

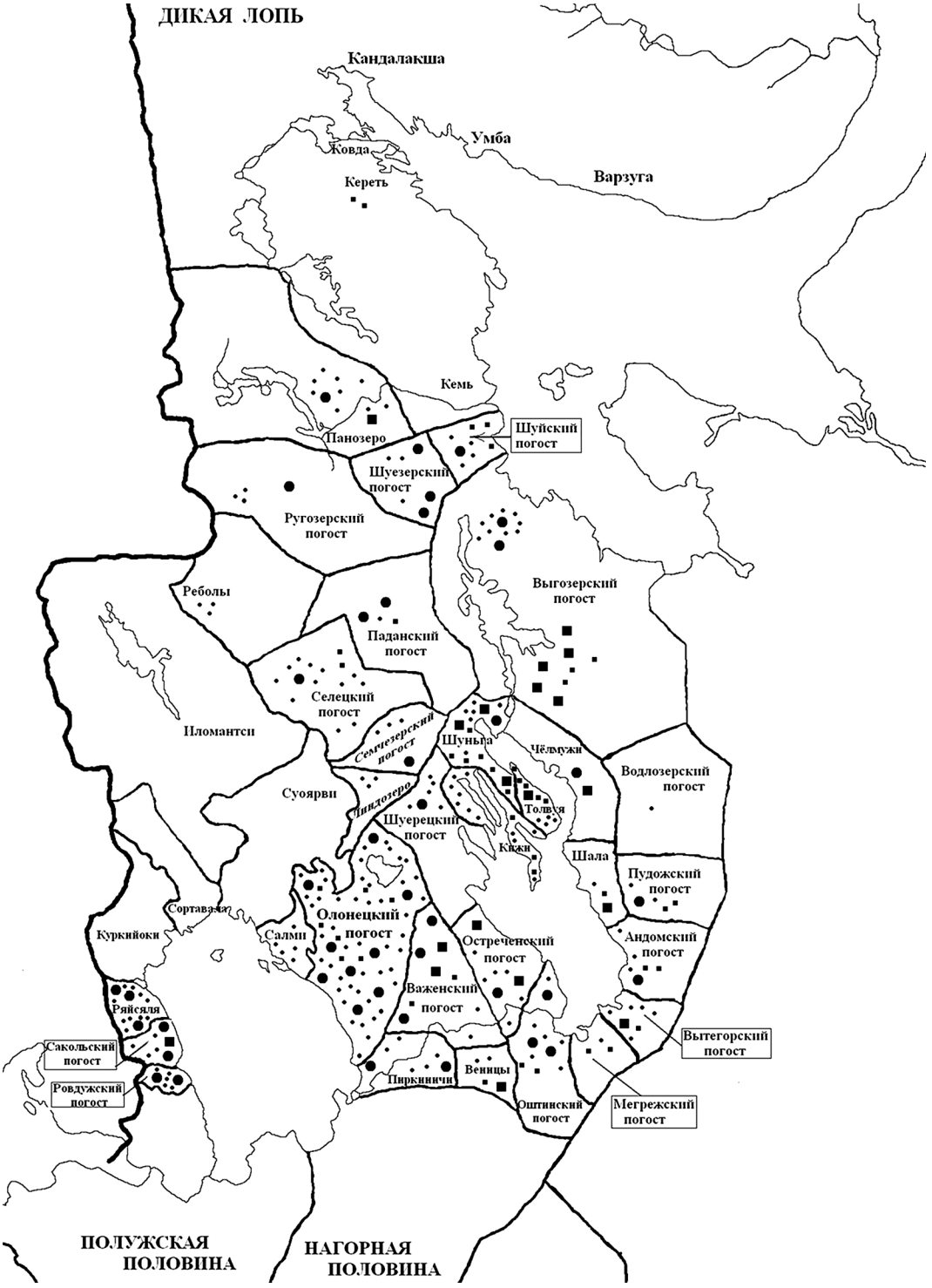
Именования, подобные рассмотренным, достояние как русской, так и прибалтийско-финской антропонимической системы. В функциональном плане они сближаются с прозвищами, имеющими славянскую или прибалтийско-финскую основу. Предполагаем, что процесс онимизации апеллятива происходил в среде билингвов, в национально-смешанных семьях. В плане адаптации эта группа антропонимов противостоит собственным именам, которые восходят к апеллятивам, не вошедшим в русский лексикон. Следующие примеры отражают данное явление: Тимошка Григорьев *Гютюев*, п. Шуньгский, 1563 (ПКОП, 153); Гришка Иванов *Гангопя*, п. Олонецкий, 1563 (там же, 60); Семенко *Гимой*, п. Оштинский, 1563 (там же, 233); Иванко *Игалов*, лопарь, п. Панозерский, 1597 (ДКЛП, 214) и т. д. Выделенные курсивом антропонимы восходят к прибалтийско-финским апеллятивным материалам: *hyytiä* ‘филин’ [17: 139; 16: 156], *haǧgo* ‘вилы’ + *pää* ‘голова, конец’ [10: 223]; карел. *himo* ‘желание, страсть’, обычно ‘прихоти (при беременности)’ (СКЯ, Ливв., 69), ‘желание, охота’ (КРС, 29); фин. *iha* ‘довольный’, эст. *iha* ‘влечение, желание’ [20: 98], [24: 257]. Всего 109 подобных примеров. Мало вероятности, что такие имена носили русские. Поле функционирования этих антропонимов – финно-угорский социум Карелии (карелы, вепсы, саамы). Следовательно, статус таких номинаций не только прозвища, но и, возможно, личные имена, как *Игала*, *Гымуй*, *Гювии*, *Новзей*, известные с древности, сохранившиеся в письменных источниках Карелии исследуемого периода, а также зафиксированные в новгородских берестяных грамотах и этимологизированные А. И. Поповым [20], Е. А. Хелимским [24], А. А. Зализняком [1] и др.

Для завершения картины необходимо представить не имеющие большого распространения явления. Одно из них обусловлено тем, что иногда исконно русское слово, попадая в неславянскую среду, претерпевало фонетические преобразования и в измененном виде фиксировалось в русском ономастиконе. Ср. патроним *Лузекин* (*Лузикин*): Ондрей *Лузекин*, Кереть, грамота, 1542 (Гейман, 143); Григорей Ондреев сын *Лузикина*, Варзуга, данная, 1565/66 (АСМ, 188); Санька *Лузикин*, 1598 (ДКШВ, 240). Неоспорим факт, что основа патронима связана с карел. *luzikka*, *luzikku*, фин. *lusikka*, вепс. *lužik* и, возможно, поздним саам. *luške* ‘ложка’ (СВЯ, 303; Фасмер: 2: 530; СОС: 262). В таком виде слово отмечено в современных русских говорах: *лу́зик* волх., лод., тихв. (СРГК, 3, 156), новг., яросл. (Фасмер: 2: 530 со ссылкой на Даля и Волоцкого). Но в финно-угорские языки попало именно из русского языка.

Другое явление связано с тем, что антропонимы из исконно русского именника подвергались структурным преобразованиям под влиянием карельской ономастической системы. Так, выделенные курсивом компоненты: пуст. Федковская *Рябуева* на Курзаксе, п. Андомский, 1582/83 (КЗПОП, 247); Михалко Семенов сын *Любуев*, г. Корела, 1568 (ПКВП, 67) – восходят к прозвищу с русской основой *Рябой* и некалендарному личному имени *Любим*. Возможно, такой процесс происходит под действием аналогии, когда близко находятся единицы, построенные по одной структуре. Ср. в тексте документа антропоним *Кожеев* с предполагаемой русской основой стоит в одном ряду с прибалтийско-финскими именованиями на -уев: *договорилися мы полюбовно Керецкие волости со старостою с Романом Ильиным Куккоевым и с мирскими людьми: с Осифом Ригоевым, с Корнилом с Кожеевым, с Федором Пайкачевым* (Керецкая вол., запись, 1694) (Мюллер, 353). Примеры подобного типа немногочисленны: дер. *Мазоева*, п. Сакульский, 1568 (ПКВП, 142), Сенка Онисимов *Пузуев*, п. Оштинский, 1582/83 (КЗПОП, 315), Васюк *Пузуев*, Остречинский, 1563 (ПКОП, 111), дер. *Пяткуево* на Олонце, 1582/83 (КЗПОП, 46). Не исключено, что в некоторых случаях мог видоизмениться антропоним и совпасть с основой исконно русского имени. Так, патроним *Нечуев* – Пантелейко *Нечюев*, п. Шуньгский, 1496 (ПКОП, 5) – с одной стороны, можно связать с некалендарным именем *Нечай*, с другой – с карельским словом *neičoi*, *neičyt* ‘девица, девушка’ (СКЯ, Ливв., 224).

Примеров, которые отражают неадаптированные русским языком апеллятивы в основах антропонимов, более чем в 2 раза больше среди прозвищ и более чем в 3 раза больше среди патронимов, нежели таких, которые стали элементами русской лексической системы. Область их распространения неровная (см. карту 1[12]). Анализ ареала показывает, что 1) антропонимы с освоенными русским языком апеллятивами единичны в Лопских погостах, отсутствуют на Карельском перешейке, что дает возможность характеризовать эту зону как преимущественно неславянскую; 2) единичные фиксации в Водлозерском погосте, возможно, свидетельствуют о сильном славянском влиянии; 3) достаточно плотное прибалтийско-финское антропонимическое «покрытие» Шуньгского, Толвуйского погостов еще раз под-

утверждает, что данный ареал – особое переплетение языков, культур, отраженное в различных фактах (не только ономастических); 4) преимущественная фиксация прибалтийско-финской основы у патронимов наблюдается практически по всем погостам. Следовательно, прозвищная и именная база была более мощной, чем это представлено в текстах исследуемых документов.



Карта 1. Распространение антропонимов с прибалтийско-финскими основами

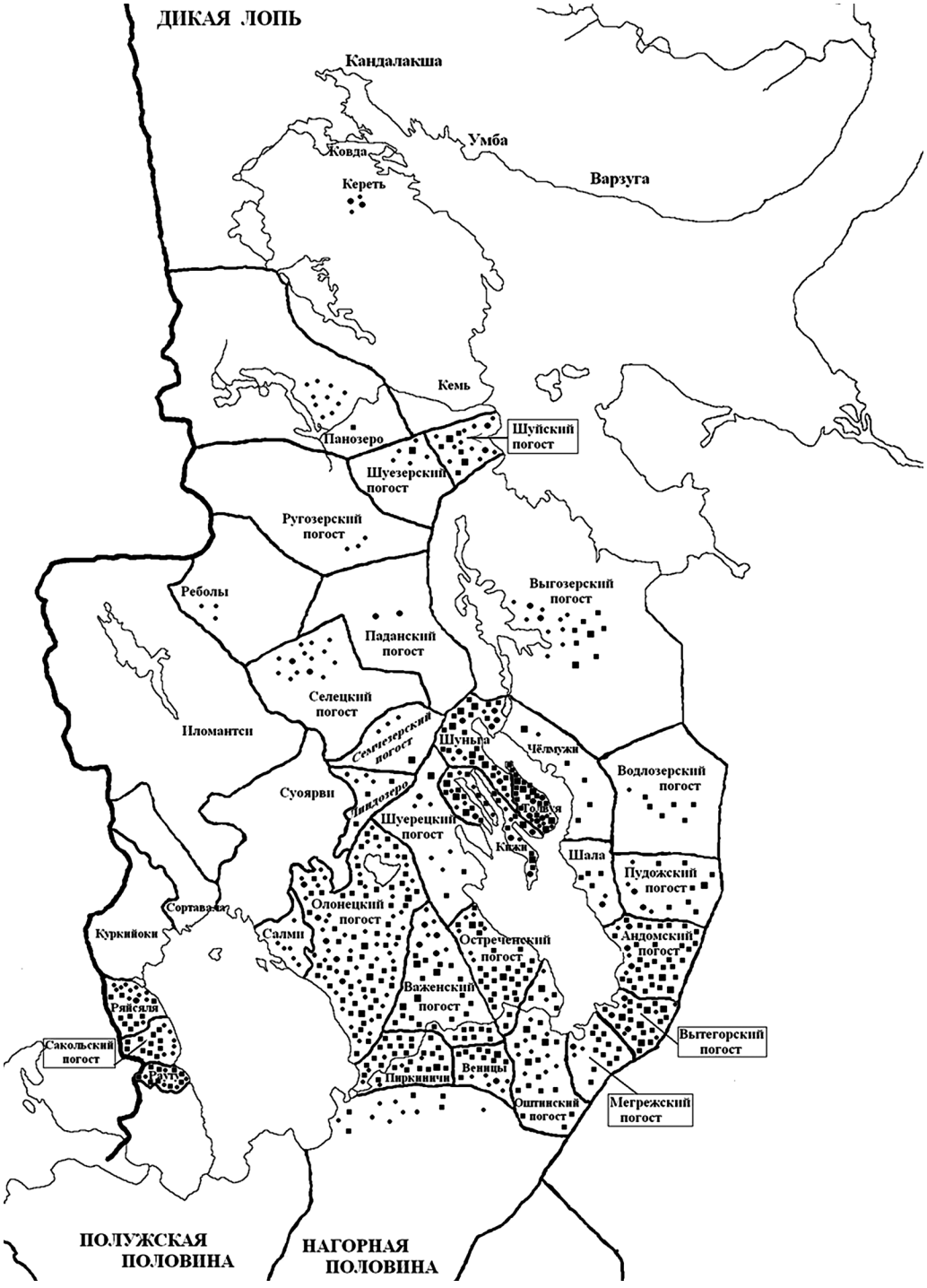
● – освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах

● – освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

■ – не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах и личных именах

■ – не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

В целом ареал распространения антропонимических единиц, представленных на карте 1, совпадает с областью фиксации патронимов и посессивных патронимов (см. карту 2), имеющих различные прибалтийско-финские маркеры. Сопоставление карт показывает, что патронимов и топонимов с прибалтийско-финскими показателями еще больше, нежели самих единиц, к которым они восходят. Крайне редкая фиксация посессивных ойконимов в отдельных регионах Карелии могла свидетельствовать о функционировании там другой номинативной модели.



Карта 2. Распространение патронимов и посессивных ойконимов с прибалтийско-финскими маркерами

● – фиксация патронимов с основой, освоенной русским языком

● – фиксация патронимов с основой, не освоенной русским языком

■ – фиксация посессивных ойконимов с основой, освоенной русским языком

■ – фиксация посессивных ойконимов, не освоенных русским языком

Подведем итоги. Прибалтийско-финские именования, зафиксированные в деловой письменности Карелии XV–XVII веков, – составное звено регионального ономастикона, которое, несмотря на неполноту представления, обусловленную экстралингвистическими причинами, создает особый колорит именнику через проникновение в неславянский социум календарных русифицированных имен, через соединение в структуре номинации лица единиц с различным структурным и базовым генезисом, образующих различные гибридные модели именования человека. Контаминация именников наиболее четко проявляется на территориях, где происходили многовековые этнические переплетения, позволившие лексемам адаптироваться в языковой системе региона и, как следствие, найти отражение в ономастике.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

Зайцева, Муллонен, 2007 – Новый русско-вепсский словарь = Uz'venä-vepsläine vajehnik / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. Петрозаводск: Периодика, 2007. 520 с.
СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 747 с.
СКЯ, Ливв. – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И. В. Сало и Ю. С. Елисеева; Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 404 с.
СОС – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 1. 306 с.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
ФРС – Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. М.: Рус. язык, 1999. 816 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза Сов. Соц. Респ., Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (В статье в круглых скобках указано ПКОП, через запятую – страница источника.)

[2] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого мон. 1479–1571 гг. / АН СССР, Институт истории СССР, Ленингр. отд-ние. Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с. (В статье в круглых скобках указано АСМ, через запятую – страница источника.)

[3] Чернякова И. А. Ред. [Рукопись]. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. («дворцовые» земли). Л. 452–504 // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (далее ИЛМИК) ПетрГУ. (В статье в круглых скобках указано Чернякова, через запятую – страница источника.)

[4] Писцовые книги Водской пятины 1539 г., 1568 г. // История Карелии в XV–XVI вв.: Сборник документов. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19–178. (В статье в круглых скобках указано ПКВП, через запятую – страница источника.)

[5] Дозорная книга Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 186–233. (В статье в круглых скобках указано ДКЛП, через запятую – страница источника.)

[6] Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341. (В статье в круглых скобках указано КЗПОП, через запятую – страница источника.)

[7] Чернякова И. А. Ред. [Рукопись]. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. (поместные и митрополичьи земли). Л. 309–312 об. // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (далее ИЛМИК) ПетрГУ. (В статье в круглых скобках указано Чернякова, через запятую – страница источника.)

[8] Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / Под. ред. В. Г. Гейман. Петрозаводск, 1941. 440 с. (В статье в круглых скобках указано Гейман, через запятую – страница источника.)

[9] Дозорная книга Шуерецкой волости // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 234–254.

[10] Карелия в XVII веке / Сост. Р. Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. 443 с.

[11] К – календарное имя; Н – некалендарное имя; Пр – прозвище; ПРФ – прибалтийско-финский антропоним; данные единицы в формуле сопровождаются патронимными индексами и индексами, указывающими на наличие прочих прибалтийско-финских маркеров.

[12] К сожалению, нет возможности привязать явление к конкретному населенному пункту, указывается только погост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
2. Кабинина Н. В. Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Мезенского района Архангельской области // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 112–114.
3. Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 227 с.
4. Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. Очерки топонимики. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991. 153 с.
5. Кузнецов А. В. Заметки о топонимах южного Прионежья // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/vyt/egr/a2/index.htm (дата обращения 02.06.2016).

6. Кюршунова И. А. Антропонимы с прибалтийско-финскими основами (по данным памятников письменности Карелии) // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1997. С. 138–145.
7. Кюршунова И. А. «Свое» и «чужое» в антропонимической системе XV–XVII вв. //«Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 3-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2001. С. 118–121.
8. Кюршунова И. А. Отношения прибалтийско-финских и саамских личных имен к славянским в антропонимии Карелии XV–XVII вв. // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): Сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. (13–14 сентября 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 180–189.
9. Кюршунова И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014 (11). № 2.
10. Мамонтова Н. Н. Карельская и вепсская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. С. 221–228.
11. Мещерский Н. А. Новгородские берестяные грамоты как источник изучения прибалтийско-финских языков // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии 26–30 июня 1961 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1961. С. 99–101.
12. Мещерский Н. А. Новгородские грамоты на бересте как источник для исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л.: Наука, 1964. С. 193–204.
13. Муллонен И. И. О вепсской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. 1988. № 4. С. 271–282.
14. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
15. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.
16. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 241 с.
17. Муллонен И. И. [Рец. на:] Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 137–142.
18. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
19. Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 48–66.
20. Попов А. И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Прибалтийско-финское языкознание. Тр. Карел. фил. Акад. наук СССР / Ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1958. Вып. 12. С. 95–100.
21. Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. Вып. 8. С. 136–148.
22. Соболев А. И. Вепсские имена жителей и названия деревень Андомского погоста в XVI веке // Природные и культурные ландшафты: проблемы экологии и устойчивого развития: Материалы обществ.-науч. конф. с междунар. участием. Ч. 2. Статьи и тезисы. Псков, 2002. С. 120–122.
23. Соболев А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2010. С. 185–252.
24. Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.
25. Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. Населенные пункты. Вологда: Изд-во ИПК и ППК, 1993. С. 83–84.
26. Шилов А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 145–158.
27. Шилов А. Л. Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб., 2005. С. 298–325.
28. Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.
29. Шилов А. Л. Откуда Вы, любезнейший Колмак? // Русская речь. 2008. № 1. С. 82–85.
30. Kuzmin D. Karjalan asutushistoria nimistön valossa (История заселения Беломорской Карелии в свете топонимии): монография. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 p.
31. Laakso Johanna. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä. Virittäjä, 4. 1999. P. 531–555.
32. Saarikivi Janne Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BALTIC-FINNISH AND SAMI NAMINGS AS COMPONENTS OF REGIONAL ANTHROPONYMIC SYSTEM (ACCORDING TO THE XV–XVII CENTURIES' MATERIALS OF WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA)

The analysis of onomastic units is presented in the article. Existence of such onomastic units speaks of the presence of the Baltic-Finnish and Sami population in Karelia. Such namings appear in business written monuments of the pre-national period of Karelia. They are marked by formal (phonetic, structural) and genetic markers. The reason conditioning a rather low percentage of such namings' circulation in the regional documents is explained. The specificity of interaction of the Baltic-Finnish names with the Russian anthroponymic system is described. Such interaction found its reflection in the emergence of multiple hybrid models and formulas for persons' nomination and in the regularity of using and transforming the Russified "onomasticon" of the non-Slavic society. It is supposed that there is a possibility of using "onyms" with Baltic-Finnish markers by Russian and Ugro-Finnish ethnic groups. The areal aspect of the research of these units is presented.

Key words: regional historical anthroponymy, Baltic-Finnish namings

REFERENCES

1. Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 872 p.
2. Kabinina N. V. The anthroponyms of Finno-Ugric origin in the toponymy of the Mezen district of the Arkhangelsk region [Antroponimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v toponimii Mezenskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti]. *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 20–23 sentyabrya 2005 g.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2005. P. 112–114.

3. Karlova O. L. *-L-ovaya model' v toponimii Karelii: Dis. ... kand. filol. nauk* [L-type model in the toponymy of Karelia Republic: Dis. … candidate. filol. science]. Petrozavodsk, 2004. 227 c.
4. Kuznetsov A. V. *Yazyk zemli Vologodskoy. Ocherki toponimiki* [The language of the Vologda land. Essays on place names]. Arhangelsk, Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1991. 153 c.
5. Kuznetsov A. V. Notes on the place names of South prionia [Zametki o toponimakh yuzhnogo Prionezh'ya]. *Vytegra: Kraevedcheskiy al'manakh.* Vyp. 2. Vologda, Legiya Publ., 2000. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/vyt/egr/a2/index.htm (accessed 02.06.2016).
6. Kyurshunova I. A. The anthroponyms with the Baltic-Finnish foundations (according to written monuments of Karelia) [Antroponimy s pribaltiysko-finskimi osnovami (po dannym pamyatnikov pis'mennosti Karelii)]. *Fol'klornaya kul'tura i ee mezhetnicheskie svyazi v kompleksnom osveshchenii: Mezhvuzovskiy sbornik.* Petrozavodsk, 1997. P. 138–145.
7. Kyurshunova I. A. "Ours" and "theirs" in the anthroponymic system of the XV–XVII centuries ["Svoe" i "chuzhoe" v antroponimicheskoy sisteme XV–XVII vv.]. *"Svoe" i "chuzhoe" v kul'ture narodov Evropeyskogo Severa: Materialy 3-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Petrozavodsk, 2001. P. 118–121.
8. Kyurshunova I. A. Relationships of the Finnish and Saami personal names to Slavic anthroponomy of Karelia in XV–XVII centuries [Otnosheniya pribaltiysko-finskikh i saamskikh lichnykh imen k slavyanskim v antroponimii Karelii XV–XVII vv.]. *Nauchnoe nasledie akademika F. F. Fortunatova i sovremennoe yazykoznanie (k 90-letiyu so dnya smerti): Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (13–14 sentyabrya 2004 g.).* Petrozavodsk, 2004. P. 180–189.
9. Kyurshunova I. A. The reflection of the processes of ethnic interaction in anthroponymic of Karelian epochs before the period of nationalism [Otrazhenie protsessov etnicheskogo vzaimodeystviya v antroponimikone Karelii donatsional'nogo perioda]. *CARELICA: Nauchnyy elektronnyy zhurnal*. 2014 (11). № 2.
10. Mamontova N. N. Karelian and Vepsian anthroponymy at the present stage [Karel'skaya i vepsskaya antroponimiya na sovremennom etape]. *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya.* Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 221–228.
11. Meshcherskiy N. A. Novgorod birch bark documents as the source of the study of Baltic-Finnish languages [Novgorodskie berestyanye gramoty kak istochnik izucheniya pribaltiysko-finskikh yazykov]. *Vsesoyuznoe soveshchanie po voprosam finno-ugorskoy filologii: 26–30 iyunya 1961 g.: Tezisy dokladov*. Petrozavodsk, 1961. P. 99–101.
12. Meshcherskiy N. A. Novgorod gramoty on birch bark as a source for the historical study of the Baltic-Finnish languages [Novgorodskie gramoty na bereste kak istochnik dlya istoricheskogo izucheniya pribaltiysko-finskikh yazykov]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya.* Moscow, Leningrad, 1964. P. 193–204.
13. Mullonen I. I. About Veps anthroponomy. (the experience of toponymic reconstruction) [O vepsskoy antroponimii (opyt toponimicheskoy rekonstruktsii)]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie.* 1988. № 4. P. 271–282.
14. Mullonen I. I. *Ocherki vepsskoy toponimii* [Essays on Vepsian toponymy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 157 p.
15. Mullonen I. I. *Toponimiya Prisvir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of Prisvir'e: problems of ethno-linguistic contact]. Petrozavodsk, 2002. 356 p.
16. Mullonen I. I. *Toponimiya Zaonezh'ya: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami* [The toponymy of Zaonezhye: a Dictionary with historical and cultural review]. Petrozavodsk, 2008. 241 p.
17. Mullonen I. I. [Review]: Kjurshunova I. A. Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames North-West Russia XV–XVII centuries [[Rets. na:] Kyurshunova I. A. Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.]. *Voprosy onomastiki*. 2010. № 1 (8). P. 137–142.
18. Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezh'ya: Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the region: Areal-etymological study of vocabulary of Finnic origin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 540 c.
19. Popov A. I. Materials on the toponymy of Karelia [Materialy po toponimike Karelii]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. Petrozavodsk, 1949. P. 48–66.
20. Popov A. I. Finnish personal names written on Novgorod birch bark [Pribaltiysko-finskie lichnye imena v novgorodskikh berestyanykh gramotakh]. *Pribaltiysko-finskoe yazykoznanie. Tr. Karel. fil. Akad. nauk SSSR* / Ed. G. N. Makarov. Petrozavodsk, Gos. izd-vo Karel. ASSR, 1958. Issue 12. P. 95–100.
21. Saarikivi Ya. Baltic-Finnish anthroponymy in the substrate names of the Russian North: prospects for studying [Pribaltiysko-finskaya antroponimiya v substratnykh nazvaniyakh Russkogo Severa: perspektivy izucheniya]. *Etimologicheskie issledovaniya: Sb. nauch. tr.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2003. Issue 8. P. 136–148.
22. Sobolev A. I. Vepsian names of the inhabitants and the names of the villages churchyard Andoma in the XVI century [Vepsskie imena zhiteley i nazvaniya dereven' Andomskogo pogosta v XVI veke]. *Prirodnye i kul'turnye landshafty: problemy ekologii i ustoychivogo razvitiya: Materialy obshchestvenno-nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem.* Part 2. Pskov, 2002. P. 120–122.
23. Sobolev A. I. About Finnic component in the formation of the population of the churchyard Andoma and about some questions of its development [O pribaltiysko-finskom komponente v formirovanii naseleniya Andomskogo pogosta i o nekotorykh voprosakh ego osvoeniya]. *Vytegra: Kraevedcheskiy al'manakh.* Issue 4. Vologda, 2010. P. 185–252.
24. Khelimskiy E. A. About Baltic-Finnish language material in the Novgorod birchbark letters [O pribaltiysko-finskom yazykovom materiale v novgorodskikh berestyanykh gramotakh]. *Yanin V. L., Zalizniak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.).* Moscow, Nauka Publ., 1986. P. 252–259.
25. Chaykina Yu. I. *Slovar' geograficheskikh nazvaniy Vologodskoy oblasti. Naselennye punkty* [Dictionary of geographical names of Vologda region. Settlements]. Vologda, Izd-vo IPK i PPK, 1993. P. 83–84.
26. Shilov A. L. From observations of the birch bark letters [Iz nablyudeniy nad berestyanymi gramotami]. *Finno-ugorskoe nasledie v russkom yazyke: Sbornik nauchnykh trudov*. Issue 2. Ekaterinburg, 2002. P. 145–158.
27. Shilov A. L. Onomastics birch-bark letters [Onomastika berestyanykh gramot]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya*. 2005. St. Petersburg, 2005. P. 298–325.
28. Shilov A. L. The non-Slavic ethnonyms and anthroponyms of the birch bark letters [Etnonimy i neslavyanskie antroponimy berestyanykh gramot]. *Voprosy onomastiki*. 2010. № 1 (8). P. 33–54.
29. Shilov A. L. Where are You from, my dear, Colmac? [Otkuda Vy, lyubezneyshiy Kolmak?]. *Russkaya rech'*. 2008. № 1. P. 82–85.
30. Kuzmin D. Karjalan asutushistoria nimistön valossa (История заселения Беломорской Карелии в свете топонимии): монография. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 p.
31. Laakso Johanna. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä. Virittäjä, 4. 1999. P. 531–555.
32. Saarikivi Janne Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Поступила в редакцию 18.05.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 73–76 **Филологические науки** **2016**

УДК 181.161.1

ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА НЕГАНОВА
кандидат культурологии, редактор редакционно-издательского отдела, Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)
cultland@yandex.ru

ОТАПЕЛЛЯТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ НА КАРТЕ ФАРВАТЕРА РЕКИ ВОЛГИ: СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ

Рассматривается номенклатура волжских топонимов двух хронических срезов – конца XIX и конца XX века. Основными источниками послужили карты фарватера реки Волги 1896 и 1900 годов и Атлас единой глубоководной системы европейской части России. Анализируются именования конкретных мест в долине реки, выявленные на костромском участке фарватера Волги. В основном это либо терминизированные топонимы, либо имеющие в своем составе географический термин. Определяются их значения, прослеживается связь с диалектной лексикой. Рассматриваются топонимические модели именований, представленных словосочетаниями: предложно-падежные конструкции; конструкции, содержащие компонент в виде приложения; конструкции, состоящие из существительного и согласованных с ним прилагательных. Исследование показывает, что «костромские» волжские именования являются своего рода иллюстрацией сложившейся к началу XX века систематической упорядоченности топонимического пространства реки Волги; вместе с тем они отражают специфику номенклатуры гидрографической лексики в костромских говорах.

Ключевые слова: топонимия Волги, топонимическая модель, географическая лексика, диалектная лексика

Топонимия Волги формировалась в процессе освоения и заселения Поволжья, включения реки в социокультурную, хозяйственно-трудовую и экономическую деятельность. Как сам гидроним *Волга*, так и многочисленные собственные географические названия расположенных на берегах селений, а также объектов в долине реки, изучали многие исследователи, начиная с А. Л. Погодина и А. И. Соболевского. Со второй половины XX века вопросам волжской топонимии уделяли внимание В. А. Никонов, А. К. Матвеев, И. С. Улуханов, И. Г. Добродомов, М. В. Горбаневский и др. Топонимии Верхней Волги посвящены исследования И. Ю. Юрьевой [7], Нижней Волги – Е. А. Васильевой [1], Среднего Поволжья – Р. К. Садыковой [5] и др.

Изменения, наблюдавшиеся в волжской топонимии на протяжении XX века, связаны главным образом с реконструкцией реки. Сооружение гидроузлов и водохранилищ сопровождалось углублением русла Волги, затоплением прибрежных территорий и островов. Информация лишь о некоторых из них сохраняется в руководствах для плавания по определенным районам волжского водного пути. Так, например, в специальной лоции, содержащей сведения о навигационной обстановке на участке Козьмодемьянск – Чебоксарский гидроузел, указываются именования ряда затопленных географических объектов: «Справа красные буи обставляют затопленный Сенной яр, а слева белый буй ограждает затопленный о. Туричий. Плавно поворачивая вправо, продолжаем ориентироваться плавучей обстановкой, оставляя справа Козьмодемьянские мели и затопленный Холодный яр» [6: 8]. Вместе с тем значительные изменения гидрологии реки сопровождались возникновением новых реалий, их именования фиксируются на картах русла Волги. Например, в «Атласе единой глубоководной системы европейской части России» в акватории Горьковского водохранилища указаны такие именования, как *Затопленный лес, Затопленные пни, Торф,* не существовавшие до сооружения гидроузла[1]. Однако очень многие волжские топонимы исчезли вместе с реалиями. Так, в конце XIX века на участке Волги от Костромы до Плеса указывались 28 именований объектов в фарватере реки, менее столетия спустя – всего лишь 3.

Предметом нашего наблюдения стали наименования природных реалий в долине Волги, бытовавшие до начала масштабных преобразований реки. В парадигме волжской топонимии рассматриваются собственные географические названия, значившиеся на костромском участке фарватера в конце XIX – начале XX столетия. Основным источником топонимов послужили карты меженного фарватера Волги, вошедшие в «Приложение к запискам Лоции Нижегородского речного училища», с добавлениями и пометами костромского речника И. П. Мясникова (лоция в настоящее время находится в экспозиции музея с. Чернопенья Костромского района Костромской области). Карты меженного фарватера Волги включают 39 листов: 1) карта 1896 года – от города Рыбинска до устья реки Камы (л. 1–14); 2) карта 1900 года – дальнейший участок фарватера до города Астрахани (л. 15–39)[2]. На них указано более двух тысяч топонимов. Почти 40 % от общего количества составляют наименования конкретных мест в долине реки.

© Неганова Г. Д., 2016

Данная группа волжских топонимов, за редким исключением, представлена именованиями либо терминизированными, либо имеющими географический термин в своем составе. Например: *высыпка* ‘отмель, образованная выносами мелкой гальки или камней’ → *Высыпка* (Казан., Симб., Сарат.); *затон* ‘часть обмелевшей излучины реки, оборудованная для стоянки судов’ → *Затон* (Самар.), *Люлиховский затон* (Нижегор.); *осередок* ‘наносное (без растительности) образование в русле, омываемое водой со всех сторон’ → *Винновский осередок* (Астрах.); *одинец* ‘одиночный камень больших размеров в русле реки’ → *Одинец* (Сарат.); *полица* ‘нижняя площадка яра, спускающегося к реке двумя уступами’ → *Полица* (Симб., Сарат., Астрах.); *рынок* ‘угол или мыс горного берега, выступающий в сторону русла реки’ → *Богородицкий рынок* (Казан.); *суводь* ‘водоворот за подводным или надводным выступом в яру или рынком’ → *Суводь, Екатериновская суводь* (Астрах.); *приверх* ‘верхняя по течению часть острова, осередка’ → *Сенной приверх* (Астрах.); *ухвостье* ‘нижняя по течению часть острова, осередка’ → *Сероглазинское ухвостье* (Астрах.); *ход* ‘водное пространство на внутреннем водном пути’ → *Новый ход* (Казан., Самар.), *Печищенский узкий ход* (Казан.); *яр* ‘невысокий обрывистый, как правило, вогнутый пойменный берег русла реки’ → *Арбузный яр* (Астрах.), *Красный яр* (Самар.) и т. д. (здесь и далее, если не оговорено особо, толкование географических терминов дается в соответствии с «Лоцией внутренних водных путей» Д. К. Земляновского (см. [3: 17–61])).

На участке Волги в пределах Костромской губернии выявлено 110 таких топонимов. Меньшая часть (16,3 %) – это однословные именования, представляющие собой апеллятивы, перешедшие в разряд онимов: *Воложка* (1) ← *воложка* ‘второе русло реки, отделенное от коренного (основного) русла островом’ (здесь и далее в скобках указано количество одноименных топонимов на данном участке реки Волги); *Гряда* (5) ← *гряда* ‘большое скопление камней в русле’; *Огрудок* (7) ← *огрудок* ‘небольшое обособленное скопление камней, расположенное недалеко от берега’; *Печина* (1) ← *печина* ‘глинистый выступ у высокого берега’; *Побочень* (2) ← *побочень* ‘гребневая часть крупной гряды, далеко вдающейся в русло’; *Полузапруда* (1) ← *полузапруда* ‘невысокая запруда’[3].

Все названные географические термины представлены в волжских лоциях. Однако на участке в границах Макарьевского уезда зафиксировано именование *Перебор* (1), более нигде на Волге нами не выявленное. Данный топоним мотивирован народным географическим термином, не относящимся к волжским. В СРНГ отмечается: «Часть русла, где фарватер имеет подводные отмели, на Волге называется перекатом, на Северной Двине он же называется перебором»[4]. Помимо Северной Двины, термин известен на Каме, на реках Восточной Сибири; со значениями «порог, поперечная мель на реке, песчаная или каменистая гряда, лежащая поперек входа в реку или озерный проток; мелководье, банка, бар в устье реки, перекат» лексема встречается повсеместно от Кольского полуострова до Камчатки[5], но в европейской части России южная граница ареала проходит по Ярославской (Пош.)[6] и Костромской[7] областям.

По данным картотеки Костромского областного словаря, термин *перебор* бытует в районах Костромского края, граничащих с Вологодской областью, обозначает: 1) ‘мелкое место в реке’ – *Лонись малая вода была, одне переборы на ричке, а топеря высокая вода.* Октябр. (Веденьё); 2) ‘мелкое каменистое место в реке с быстрым течением; перекат’ (Межев., Кологр.) – *На переборе рыба водится.* Кологр. (Суховерково); 3) ‘мель, отмель’ – *Давай к берегу, на перебор.* Солигал. (Высокая Дача). Однако, скорее всего, территория распространения термина была шире. Так, Н. С. Ганцовская указывает на бытование лексемы (в 1-м значении) в Парфеньевском районе (Шумилино) [2: 273]. В. И. Новичихин отмечает употребление слова (1-е и 2-е значения) в речи жителей Кадыйского района (ранее его территория входила в Макар. у.) [4: 41], западная граница которого проходит по реке Желвате (топоним *Перебор* отмечен в районе впадения этой реки в Волгу). Данные ойконимии позволяют предположить, что слово было знакомо и жителям Костромского Приволжья: в списках населенных мест 1877 года значилась усадьба *Перебор* (Костр. у.), располагавшаяся на правом берегу Волги, в 15 верстах от г. Костромы[8]. Через мотивирующее слово – апеллятив *перебор* – рассматриваемый топоним отражает особенности костромской диалектной лексики.

Большая часть (83,7 %) рассматриваемой группы топонимов представлена словосочетаниями. Именования построены по трем моделям: 1) предложно-падежные конструкции: *Огрудок у Татарской слободы, Перевал у Кобыла камень, Перевал в Пучежские горы* (выявлены 3 именования); 2) конструкции, содержащие компонент в виде приложения: *Воложка Трубинка, Гряда Орлечек, Остров Витязь, Остров Круча, Остров Толстик, Перевал Троица Хвосты* и др. (всего 8 именований); 3) конструкции, состоящие из существительного и одного или двух, реже – трех согласованных с ним препозитивных прилагательных, например: *Сиземский остров, Содогский остров, Иванихинская гряда, Сурминская гряда, Кошкинский перевал, Сухотинский перевал, Подсосняжный перекат, Харчевенский перекат, Нижний Елнатский перекат, Старый Солдогский перевал, Приезжевский узкий ход* и т. д.; зафиксировано одно четырехсловное именование – *Старый нижний Сокольский перекат* и одно с именами

прилагательными в пре- и постпозиции – *Елнатский перекат верхний* (топонимы такого типа, хотя и редко, но встречаются и на других участках Волги: *Красно-Затонский перекат луговой* – Самар., *Луговой Верхний Копановский перекат* – Астрах.). По третьей модели построены 72 топонима.

Ключевую позицию в именованиях занимает родовое слово, которое представляет собой гидрографический термин. Адресную информацию содержит атрибутивная часть топонима. Так, например, в вышеназванном именовании *Елнатский перекат верхний* родовое слово *перекат* называет именуемый объект – отложение наносов в русле; атрибутив *Елнатский* (Елнать + суффикс -ск-) содержит информацию о том, что он расположен при впадении реки Елнать в Волгу; определение *верхний* – о том, что именуемая реалия находится выше по течению относительно *Нижнего Елнатского переката*; *Городищенские пески* – именование прибрежного песчаного отложения напротив села Городища; *Сурминская гряда* – именование скопления камней в русле вблизи деревни Сурминка; *Густомесовский остров* – именование острова, расположенного напротив селения Густомесова. Такие же подходы к номинации прослеживаются в топонимическом пространстве Волги в целом, например: *Городецкий затон* (Нижегор.) – именование верхней части обмелевшей излучины реки у села Городец, оборудованной для стоянки судов; *Песковатовская воложка* (Сарат.) – именование второго русла, отделенного от основного русла Волги Песковатовским островом; *Лучкинский побочень* (Астрах.) – гребень яра, вдающегося в русло Волги у села Лучки.

Большая часть именований географических объектов на костромском участке Волги (почти $^{3}/_{4}$) возникла на основе принципа номинации по отношению их к окружающим объектам. В роли объекта, по которому производится наименование, как правило, выступают населенные пункты и впадающие в Волгу реки и речки – как ориентиры, наиболее значимые для навигации, например: *Борщинские огрудки* ← село Борщино; *Солдогский остров* ← село Солдога; *Сухотинский перевал* ← усадьба Сухотина; *Ореховский перевал* ← речка Ореховка; *Рукав Ширмокша* ← река Ширмокша. Наименее предпочтительными являются принципы номинации по свойствам и качествам географического объекта (*Косая гряда, Остров Красик* и др.) и по связи его с человеком (*Гряда Понизовкина, Шевелевкина гряда* и др.).

Значение собственных географических названий, нанесенных на лоцманские карты, соответствует их номинативной функции – маркировать объекты, представляющие собой в первую очередь преграды или опасности при судоходстве. «Костромские» волжские именования являются своего рода иллюстрацией сложившейся к началу XX века систематической упорядоченности топонимического пространства реки Волги. Вместе с тем они отражают специфику номенклатуры гидрографической лексики в костромских говорах.

СОКРАЩЕНИЯ

Губернии: Астрах. – Астраханская, Казан. – Казанская, Нижегор. – Нижегородская, Самар. – Самарская, Сарат. – Саратовская, Симб. – Симбирская; уезды: Костр. у. – Костромской, Макар. у. – Макарьевский; районы: Межев. – Межевской, Кологр. – Кологривский, Октябр. – Октябрьский, Пош. – Пошехонский, Солигал. – Солигаличский.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Атлас единой глубоководной системы европейской части России: В 10 т. Т. 5. Река Волга. От Рыбинского гидроузла до Казани // Лоции внутренних водных путей Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rivermap.narod.ru/ (дата обращения 18.02.2016).

[2] Приложение к запискам Лоции Нижегородского речного училища. Н. Новгород: Тип. П. Петрова, 1903. 40 л.

[3] Словарь русских народных говоров (СРНГ). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 29. С. 148.

[4] СРНГ. Вып. 26. С. 30.

[5] Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 432.

[6] Ярославский областной словарь (ЯОС). Дополнения: В 2 т. Т. 1 / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 135.

[7] СРНГ. Вып. 26. С. 30.

[8] Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–72 годов. СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1877. С. 36.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Е. А. Историческая топонимия Астраханской области XVI–XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2010. 23 с.
2. Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. XXXI, 512 с.
3. Земляновский Д. К. Лоция внутренних водных путей: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Транспорт, 1988. 222 с.
4. Новичихин В. И. Географическая терминология в говорах Костромской области: Дис. … канд. филол. наук. М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1993. 204 с.
5. Садыкова И. А. Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации: Дис. … канд. филол. наук. Казань: КГУ, 2003. 234 с.

6. Фридлиб Г. В., Арнаутов Н. П. Специальная лоция реки Волги: Учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегор. реч. училище им. И. П. Кулибина, 2006. 21 с.
7. Юрьева И. Ю. Лексико-семантический анализ топонимии Верхней Волги: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 22 с.

Neganova G. D., Kostroma State University (Kostroma Russian Federation)

MAPPED APPELLATIVE TOPONYMS OF THE VOLGA RIVER FAIRWAY: ITS STRUCTURE AND PRINCIPLES OF NOMINATION

The article deals with the nomenclature of the Volga toponyms of two chronic profiles – the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The main sources of the study were the maps of the Volga River fairway of the 1896–1900 and the Atlas of the unified deep water system of the European part of Russia. The names revealed in the Kostroma part of the Volga fairway are analyzed. Basically it place names, having in its composition geographical term. Determines their value, a correlation with the dialect vocabulary. In the article the basic toponymic model. The basic toponymical model for the studied object is presented. Toponymical models of the Volga river fairway are analyzed, their meanings are determined, and their relationships to the local dialect are retraced. The study shows that Kostroma's names of the Volga river fairway can be viewed as an illustration of the system reflecting the toponymical space of the Volga river. The system was formed by the beginning of the 20th century. At the same time, the system reflects characteristic features of the nomenclature of geographical lexis in Kostroma dialects.

Key words: toponyms of the River Volga, toponymic models, geographical lexis, dialect lexis

REFERENCES

1. Vasil'eva E. A. *Istoricheskaya toponimiya Astrakhanskoy oblasti XVI–XX vv.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Historical toponymy of the Astrakhan region in XVI–XX centuries]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2010. 23 p.
2. Gantsovskaya N. S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi* [Dialect dictionary of Kostroma's Zavolzh'e: the area between Kostroma and Unzha]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova; Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2015. XXXI, 512 p.
3. Zemlyanovskiy D. K. *Lotsiya vnutrennikh vodnykh putey: Uchebnik* [The pilot book of inland waterways]. Moscow, Transport Publ., 1988. 222 p.
4. Novichikhin V. I. *Geograficheskaya terminologiya v govorakh Kostromskoy oblasti: Dis. ... kand. filol. nauk* [Geographical Terminology in the dialects of the Kostroma region]. Moscow, MGPU im. V. I. Lenina Publ., 1993. 204 p.
5. Sadykova I. A. *Istoriko-lingvisticheskiy analiz tyurko-tatarskoy toponimii Ul'yanovskoy oblasti Rossiyskoy Federatsii: Dis. ... kand. filol. nauk* [Historical and linguistic analysis of the Turko-Tatar toponymy of the Ulyanovsk region of the Russian Federation]. Kazan: KGU, 2003. 234 p.
6. Fridlib G. V., Arnautov N. P. *Spetsial'naya lotsiya reki Volgi: Ucheb. posobie* [Special sailing directions of the Volga]. N. Novgorod, Nizhegor. rech. uchilishche im. I. P. Kulibina Publ., 2006. 21 p.
7. Yur'eva I. Yu. *Leksiko-semanticheskiy analiz toponimii Verkhney Volgi: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic analysis of the toponymy of the Upper Volga]. Moscow, In-t rus. yaz. Publ., 1991. 22 p.

Поступила в редакцию 30.06.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 77–82 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.512'373

ГУЗАЛИЯ САЙФУЛЛОВНА ХАЗИЕВА-ДЕМИРБАШ
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)
guzhaz@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНЫХ ИМЕН В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ*

Раскрывается малоизученная в татарской антропонимике проблема этнокультурного пространства личного имени в тюрко-татарских дастанах. Личные имена в дастанах рассматриваются как этнокультурные знаки, которые несут информацию об этническом составе, о духовной и материальной культуре народа и отражают религиозные и философские воззрения, обычаи и обряды этноса. Особое внимание уделено традициям имянаречения, переименования персонажей. Основное содержание статьи посвящено семантическому и этимологическому анализу личных имен в дастанах. Обоснован вывод о том, что в тюрко-татарских дастанах сохранены личные имена – архаизмы, утраченные в языке, которые создают предпосылки для реконструкции праязыковой антропонимической системы.

Ключевые слова: личные имена, этнокультурные знаки, этнокультурное пространство, тюрко-татарские дастаны, имянаречение, переименование

В многовековой истории татарского народа дастаны играют неоценимую роль в формировании этнокультурного пространства и являются значимыми источниками языка, истории, мировоззрения тюркских народов. Этнокультурный фактор имеет существенное значение в функционировании и развитии антропонимов в эпических произведениях фольклора. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, этнокультурное пространство – это «информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится ощутимым при столкновении с влияниями культуры» [1: 6]. Весьма актуальной областью исследования татарского языкознания является изучение языка фольклора, в том числе и антропонимики. Многие теоретические вопросы изучения фольклорной лексики нашли свое освещение в трудах С. Ж. Баяндиной [6], Л. Л. Габишевой [2], О. Г. Горбачевой [3], В. М. Жирмунского [4], И. Г. Закировой [5], Б. Х. Исмагуловой [6], Т. Н. Кондратьевой [9], Д. М. Керимбаева [7], С. Е. Керимбаевой [8], Э. Б. Магазаника [10], Л. Х. Мухаметзяновой [11], В. Я. Проппа [12], К. Рейчл [23], В. И. Супруна [13], Д. М. Токмашева [15], Т. В. Топоровой [17], С. М. Толстой [16], Ф. Урманчеева [18], Г. С. Хазиевой-Демирбаш [19], [20], Л. М. Щетинина [21] и др. Э. Р. Тенишев подчеркивал ценность дастанного жанра: «Язык фольклорных произведений (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык тюркского фольклора почти не исследован. Необходимо систематическое изучение языка тюркского эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования» [14: 123]. В целом в татарском языкознании нет комплексных исследований, раскрывающих суть, предмет фольклорной ономастики, в частности особенности функционирования личных имен и их этнокультурного пространства в татарских эпических произведениях. В этом смысле предпринятое нами исследование призвано в определенной мере восполнить существующий пробел.

Целью настоящего исследования является изучение отражения в дастанах обрядов имянаречения и переименования, а также раскрытие семантических особенностей эпических имен. В работе использован комплекс методов и приемов анализа фактического материала в соответствии с поставленной целью работы: метод компонентного анализа, сравнительно-исторический, сопоставительный методы исследования.

В эпических произведениях герой наделяется говорящим именем, по которому угадываются характер, возраст, роль богатыря в событиях эпического мира (является ли он положительным или отрицательным персонажем). Семантика слова в фольклорном тексте, который еще сохраняет свою синкретичную структуру и сильные внетекстовые связи, опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию – ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию [2: 7]. В тюрко-татарских дастанах «затекстовую» информацию содержат описания волшебного рождения героя, обычаи

© Хазиева-Демирбаш Г. С., 2016

имянаречения и переименования, в которых «архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя» [7: 7], обнаруживается органическая связь личного имени с древними представлениями, верованиями человека. Так, в дастанах обряды имянаречения и выбора имени имеют знаковое значение и отражают магическую неуязвимость, силу против сверхъестественных сил главного героя.

Обычаи и обряды имянаречения сохранились в самых поздних эпических произведениях древнетюркских эпитафий VI–VIII веков, в которых документально зафиксировано наличие двух, трех и до нескольких имен эпического героя. В них личное имя раскрывает природу носителя имени, согласно которой формируется личность человека, определяется его судьба. Так, например, в «Памятнике из Кежилиг-хобу» упоминается, что у героя было несколько имен: «Мое детское имя – Шубун... мое имя Кюмюль-огя» (ПТ, с. 117)[1]. В контексте выясняется, что мальчик получил свое настоящее имя после того, как послужил государству. Архаические обряды и обычаи имянаречения, переименования древнетюркских народов нашли свое отражение и широкое распространение и в татарских дастанах. Следует отметить, что в тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя. В этом отношении весьма своеобразным является повествование о наречении главного героя в татарской версии средневекового дастана «Чура батыр». Так, в дастане отец называет своего сына в честь своего раба – Чура, в древнетюркском языке это слово имеет значение ‘мальчик, работник, хлебопашец, воин’ (ДТС, с. 79)[2]. Не случайно главный герой был назван данным именем, так как в конце повествования он становится богатырем, воином. «Нәрәң Чура дигән колын азат итеп, күк айгырны корбанлык итеп чалып, Ходай юлына куш чырак нияз итеп килеп, Миңле баласын алды. Угыл бала туды. Атын – азат кылган колы Чураның урынына – Чура атады» (Нарен освободил своего раба, принес в жертву своего коня. Взял в руки своего ребенка. Назвал в честь освободившего раба – Чурой) (ТЭ, с. 245)[3]. Таким образом, выбор будущего богатыря, кто инициатор этого «счастливого имени», кто его нарек этим именем – все эти моменты считались чрезвычайно важными и в эпическом произведении занимали значимое место [5: 296].

В основном в эпических произведениях личные имена отождествлялись с понятиями храбрости, отваги. К личным именам добавлялись компоненты, отражающие понятия богатырства героя. Как отмечает Ф. И. Урманчеев, эпические герои наделялись ханскими титулами, но воспевались они не как ханы, а как бесстрашные богатыри. Поэтому в состав имен этих героев гораздо чаще включались слова, подчеркивающие их мужество, богатырские качества: *алп*, *ер*, *батыр*, *мәргән* [18: 25]. Добавление к именам компонентов, подчеркивающих исключительные качества героя, встречается в эпитафических памятниках тюркской рунической письменности. Например, в текстах рун большое количество имен с компонентом *алып: inanču alp saŋun, alp aja, alp er toŋa~ toŋa alp er* (имя легендарного правителя Турана, к которому возводится генеалогия тюркских Караханидов; Афрасиаб); *alp burɣučan, alp šalčï, alp tegin, alp toɣrïl, alp turmïš, alp tutuq* (ДТС, с. 52). В тюркских рунических эпитафиях компонент *алып* связывается с представлением о богатырстве и геройстве, хотя и сохраняет ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько мужчину, чаще воина. В основном данные личные имена давались богатырям в качестве прозвища, титула или воинского звания. В словаре М. Кашгари «Дивану лугат ит-тюрк» слово *алп* имеет значение ‘силач, великан, богатырь’ [22: 85]. В древнетюркском языке семантика данного слова намного шире: 1. Меткий стрелок; 2. Герой, богатырь, витязь; 3. Отважный, храбрый, смелый; 4. Отвага, храбрость, мужество’ (ДТС, с. 54). В татарском языке слово *алып* имеет значение ‘великан, богатырь’. В паремиологическом фонде татарского языка встречается фразеологическая единица мифологического происхождения *алыптай гәүдәле*, которая означает человека исполинского роста, богатырского телосложения (ТРС-1, с. 65)[4]. По нашему мнению, данные устойчивые словосочетания являются мифологическими образованиями ассоциативного характера.

Компонент *алып* встречается и в личном имени главного героя татарского дастана «Сказание об Алпамыше». В различных версиях дастана личное имя главного героя имеет разные варианты: в алтайской – Алып-Манаш, в узбекской – Алпамыш, в казахской – Алпамыс, а в татарском варианте – Алпамша. Все варианты имен восходят к алтайскому варианту личного имени – Алып-Манаш, то есть ‘богатырь Манаш’, который имеет значение ‘эпический богатырь’. Вариативность личных имен в дастанах связана с метафоричностью обозначений и свидетельствует о поэтической природе имени [7: 9]. Личное имя героя татарских эпосов и сказок Алпамыш образовано в результате сокращения личного имени кыпчакских эпосов Алып Манаш. На наш взгляд, *манаш* имеет значение ‘белый, с темным оттенком’. Скорее всего, личное имя Алып Манаш означает богатыря на белом коне (ТТЭС-2, с. 96)[5]. В татарском языке произошла онимизация личного имени Алпамша главного героя дастана «Алпамша». Так, слово *алпамша* в татарском языке имеет

семантику крупного человека (ТТАС, с. 34)[6], а в татарских локальных вариантах культуры семантика имени намного шире: «1. Мифический образ великана, крупного человека; 2. Самый большой, самый крупный» (ТТЗДС, с. 413)[7]. В татарских диалектальных паремиях встречается фразеологическая единица *алпамыш йокосо* в значении ‘крепкий сон’ (ТТЗДС, с. 412). В татарском языке употребляется вариант личного имени героя Алпамыш – Алпамша, состоящий из двух компонентов: *алып* (т.) + *шах* (п.) – ‘царь, повелитель’ (ТТАС, с. 35). По-мнению Ф. И. Урманчеева, компонент *шах* имеет давние корни и является признаком присутствия в образе героя божественных или царских кровей [18: 121]. Так, в эпических именах компоненты *алып*, *батыр* приобретают нарицательное значение и начинают обозначать какое-либо качество, особенность (физическую, нравственную), родовую принадлежность, звание, род занятий.

Личные имена, ообозначающие исключительные качества героя дастана, в составе которых присутствует компонент *мәргән*, являются распространенными во многих тюрко-монгольских языках, в том числе и в татарском фольклоре. Так, к примеру, в татарском дастане «Җик Мәргән» главный герой получает имя уже по достижении совершеннолетия, когда он готов к богатырским подвигам: «Синең исемең Җик булсын! Җәяң ныk булсын!» (букв.: Пусть твое имя будет Жик. Твоя стрела будет меткой!) (ТЭ, с. 345). Главному герою имя дается с пожеланием доблести и храбрости на войне. Личное имя Жик Мәргән состоит из двух компонентов: *жик* – в древнетюркском языке имеет значение: 1. Хороший; 2. Демон (ДТС, с. 253). В свою очередь, данное слово употребляется в отношении ловкого человека, похожего на шайтана (черта) (ТТЭС-2, с. 268). В личном имени Жик Мәргән второй компонент *мәргән* имеет семантику ‘меткий стрелок, охотник’ (ТРС, с. 67). В тюрко-татарских дастанах компонент *Мәрген (Мәрген, Бәрген, Мирген*) в основном употребляется по отношению к положительным героям. Личные имена героев с компонентом *мерген* встречаются в эпических произведениях тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья: *Җик Мәргән* (ТЭ, с. 28), *Кадыш Мәргән* (ТЭ, с. 86), *Тәвеш Мәргән* (ТЭ, с. 128), *Сәңгелгөлек Мәргән* (ТЭ, с. 234), *Туктасын Мәргән* (ТЭ, с. 231), *Хәлмәт Мәргән* (ТЭ, с. 561).

В татарском дастане «Сәңгелгөлек мәргән» личное имя главного героя при рождении – Сәңгелгөлек. Второе имя ему присваивается тогда, когда он стал юношей и начал охотиться, тогда к личному имени Сәңгелгөлек добавляется компонент *мәргән*. Личное имя Сөңгелгөлек восходит к слову *сөңге* – ‘копье, пика’ (ТТЭС-2, 173), в древнетюркском языке *süŋgü* имеет значение ‘копье’ (ДТС, 517). Слово *мәргән* имеет синонимичные значения со словами *алып*, *батыр*. Мифопоэтическое значение слова *батыр* намного шире. Эпические герои в татарских дастанах, имеющие имена с компонентом *батыр*: *Чура батыр* (ТЭ, с. 223), *Кобланды батыр* (ТЭ, с. 34), *Алпамыс батыр* (ТЭ, с. 56), *Карабек батыр* (ТЭ, с. 76), *Карадөң батыр* (ТЭ, с. 123), *Аркалык батыр* (ТЭ, с. 234) и др. В данных именах компонент *батыр* имеет два значения: «1. Герой, доблестный мужчина; молодец; смельчак; 2. Богатырь, храбрец, храбрый воин» (ТРС-1, с. 63). В тунгусо-маньчжурских языках слово *батыр* < *батар* < *батур* < *багатир* употребляется в эвенкийском, солоском, эвенкском, нанайском, маньчжурском языках и имеет семантику: 1. Богатырь; 2. 1) сильный, 2) большой; в тунгусском языке: 1) горячий, вспыльчивый (о человеке), 2) свирепый; в сол.: богатырь; в маньчжурском: 1. Богатырь, герой; 2. Храбрый (ССТМЯ, с. 62)[8]. В татарской паремиологии *камыр батыр* (досл. «храбрец из теста») означает слабого человека (ТТАС, с. 34). Прибавление к эпическим именам компонента *батыр* связано с давними традициями татарского, тюркского и тюрко-монгольского эпоса.

Имена героев, в которые включены определения *алып*, *мәргән*, *батыр*, бытуют на всей территории расселения тюрко-монгольских народов – в Якутии, Южном Приуралье, Южной Сибири, на Алтае, в Среднем Поволжье.

Наречение младенца тотемным именем относится к древним традициям, человек пытался передать силу тотема ребенку, чтобы тотем всегда оберегал младенца. В «звериных именах» сохраняются черты чрезвычайной этнокультурной архаики. В связи с этим присвоение членам рода наименования тотемного животного или птицы было достаточно широко распространено в древнетюркских орхоно-енисейских эпитафиях, что не могло не отразиться и в фольклоре. Так, в дастане «Кара Кукел» главный герой Кара Күкел совершает подвиг и ему присваивается титул *алып*, таким образом, он становится Күкел Алып (*күкел* ‘кукушка’ + *алып* ‘великан, богатырь’). В дастане такой же эпизод встречается и в переименовании другого персонажа Кучкар Алып (слово *кучкар* в диалектах татарского языка имеет семантику ‘баран-производитель; бойцовый баран-чемпион’; метафорическое значение “боец, темпераментный парень’ (ТТЭС-2, с. 476) + *алып* ‘великан’): «Баланың исеме – Кучкар алып. Кучкар алып, шул җирдә атасыннан рөхсәт алып, алыплык эзләп китте» (букв.: Ребенка называют Кучкар алып. Получив у отца благословение, он отправился совершать подвиги) (ТЭ, с. 211). В енисейских памятниках зафиксированы имена с компонентом *qočγar* ‘баран-производитель’: *qočγar töläs tirig*. Образ барана тесно связан с Тенгри и Небом и большое место занимал в космогонических верованиях древних тюрков. Образ

барана отражается и в болгарских археологических материалах. Баран является жертвенным животным, посвященным солнцу, небу. В татарских афористических изречениях есть поговорка: «Алланың кашка тәкәсеме син?» Так говорят, когда кто-либо пытается поставить себя в особое положение. Таким образом, в дастанах отголоски тотемизма, вера в сверхъестественные свойства животных и птиц сохранились в семантике некоторых компонентов личных имен эпических героев.

Эпизод имянаречения встречается в одном из архаичных образцов татарского народного дастана «Алтаин Саин Суме». В сюжете описываются события приношения стариками в жертву коровы с пожеланием иметь ребенка. По этому поводу старики собирают и угощают народ мясом. Однажды к ним заходит странствующий человек, которого старик со старухой просят помолиться и попросить у Всевышнего для них сына. Странник выполняет просьбу старика. Через год у них рождается долгожданный сын. В татарской версии дастана «Алтаин Саин Суме» сначала ребенок ходит без имени. В одном из эпизодов описываются переживания родителей по поводу того, что у сына нет имени: «Балабыз китте. Аты югын китте. Кеше балабызга юлыкса, атың кем дип сораса, балабыз ни дип әйтер? Хатыны әйтте: – Ә абышка, баланы кыйгыр! Кайтсын! Кыйгырды атасы. Кайтып килде бала. Атасы әйтте: – И балам, синең атың юк. Инәсе әйтте иренә: Ат куй моңа! Абышка әйтте: Алдына менгән аты Арык җирән атлы, Алтаин Саин Сүмә! Атың ул, балам!» (букв.: Дитя наше уходит. Без имени уходит. Если кто-нибудь встретится с ним, спросит, как его зовут, что он скажет? Старик, верни сына, пусть вернется. Скажи, что мать велела. Назови его именем. Назови его Алтаин Саин Суме. Это твое имя, сынок) (ТЭ, с. 124). Личное имя Алтаин Саин Сүмә состоит из трех компонентов *алтаин* + *саин* + *суме*. Компонент *алтаин* < *алтан* в эвенкском, тунгусском, тюркском, маньчжурском языках обозначает ‘золото’ (ССТМЯ, с. 33). Некоторые исследователи считают, что имя богатыря Алтаин Саин Сүмә восходит к названию конкретной местности Алтаин, и связывают формирование и происхождение татарского эпоса от алтайского героического эпоса (ТЭнц, с. 117)[9]. Компонент *саин* является титулатурным эпитетом, имеет значение ‘великолепный, славный, особо почитаемый; уважаемый’ (ТТЭС-2, с. 130); в монгольском языке слово *саин* – ‘знаменитый, хороший, здоровый’ (МИ, с. 211)[10]. Именно это имя присвоил себе Бату Саин – родоначальник ханов Золотой Орды, стараясь тем самым подчеркнуть божественность происхождения не только своей власти, но и своего имени. Таким образом, в дастане «Алтаин Саин Суме» родители благославляют своего сына, нарекая личным именем, с пожеланиями всяческих благ и отправляют его совершать подвиги.

В тюрко-татарских дастанах герои имеют несколько имен. В древности в обществе, сохранившем особенности родового строя, нарекали двумя именами – обычным и тайным. Настоящее имя табуировалось или скрывалось от врага и считалось «полноправным представителем человека перед лицом высших, божественных, небесных защитников, но оно же открывает его опасным, демоническим, потусторонним силам» [16: 379]. Так, например, в довольно позднем историко-героическом сказании целого ряда тюркских народов «Идегей», что особенно ярко отражается в его татарской версии, главный герой скрывает свое настоящее имя Кубугыл, называя себя Идегеем. Табуирование личного имени сохранилось и в традиционной культуре татар: так, в татарской семье после свадьбы женщина должна соблюдать строгие правила именования мужа, его родных, исключающие употребление их настоящих имен. Обычай табуирования личного имени, имеющий древние корни и связанный, прежде всего, с представлениями об опасности, известен всем тюркским народам и сохраняется в некоторых особенностях именования супругов вплоть до наших дней.

В тюрко-татарских дастанах нет описания обычая имянаречения, переименования женских имен. В основном антропонимикон тюрко-татарских эпических дастанов характеризуется следующими женскими именами, образованными при помощи компонентов *сылу* ‘красавица’: Майсылу («Кузыйкурпач белән Майсылу»), Баянсылу («Кузы Көрпә» дастаны) (ТЭ, с. 112): *баян* (а.) ‘ясность; повествование’ + *сылу* (т.), Гөлемсылу («Камбәр») (ТЭ, с. 34) – *гөлем* (т.) ‘мой цветок’ + *сылу* (т.), Сусылу – *су* (т.) ‘вода’ + *сылу* (т.) («Түләк һәм Сусылу дастаны») (ТЭ, с. 23), Көнәрсылу – *көн* (т.) ‘день’ + *сылу*, Карлыгачсылу – *карлыгач* (т.) ‘жаворонок’ + *сылу* (т.), Мәрҗәнсылу – *мәрҗән* (т.) ‘жемчуг’ + *сылу* (т.) («Алыпмәмшән») (ТЭ, с. 24), Карачәчсылу – *кара* (т.) ‘черный’ + *чәч* (т.) ‘волосы’ + *сылу* (т.) («Бүз егет») (ТЭ, с. 24), Мактымсылу, Көнсылу – *көн* (т.) ‘день’ + *сылу* (т.), Айсылу – *ай* (т.) ’день, месяц’ + *сылу* (т.) («Мактымсылу») (ТЭ, 345); *бикә* ‘госпожа’: Тукбикә – *тук* (т.) ‘сытый’ + *сылу* (т.) («Атаклы кыз Тукбикә») (ТЭ, 245); *жамал* (а.) ‘красота, миловидность’ (МИ, с. 341): Сәхипҗамал – *сахиб* (а.) ‘обладательница’ + *жамал* (а.), Фәтхелҗамал (ТЭ, с. 112) – *фәтхел* (а.) ‘открытие, успех, победа’ + *жамал* (а.) и др.

Таким образом, личные имена отражают этнокультурное пространство, которое представляет совокупность воззрений, взглядов и представлений этноса, народа об окружающем мире и месте человека в нем, обуславливающую основные жизненные ориентации людей и представляющую

историческое обобщение социального и духовного опыта прошлого, закрепленное и отраженное в стереотипах поведения, в обрядах и обычаях, в традициях имянаречения. В тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя, прежде всего, подчеркивается его смелость, храбрость, оно раскрывается в семантике некоторых компонентов (*алп, эр/ир, батыр*). Отголоски присвоения имен тотемных животных или птиц, широко распространенные в более поздних орхоно-енисейских эпитафиях, встречаются и в именованиях героев тюрко-татарских дастанов. Встречающиеся в эпизодах дастана обычаи табуирования личного имени трактуются как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром. В эпических именах отражается характер, деяния, черты человека, в результате чего некоторые имена превращаются в устойчивые словосочетания и тем самым сохраняют и фиксируют мифопоэтические образы в народной лексике.

* Статья написана при поддержке гранта Республики Татарстан при Президиуме Академии наук Республики Татарстан (гос. № 18-62-фГ-2016).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПТ – Поэзия тюрков VI–VIII веков / Под ред. И. В. Стебелевой. М.: Наука, 1965. 146 с.
[2] ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 675 с.
[3] ТЭ – Татар эпосы. Дастаннар / Сост. Ф. Урманчеева. Казан: Раннур, 2004. 640 с.
[4] ТРС-1 − Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А-Л). Казань: Алма-Лит, 2007. 727 с.
[5] ТТЭС-2 – Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Т. 2 (М-Я). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 567 с.
[6] ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 с.
[7] ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 836 с.
[8] ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1 (А-Ң). Л.: Наука, 1975. 671 с.
[9] ТЭнц – Татарская энциклопедия / Гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002. 671 с.
[10] МИ – Мусульманские имена: Словарь-справочник. СПб.: Диля, 2007. 448 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Габишева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины. М.: РГГУ, 2003. 192 с.
3. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Брянск, 2008. 26 с.
4. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
5. Закирова И. Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 296–301.
6. Исмагулова Б. Х., Баяндина С. Ж. Ономастическое пространство казахского фольклора // Материалы международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии». Кокшетау, 2009. С. 187–192.
7. Керимбаев Д. М. Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имен казахского фольклора: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.
8. Керимбаева С. Е. Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.
9. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. 245 с.
10. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика или говорящие имена в литературе. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
11. Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан в творчестве казанских татар // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 247–249.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 604 с.
13. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000. 122 с.
14. Тенишев Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология. 1973. № 5. С. 119–124.
15. Токмашев Д. М. Антропонимы в героическом эпосе: Сравнительно-исторический аспект. Новокузнецк, 2005. 220 с.
16. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
17. Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
18. Урманчеев Ф. Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.
19. Хазиева-Демирбаш Г. С. Антропонимическое пространство татарских и турецких загадок // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3. С. 128–130.
20. Хазиева-Демирбаш Г. С., Биктагирова З. А. Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках // Вопросы современной науки и практики. 2012. № 2 (40). С. 271–274.
21. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов н/Д, 1966. 119 с.
22. Kaşgarlı M. Divanü Lügat-it- Türk. Çev. B. Atalay. Çilt 4. Ankara, 2006. 530 p.
23. Reichl K. Türk Boylarının destanları. Çev. Metin Ekici. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2002. 441 p.

Khazieva-Demirbash G. S., Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

ETHNOCULTURAL SPACE OF PERSONAL NAMES IN TURK-TATAR EPOSES

Characteristic features of the ethnocultural space of a personal name in the Turk-Tatar eposes are considered. The importance of the ethnolinguistic research of the ethnocultural space of personal names is substantiated. Personal names of the epos heroes are folklore archaisms of the Turk-Tatar language. They create prerequisites necessary for the reconstruction of prayazykovy system and; therefore, their ethno- cultural research promotes emergence of new tendencies in the language. The epos's personal names are understood as ethnocultural signs bearing information on the ethnic structure, on the spiritual and material essence of the people's culture, on religious and philosophical views, customs and ceremonies inherent to the life of the ethnos in focus. Using dastan's materials, the interconnection of single and general concepts of personal names with common nouns, considering their implied meaning, was revealed. Common features of naming and renaming traditions characteristic of "dastanakh" are also studied. Particular significance of the dastan hero's personal name is revealed.

Key words: personal names, ethnocultural signs, ethnocultural space, Turk-Tatar epos, naming, renaming

REFERENCES

1. Alefirenko N. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic culturology : valuable and semantic space of language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 288 p.
2. Gabisheva L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira* [The word in the context of a mythopoetic picture of the world]. Moscow, RGGU Publ., 2003. 192 p.
3. Gorbacheva O. G. *Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok: Avtoref. diss. ... kand. filol nauk* [Onomastic space of the Russian national and author's fairy tales]. Bryansk, 2008. 26 p.
4. Zhirmunskiy V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epos]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 727 p.
5. Zakirova I. G. Dastan "Ak Kubek" Turkic peoples [Dastan "Ak Kubek" tyurkskikh narodov]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2009. № 4. P. 296–304.
6. Ismagulova B. Kh., Bayandina S. Zh. Onomastic space of Kazakh folkor [Onomasticheskoe prostranstvo kazakhskogo fol'klora]. *Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Aktual'nye problemy kompleksnogo issledovaniya altaistiki i tyurkologii"*. Kokshetau, 2009. P. 187–192.
7. Kerimbaev D. M. *Sostav i etnolingvisticheskaya kharakteristika sobstvennykh imen kazakhskogo fol'klora: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Structure and ethnolinguistic characteristic of proper names of Kazakh folklore]. Almaty, 2004. 28 p.
8. Kerimbaeva S. E. *Onomasticheskaya eksplikatsiya mifologicheskoy modeli mira v kazakhskom yazyke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Onomastic explication of mythological model ofthe world in the Kazakh languge]. Almaty, 2004. 28 p.
9. Kondrat'eva T. N. *Sobstvennye imena v russkom epose* [Own names in the Russian epos]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1967. 245 p.
10. Magazanik E. B. *Onomapoetika ili govoryashchie imena v literature* [Onomapoetics or the speaking names in literature]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 146 p.
11. Mukhametzyanova L. Kh. Book Dastan in the work of the Kazan Tatars [Knizhnyy dastan v tvorchestve kazanskikh tatar]. *Vestnik TGGPU*. 2011. № 4 (26). P. 247–249.
12. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epos]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958. 604 p.
13. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic field of Russian and its artistic and esthetic potential]. Volgograd, 2000. 122 p.
14. Tenishev E. R. About methods and sources of comparative-historical researches of Turkic languages [O metodakh i istochnikakh sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniy tyurkskikh yazykov]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1973. № 5. P. 119–124.
15. Tokmashev D. M. *Antroponimy v geroicheskom epose: Sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [Antroponima in the Shor heroic epos]. Novokuznetsk, 2005. 220 p.
16. Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive* [Word space. Lexical semantics in all-Slavic prospect]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 527 p.
17. Toporova T. V. *Yazyk v zerkale kul'tury: drevnegermanskie dvuchlennye imena sobstvennye* [Language in a culture mirror: ancient German binomial proper names]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 253 p.
18. Urmancheev F. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Kazan, IYaLI Publ., 2015. 448 p.
19. Khazieva-Demirbash G. S. Anthropometric space of the Tatar and Turkish riddles [Antroponimicheskoe prostranstvo tatarskikh i turetskikh zagadok]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 3. P. 128–130.
20. Khazieva-Demirbash G. S., Biktagirova Z. A. Personal names in the Tatar and Turkish proverbs and sayings [Lichnye imena v tatarskikh i turetskikh poslovitsakh i pogovorkakh]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki.* 2012. № 2 (40). P. 271–274.
21. Shchetinin L. M. *Slova, imena, veshchi. Ocherki ob imenakh* [Words, names, things. Sketches about Names]. Rostov-na-Donu, 1966. 119 p.
22. Kaşgarlı M. Divanü Lügat-it- Türk. Çev. B. Atalay. Çilt 4. Ankara, 2006. 530 p.
23. Reichl K. Türk Boylarının destanları. Çev. Metin Ekici. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2002. 441 p.

Поступила в редакцию 12.11.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 83–87 **Филологические науки** **2016**

УДК 81-114.2

ВЭНЬЧУН ЛЮ
аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)
248055730@qq.com

МАТРИЦЫ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ СТРУКТУР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рассматривается своеобразие функционирования устойчивых словесных комплексов в профессиональном дискурсе спортсменов. Поскольку в спортивной сфере, как и в других областях применения языка «for special purposes», складывается определенная терминосистема, необходимо проанализировать специфику неоднословных единиц в терминологии. Лингвисты называют их составными терминами или номенклатурными наименованиями. Подобные единицы систематизированы в терминологических словарях и справочниках и находятся на периферии фразеологии. Универсальность этих единиц и способность к трансформации позволили нам выделить особый способ их структурной организации – матрицы. Матричные структуры являются мобильными и оптимально соответствующими задачам общения специалистов, владеющих спортивной терминологией. Под матрицей мы понимаем стереотипную речевую структуру, предполагающую возможность замены компонента (компонентов). Чаще всего это двучленная структура с подчинительными отношениями между компонентами, один из которых (как правило, главный) является неизменным, опорным, а второй варьируется. В статье обосновывается релевантность метатермина матрицы на фоне таких номинаций, как речевые клише, клишированные конструкции, вербальные стереотипы, речевые стереотипы. Описываются признаки структур, удовлетворяющих понятию «матрица». Анализируются пределы варьирования матриц в спортивном дискурсе. Разрабатывается типология матричных структур с учетом грамматической характеристики компонентов, количественного состава, возможностей модификации «правого» или «левого» члена.

Ключевые слова: вербальные стереотипы, клишированные конструкции, речевые клише, речевые стереотипы

В последние десятилетия в лингвистической науке возрос интерес к изучению профессиональных дискурсов, в том числе спортивного, который рассматривается как один из институциональных, например, в работах А. Б. Зильберта [4], А. А. Игнатьевой [5] и др. Спортивный дискурс исследователи определяют как «современный социокультурный конструкт… совокупность коммуникативных практик, обслуживающих институт спорта» [8: 198].

Внимание к профессиональным дискурсам предполагает описание языковых особенностей той сферы общения, которая требует специальных знаний, профессиональной подготовки. Возникла номинация *language for special purposes (LSP)*, которая подразумевает общение в регистре «специалист – специалист». Признается, что для носителей (потребителей) данного языка необходимым качеством становится «владение понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности и соответствующей ему системой терминов» [10: 172], причем совмещение понятий «специальный язык» и «терминология» весьма обоснованно, так как именно термины являются носителями специальной информации [10: 170].

Проблема статуса неоднословных устойчивых единиц в профессиональном дискурсе решается лингвистами неоднозначно. Полагают, что целесообразно выделять специальные терминологические сочетания слов, или составные термины, которые находятся в периферийной зоне общеязыковой фразеологии. Составные наименования терминологического характера сходны с собственно фразеологизмами (идиомами) целостностью семантики и синтаксической роли, но, в отличие от последних, являются чисто номинативными единицами, не наделенными образностью, хотя способными ее развивать в процессе семантических преобразований (*кесарево сечение, белый гриб, вопросительный знак, политическая экономия*)[1]. Некоторые ученые (например, А. В. Жуков, К. А. Жуков [2]) разграничивают составные термины и номенклатурные наименования типа *ассоциация коммерческих организаций, банковские операции, враг народа* и т. п. по принципу «проверки на дефинитивность»: термин поддается строго научному или правовому определению [10: 282]. Известный исследователь терминологии В. П. Даниленко предлагает различать свободные терминологические сочетания, где каждый из составляющих элементов можно считать термином, и несвободные (связанные) сочетания, которые являются термином в целом [1: 8–9].

В профессиональной сфере составные термины своеобразны не только по семантике, но и по своей структурной организации. Следовательно,

© Лю В., 2016

необходимы адекватные метаязыковые обозначения для характеристики неоднословных устойчивых единиц в специальной области использования, не обязательно являющихся фразеологизмами.

Вербальные стереотипы – термин, пришедший из психологии и обозначающий «шаблонные фразы, часто используемые в рекламе, PR и СМИ утверждения, которые в силу своей высокой частотности хорошо известны, узнаются аудиторией, легко вспоминаются при получении новых информационных посланий»[2]. Как правило, их употребление соответствует принципу «здесь и сейчас»: *социалистическое соревнование, партийное руководство, молодые реформаторы.* Они играют роль «психологических хлопушек»: *по ценам производителя, звоните немедленно, высокое качество.* Исследователи полагают, что использование вербальных стереотипов соответствует прагматической или даже волюнтативной функции языка[3].

Понятие ***речевых стереотипов*** связано с такими областями науки, как этнолингвистика и когнитивная лингвистика, где речевые стереотипы осознаются как устойчивые воспроизводимые ментальные образования, соответствующие определенной (национальной) картине мира. Употребляется данное понятие также в психолингвистике и социолингвистике в связи с представлениями о норме, обычае, ритуале, традиции [7: 295]. Таким образом, речевые стереотипы – это набор типовых представлений, «культурных схем», отражающих действительность. Под речевыми стереотипами часто подразумеваются этикетные формулы [7], знаки привлечения внимания в зачине диалогов [11] и т. п. Основной функцией речевых стереотипов считается фатическая функция. Речевые стереотипы описываются на материале разных языков в связи с ролью в диалогическом дискурсе. Необходимо отметить, что, по мнению исследователей, речевыми стереотипами надо считать не только словосочетания или сочетания слов, но и предикативные структуры, а также отдельные слова [3]. При анализе речевых стереотипов внимание сосредоточивается на семантике языковых единиц, поскольку **стереотип**, в отличие от **модели** как внешней формы или способа формального построения единицы, «является частью значения, которое отвечает распространенному в обществе мнению о предмете» [3: 8]. И наоборот, термин ***клишированные конструкции*** обращен к внешней стороне устойчивых языковых единиц. Ученые описывают, главным образом, синтаксическую организацию клишированных конструкций, полагая, что их устойчивость связана не с семантическим содержанием или лексическим составом, а именно со способом формальной организации, структурными схемами таких единиц. Отмечается, что они используются «для поддержания коммуникативной заинтересованности собеседников, активизации внимания и пробуждения интереса к теме разговора и участникам общения» [9: 75] и часто встречаются в разговорной речи, например: *Смеху-то!; Что правда – то правда!* и т. д. [9: 80].

Метатермин ***речевые клише*** также подразумевает стандартные образцы построения, типовые схемы тех или иных единиц. Энциклопедия «Кругосвет» приводит в качестве синонимичных к *речевым клише* термины *штампы, групповые шаблоны* и т. д.[4]

Ранее в своих работах мы обращались к проблемам метаязыкового описания устойчивых языковых структур в профессиональной речи и пришли к выводам, что «используемые в лингвистических исследованиях метатермины не соответствуют безоговорочно такому объекту описания, как устойчивые сочетания слов, в профессиональной сфере спорта в силу разных причин:

- они не охватывают всего объема понятия, ассоциируясь либо с семантикой, либо с внешней формой единиц;
- метатермины могут употребляться, главным образом, для характеристики единиц не лексического яруса языка, а других языковых уровней;
- применяются относительно выполнения устойчивыми сочетаниями определенных функций в языке и речи;
- некоторые метатермины подразумевают не только неоднословные наименования, но и единичные лексемы» [6].

Объект нашего анализа – устойчивые неоднословные наименования, или устойчивые словесные комплексы (УСК), которые зафиксированы в специальных терминологических словарях. Источником материала послужило издание «Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов», составленное Ф. П. Сусловым и Д. А. Тышлером[5]. Словарь по типу является специальным справочником и содержит около 9500 наиболее употребительных терминов различных видов спорта и спортивной сферы в целом. В нем широко представлены неоднословные наименования, и, поскольку каждый термин, по договоренности, воспроизводим, любое такое наименование мы рассматриваем как устойчивое.

В профессиональном спортивном дискурсе нами впервые выделен особый тип УСК – матричные структуры, или матрицы.

Термин ***матрица*** как синонимичный словам *образец, модель, шаблон, форма* употребляется, главным образом, в издательском деле, программировании, технике, искусстве; в языкознании применяется для характеристики методики Н. Ф. Замяткина при изучении иностранных языков. В «Новейшем большом толковом словаре русского языка» с пометой «книжн.» приводится значение ‘общая основа, схема чего-л.’[6]. Таким образом, в прямом значении слово *матрица* связано с понятиями копии, стереотипа. Под

матрицей мы понимаем стереотипную речевую структуру, предполагающую возможность замены компонента (компонентов). Чаще всего это двучленная структура с подчинительными отношениями между компонентами, один из которых (как правило, главный) является неизменным, опорным, а второй варьируется: *тяжелая / легкая* ***атлетика***, ***атака*** *с выпадом / с задержкой,* ***полушпагат*** *правой / левой,* ***сектор*** *для метаний / для прыжков, командные / лично-командные / личные* ***соревнования***, ***яма*** *белковая / углеводная.*

Отметим, что *матричными структурами* могут называться не любые устойчивые образования, построенные по одной модели, хотя стереотипность и вариативность – это основные признаки. Существуют и дополнительные условия, удовлетворяющие статусу матричных УСК:

- варьирующиеся элементы должны быть одноуровневыми по семантике (например, ***автогонки*** *дорожные* и *режимные* не могут образовывать матрицу, поскольку *режимные* гонки являются разновидностью *дорожных*, то есть соотносятся как вид и род);
- компоненты должны быть также однопорядковыми, относиться к одной семантической сфере (например, термины ***яхта*** *гоночная* и *килевая* обозначают разнопорядковые явления, поскольку первый связан с назначением, а второй – с особенностями устройства);
- уточняя предыдущий пункт, надо добавить, что термины должны иметь отношение к одному виду спорта, одной спортивной дисциплине, так как терминология спорта характеризуется многозначностью (так, ***прыжок*** *касаясь* – элемент художественной гимнастики, а ***прыжок*** *согнувшись* – опорный прыжок через коня).

В границах матрицы возможны различные виды отношений между варьирующимися компонентами: дифференциальные (***шашки*** *английские / бразильские / голландские / итальянские / канадские / русские / французские*), синонимические (***ветер*** *вымпельный* и ***ветер*** *кажущийся* – ‘воздушный поток относительно двигающегося объекта’), антонимические (*верхняя / нижняя* ***позиция***; ***оценочное число*** *белых / черных*); иногда возникают комбинации разных отношений (***брусья*** *женские (разновысокие) / мужские (параллельные)*).

Однако при отнесении того или иного термина к матричным структурам могут возникать вопросы. Дальнейшему осмыслению подлежат (1) конструкции, в которых варьируется компонент вторичного подчинения типа ***вдох пловца*** *в обе стороны / в одну сторону,* ***подъем*** *скользящим шагом / ступающим шагом,* ***бой*** *на ближней дистанции / на дальней дистанции,* ***атака*** *со второй / с первой позиции*; (2) целесообразность отнесения к матричным структурам многокомпонентных конструкций с разной степенью дифференцированности (***вертикаль*** *из горизонтального угла, вращение на 180 градусов;* ***вертикаль*** *из группировки, шпагат, открытое вращение на 360 градусов*); (3) переходные между сложносоставными словами и сочетаниями слов паратактические конструкции (*бокс-****аэробика****, йорг-****аэробика****, пумп-****аэробика****, слайд-****аэробика****, степ-****аэробика***; *гери-****вадза****, каге-****вадза****, тэ-****вадза****, укэ-****вадза****, ути-****вадза****, цуки-****вадза*** и т. п.); (4) возможность выделения матриц, в которых варьируется не зависимый с точки зрения подчинительных отношений, а главный компонент (***горная*** *адаптация –* ***горная*** *акклиматизация*).

Классификация матричных структур в терминологии требует учета формально-грамматического выражения и, в зависимости от указанного основания, возможности варьирования «правого» или «левого» члена, а также количества варьирующихся компонентов. Среди спортивных терминов заметно преобладание субстантивных и субстантивно-атрибутивных матричных структур. В настоящей статье мы описываем три наиболее распространенных типа матриц, составляющие основу классификации.

1. Матрицы, построенные по образцу $\mathbf{N_1}$А (опорный компонент – существительное в начальной форме, варьирующийся – прилагательное или другое слово в атрибутивной функции). Данный тип имеет множество реализаций. Так, в шахматном спорте используются матричные УСК ***фигуры*** *легкие* – общее название для слонов и коней – и ***фигуры*** *тяжелые* – общее название для ферзя и ладей; см. также: ***баллистика*** *внешняя / внутренняя,* ***кроль*** *австралийский / американский,* ***отбивы*** *активные / пассивные* и т. д. С учетом прямого порядка слов в словосочетаниях подобного типа варьируется почти всегда «левый» компонент – зависимый атрибутив. Количество варьирующихся элементов – от 2 до 13. Большое число взаимозаменяемых членов связано, как правило, с перечислением национальной, локальной или локально-временной специфики спорта, например: ***защита*** *индийская / киевская / новоиндийская / новокиевская / новоленинградская / польская / сицилианская / скандинавская / славянская / староиндийская*. В некоторых случаях опорный компонент представляет собой не одиночный субстантив, а субстантивное или субстантивно-атрибутивное сочетание: *воздушные / наземные* ***канатные дороги***, ***вращение мяча*** *верхнее / нижнее,* ***выпрямление рук*** *полное / неполное, защищающаяся / нападающая* ***команда в бейсболе***, ***конькобежная дорожка*** *внешняя / внутренняя,* ***борьба национальная*** *грузинская / иранская / казахская / киргизская / молдавская / русская / таджикская / татарская / турецкая / туркменская / узбекская / якутская / японская.*

2. Образец $\mathbf{N_1}N_n$ предполагает сочетание двух субстантивов, при этом зависимый компонент употреблен в форме косвенного падежа, предложной или беспредложной: ***атака*** *с выпадом /*

с задержкой, ***броски*** *руками / ногами,* ***бросок*** *наклоном / поворотом / подворотом / прогибом,* ***владение*** *мячом / шайбой,* ***восьмерка*** *со скобками / с петлями / с тройками,* ***вход*** *в вираж / в поворот,* ***выбивание*** *мяча / шайбы,* ***гребля*** *на байдарках / на каноэ,* ***гит*** *с места / с ходу,* ***гора*** *приземления / разгона* и т. д. Опорным компонентом в большинстве случаев является отглагольное существительное или субстантивное словосочетание с главным словом – отглагольным существительным, например ***выбор места*** *на поле / на площадке,* ***ныряние способом*** *брасс / кроль,* ***несение копья*** *над плечом / под плечом*. Опорным компонентом может быть и субстантивно-атрибутивное сочетание. Заметим, что падежные формы меняющегося элемента, выбор которых определяется опорным компонентом, могут отличаться в совокупности с предлогом: ***двойка распашная*** *без рулевого / с рулевым*. В матричных структурах второго типа варьируется всегда «правый» компонент. Количество варьируемых компонентов различно, оно резко возрастает в тех случаях, когда зависимый элемент – имя собственное, обычно в родительном падеже, называющее того, кто первым выполнил или придумал, открыл что-то в спорте, с чьим именем связано данное понятие, причем фамилии могут быть двойными, например: ***гамбит*** *Блэкмара – Димера / Блюменфельда / Гампе – Альгайера / Геринга / Кукуева / Стаунтона / Стейница / Фрома / Эванса / Энглунда,* ***дебют*** *Андерсена / Берда / Ван Круйса / Ларсена / Нимцовича / Рафаэля / Рети / Фабра,* ***игра*** *Блиндера / Боброва / Бодянского / Дьячкова / Каулена / Медкова / Петрова / Романычева / Филиппова / Шмульяна* и т. п. Наибольшее число взаимозаменяемых компонентов в конструкциях такого типа – 10.

3. Модель **N**Adv. Опорный компонент представлен существительным (в большинстве случаев отглагольным), варьирующийся – наречием, в том числе адвербализованным деепричастием: ***борьба*** *лежа / стоя,* ***вис*** *прогнувшись / согнувшись,* ***движение*** *внутрь / вперед / кнаружи / назад,* ***перемах*** *вправо / влево,* ***размен*** *вперед / назад* и проч. Взаимозаменяется всегда «правый» элемент. Распространяться могут оба компонента матрицы, например: ***вис горизонтальный*** *боком / сзади,* ***захват шеи из-под плеча*** *изнутри / снаружи,* ***кувырок через плечо*** *вперед / назад,* ***кувырок вперед*** *согнувшись / прогнувшись,* ***оборот вперед*** *прогнувшись / согнувшись,* ***выкрюк*** *вперед – внутрь / вперед – внутрь – назад – внутрь / вперед – наружу / вперед – наружу – назад – наружу / назад – внутрь / назад – наружу,* ***крюк*** *вперед – внутрь / вперед – наружу / назад – внутрь / назад / наружу* и т. д. Максимальное число варьирующихся компонентов в нашем материале – 6.

Существуют и другие модели терминологических матриц в сфере профессионального общения спортсменов, однако мы ограничились здесь описанием наиболее показательных структур, чтобы раскрыть сущность анализируемого явления.

Итак, нами выделены и обоснованы матричные структуры как особый тип УСК в спортивной терминологии. Разработана классификация матричных структур с учетом грамматической характеристики компонентов, количественного состава, возможностей модификации «правого» или «левого» члена. Как показывают наши наблюдения, сходные структуры обнаруживаются не только в терминосистеме спорта (отношения «специалист – специалист»), но и в массмедийном представлении спортивных событий («специалист – неспециалист»). Более свободное употребление языковых средств в СМИ делает возможным варьирование разных компонентов УСК, как главного, так и зависимого, например: ***бороться за / завоевывать*** *золото / золотую медаль / золотую награду / медаль высшей пробы / серебро / серебряную медаль / серебряную награду / бронзу / бронзовую медаль / бронзовую награду,* ***хозяева / хозяйки / гости*** *площадки / ринга / паркета / татами* и т. д. Однако этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения.

Поскольку матрицы являются мобильными и оптимально соответствующими задачам общения специалистов, владеющих соответствующей терминологией, можно предположить, что подобные устойчивые структуры используются и в других видах профессионального дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. С. 64.

[2] Вербальные стереотипы // Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_psy/Verbalnye-Stereotipy-4500.html (дата обращения 20.05.2016).

[3] Там же.

[4] Клише речевые // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KLISHE_RECHEVIE.html (дата обращения 20.05.2016).

[5] Терминология спорта: Толковый словарь спортивных терминов. Около 9500 терминов / Сост. Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 480 с.

[6] Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. С. 525.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниленко В. П. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. М.: Наука, 1972. С. 5–32.
2. Жуков А. В., Жуков К. А. О фразеологизмах и смежных явлениях // Русский язык в школе. 2013. № 5. С. 80–84.

3. Загидулина Р. Г. Речевые стереотипы как связующие элементы диалогического дискурса во французском языке: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 174 с.
4. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 103–112.
5. Игнатьева А. А. О некоторых особенностях спортивного дискурса и о пересечении его с масс-медийным // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. Электронный журнал. Февраль 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik.kuzspa.ru/articles/30/ (дата обращения 21.05.2016).
6. Климас И. С., Лю В. Проблемы метаязыкового описания устойчивых сочетаний слов в профессиональной речи (на материале сферы спорта) // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 1 (33). Т. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scientific-notes.ru/pdf/038-014.pdf (дата обращения 21.05.2016).
7. Королькова И. А. Речевые стереотипы в языковом этикете английского и русского языков // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 293–295.
8. Кудрин С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: Дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 212 с.
9. Культура русской речи / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА • М., 1998. 560 с.
10. Современный русский литературный язык / Под ред. В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 916 с.
11. Тетакаева Л. М. Речевые стереотипы привлечения внимания в зачине диалога в современном английском языке // Успехи современного естествознания. 2005. № 1. С. 70–71.

V. Liu, Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

MATRIXES AS VARIATIONS OF STEADY STRUCTURES IN PROFESSIONAL TERMINOLOGY OF ATHLETES

Originality of the function of steady verbal complexes employed by athletes in their professional discourse is considered in the article. A distinguished system of terminology normally develops in special areas of life where the language "for special purposes" is used; therefore, it is necessary to analyze specifics of the compound verbal units inherent to special terminology. Linguists call them compound terms or nomenclature names. Similar units are systematized in terminological dictionaries and reference books and are found on the periphery of phraseology. Universality of these units and their transformation ability allowed us to distinguish a particular way of their structural organization – a matrix. Matrix structures are rather mobile and optimally meet communication needs of multiple experts. In our research the category of *matrix* is understood as a stereotypic speech structure allowing replacement of its compounds (components). Most often it is a binomial structure with subordinate relations between components. One of the components (the main one as a rule) is invariable, or basic, and the second one can vary. The relevance of the meta term *matrix* against such nominations as *speech clichés, clichéd designs, verbal stereotypes, speech stereotypes* is substantiated in the article. Characteristic features of the structures meeting the concept of the *matrix* in focus are described. Limits of the matrix variations met in the athletic discourse are analyzed. The typology of matrix structures with grammatical characteristics of components, quantitative structures, opportunities of modification of the "right" or "left" member is developed.

Key words: verbal stereotypes, clichéd designs, matrixes, speech clichés, speech stereotypes

REFERENCES

1. Danilenko V. P. Linguistic requirements for standardized terminology [Lingvisticheskie trebovaniya k standartizuemoy terminologii]. *Terminologiya i norma. O yazyke terminologicheskikh standartov.* Moscow, Nauka Publ., 1972. P. 5–32.
2. Zhukov A. V., Zhukov K. A. About the idioms and the closely related phenomena [O frazeologizmakh i smezhnykh yavleniyakh]. *Russkiy yazyk v shkole.* 2013. № 5. P. 80–84.
3. Zagidulina R. G. *Rechevye stereotipy kak svyazuyushchie elementy dialogicheskogo diskursa vo frantsuzskom yazyke: Dis. ... kand. filol. nauk* [Speech stereotypes as connecting elements in the dialogue discourse of the French language]. St. Petersburg, 2005. 174 p.
4. Zil'bert A. B. Athletic discourse: intersection point with other discourses. (problems of intertextuality) [Sportivnyy diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya.* Moscow, 2001. Issue 19. P. 103–112.
5. Ignat'eva A. A. About some characteristics of the athletic discourse and its intersection with the mass media discourse. [O nekotorykh osobennostyakh sportivnogo diskursa i o peresechenii ego s mass-mediynym]. *Vestnik Kuzbasskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii.* Available at: http://vestnik.kuzspa.ru/articles/30/ (accessed 21.05.2016).
6. Klimas I. S., Lyu V. The problems of metalinguistic description of stable word-combinations in professional speech (based on the materials of the sphere of sport). [Problemy metayazykovogo opisaniya ustoychivykh sochetaniy slov v professional'noy rechi (na materiale sfery sporta)]. *Uchenye zapiski: Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015. № 1 (33). Vol. 1. Available at: http://scientific-notes.ru/pdf/038-014.pdf (accessed 21.05.2016).
7. Korol'kova I. A. Speech stereotypes in the linguistic etiquette of the English and Russian languages [Rechevye stereotipy v yazykovom etikete angliyskogo i russkogo yazykov]. *Molodoy uchenyy.* 2012. № 5. P. 293–295.
8. Kudrin S. A. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdayushchie modeli: Dis. ... kand. filol. nauk* [Basic metaphor of sports discourse as text-generating pattern. PhD. philol. sci.diss.]. Moscow, 2011. 212 p.
9. *Kul'tura russkoy rechi* [The culture of Russian speech]. Pod red. L. K. Graudinoy i E. N. Shiryaeva. Moscow, NORMA – INFRA • M Publ., 1998. 560 p.
10. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Modern Russian literary language]. Pod red. V. G. Kostomarova, V. I. Maksimova. Moscow, Yurayt Publ., 2010. 916 p.
11. Tetakaeva L. M. Speech stereotypes of attracting attention at the beginning of the dialogue in contemporary English [Rechevye stereotipy privlecheniya vnimaniya v zachine dialoga v sovremennom angliyskom yazyke.]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya.* 2005. № 1. P. 70–71.

Поступила в редакцию 21.03.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 88–94 **Филологические науки** **2016**

УДК 398.95; 801.81

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
n.drannikova@narfu.ru

«КАПИТАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»: К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ПАТРАКЕЕВКИ ПРИМОРСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

Цель статьи – раскрыть особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области на основе полевых материалов, полученных за время фольклорно-этнографической экспедиции Северного (Арктического) федерального университета в это село. На самосознание местного сообщества оказало влияние занятие традиционными морскими промыслами. Хорошо сохранившаяся историко-культурная память является составной частью локальной идентичности ее жителей. Наше исследование позволило сделать вывод о том, что этнокультурная традиция деревни Патракеевки представляет собой локальный тип поморской культуры.

Ключевые слова: локальная идентификация, Патракеевка, Белое море, поморы, устный рассказ

Финский исследователь Л. Хонко писал, что для современной науки необходима новая методология изучения культуры [21]. Методологии, которые подходят для изучения устойчивых крестьянских культур, плохо отвечают ситуации постиндустриального общества. Эту методологическую проблему помогает решить изучение культурной идентичности местных сообществ. Впервые на то, что фольклор является одним из важных источников для изучения идентичности, обратил внимание А. Дандес [20].

Цель статьи – исследование особенностей локальной идентичности населения, проживающего в с. Патракеевке Приморского района Архангельской области. Исследование проводилось на основе полевых материалов, полученных в результате фольклорно-этнографической экспедиции Северного (Арктического) федерального университета в 2015 году в это село (ФА САФУ. П. 615). Они представляют собой «полевые» диалоги собирателя и респондента, включающие в себя самоописания традиции. За время экспедиции было опрошено 30 местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет, записано 30 аудиочасов.

В статье мы используем термины: традиция, локальная идентичность, культурный ареал, локальная микрогруппа, устный рассказ. Л. Хонко характеризует понятие «традиция» как более широкое, чем культурная идентичность. Идентичность он относит к понятию второго порядка и рассматривает ее как часть коллективной традиции, выделенной из нее, чтобы представлять группу в культурной коммуникации [21]. Локальная идентичность (далее – ЛИ) – идентификация человека с местом своего проживания. Понятие «культурный ареал» используется в науке для обозначения географического района распространения близких артефактов и культурных явлений. Население одной деревни или села мы считаем возможным называть локальной микрогруппой, так как оно представляет собой специфическое культурное пространство с особым самосознанием [5: 30].

К. В. Чистов подчеркивал трудности выделения устного рассказа из обыденной речи [19]. Наряду с речевыми жанрами мы используем фольклористическую жанровую классификацию. В частности, это термин «предание», который мы понимаем как текст, референт которого относится к прошлому.

Идентичность населения, проживающего по побережью Белого моря, лишь недавно стала темой научного исследования. О ЛИ жителей села Койды Мезенского района Архангельской области (Зимний берег Белого моря) писала Н. В. Дранникова [6], [9]; Кандалашского берега – И. А. Разумова [11]. Социологи П. Л. Крупкин и С. Д. Лебедев выделяют следующие структурные элементы коллективной идентичности (далее – КИ): 1) базовые элементы – центральное место, представление о локальной географии; 2) ценности – боги – святыни; 3) ритуалы поддержания идентичности; 4) вклад участников материальный или символический. В своей работе мы опираемся на концепцию КИ, предложенную этими исследователями [13].

Прежде чем перейти к изложению материала, дадим краткую историко-географическую справку населенному пункту, в котором проводилось исследование. Патракеевка находится на Зимнем берегу Белого моря, в 70 километрах от Архангельска и расположена на берегах реки Мудьюги. В настоящее время она состоит из 5 деревень: Верховье, Кушкушара, Наволок, Горка,

© Дранникова Н. В., 2016

Патракеевка. В 3 километрах от нее находится д. Кадь, в 25 – д. Куя и Козлы. Нам не удалось найти указания на точную дату появления этого села. Исследователи сходятся во мнении, что Патракеевская волость, ранее именуемая Мудьюжской, сформировалась в XVI веке [14: 146]. Как и другие населенные пункты, расположенные на побережье Белого моря, она имеет промысловый тип хозяйствования и культуры. Мудьюжская волость была одной из самых богатых в Архангельской губернии. Основными занятиями ее жителей являлись морские промыслы, рыболовство, мореплавание и судоходство. Жители Патракеевки регулярно ходили на своих судах для торговли в Норвегию. Несмотря на то что церковно-приходские школы в Архангельской губернии стали появляться лишь в конце XIX века, среди жителей Патракеевки уже в середине XIX века было много грамотных. Ее население было заинтересовано в том, чтобы дети получили образование и в дальнейшем могли служить лоцманами, поэтому в 1841 году здесь было открыто шкиперское училище. В 1933 году в Патракеевке был образован рыболовецкий колхоз. В 1990-е годы новая социально-экономическая ситуация в стране сильно понизила его статус.

Общее культурное поле, создающееся внутри местного сообщества в процессе его функционирования, является сильным объединяющим фактором. Уровень самоидентификации патракеевского сообщества и осознания им своего села как непохожего на другие оказался довольно высоким. На самосознание локальной микрогруппы оказало влияние занятие традиционными морскими промыслами. Все жители Патракеевки считают себя поморами. Их ЛИ тесно связана с воспоминаниями о морских промыслах. Point этих рассказов относится к 1950–2000-м годам. В 2007 году промысел был официально запрещен государством. Кроме того, воспоминания включают в себя устные рассказы о дореволюционном прошлом села, например рассказы о том, что раньше во время путины гибло много зверобоев, что льдины с промышленниками уносило в Белое море, и т. п. Жители села хорошо знают о различных подходах/*походах* рыбы (семги, сига и селедки), которые были приурочены к календарным праздникам. В связи с тем что лов рыбы и зверя не прекращался в советский период, в селе хорошо сохранился промысловый календарь. К календарным праздникам в Патракеевке до 1920-х годов были приурочены плавания торговых судов в Норвегию, которые в Духов день уходили из Архангельска в Норвегию и до Семенова дня (1/14 сентября) возвращались обратно.

Жители Патракеевки с гордостью называют свое село *капитанской деревней* и утверждают, что только в 1960–1980-е годы в г. Мурманске проживало 40 капитанов – уроженцев этой деревни.

Очень много капитанов вышло отсюда. Копыловы, Бурковы, Копытовы, Стрелковы – очень много капитанов. Сейчас вот – Антуфьев. Это самое, как его, Валера Фунников. Все вот это капитаны. Это теперешние, а ранишние – Лапин, мой отец – капитан, Стрелковы – из Кади, а потом Антуфьевы – с Патракеевки (Т. А. Копытова, 1947 г. р.).

Формулы «очень много капитанов», «вот это капитаны» исполнительница произнесла в течение беседы несколько раз, что усиливает достоверность ее рассказа. В последние десятилетия появилось еще одно перифрастическое наименование Патракеевки – «Патракеевка – родина капитанов и моряков», интертекстуально связанное с книгой Г. Д. Буркова «Патракеевка – село поморское, родина капитанов» [2].

Одной из особенностей ЛИ жителей Патракеевки является их представление о своей культурной близости к жителям г. Архангельска. Местное сообщество относит архангелогородцев к категории «своих»*: «Архангельск, Соломбала и Патракеевка – одно целое»,* – говорят они. Соломбала – островная часть г. Архангельска, поздно вошедшая в его состав. Приводя доказательства этому, они отмечают близость местонахождения Патракеевки от Архангельска: *«Ездили на карбас'ах (карбас* – большая лодка с высокими бортами, использующаяся в морском и речном транспорте для рыбного промысла и перевозки грузов. *– Н. Д.) с самоварами из Патракеевки в Соломбалу».* В качестве самоназваний жители Патракеевки и Архангельска используют одно и то же локально-групповое прозвище (далее – ЛГП) – *трескоеды.* Его существование свидетельствует о развитой ЛИ микрогруппы. Происхождение данного ЛГП наши респонденты объясняют тем, что треска – любимая еда местных жителей, роль которой была особенно велика в голодные военные годы. Второй вариант объяснения его происхождения связан с участием местных жителей в мурманском тресковом промысле. Кроме архангелогородцев, к «своим» патракеевцы относят сообщества соседних деревень Лапоминки, Поборки, Лодьмы, Ижмы. Территория этих населенных пунктов, включая г. Архангельск и его островную часть Соломбалу, д. Кую и Козлы, о которых мы писали выше, образует культурный микроареал. Между жителями этих населенных пунктов заключались браки. Территория, на которой они расположены, представляет собой зону распространения определенных локальных культурных типов и черт, связанных с морскими промыслами. Жители Патракеевки хорошо знают ЛГП и присловья данных населенных пунктов.

Одним из факторов, актуализирующих идентичность, является возможность межгруппового сравнения, которое представляет основание для оценивания «своей» и «чужой» группы.

Стереотип «чужого» способствует установлению собственной ЛИ. Жителей поморских деревень Койды и Ручьев, которые находятся в 170 километрах от Патракеевки на территории Мезенского района Архангельской области, к «своим» уже не относят, поэтому прозвищ их не знают.

Жители Патракеевки противопоставляют себя казакам. Они считают, что казакам жилось легче, чем поморам, так как они находились в более комфортных климатических условиях, что они отличаются самомнением и склонностью к буффонаде. Приоритет поморов над казаками, по утверждению местных жителей, заключается в том, что поморы осваивали Арктику, Сибирь и Аляску. К поморам они причисляют исследователей, путешественников, землепроходцев и завоевателей Сибири, Дальнего Востока и Аляски: уроженца г. Сольвычегодска Вологодской губернии Е. П. Хабарова, Великого Устюга – Семена Дежнева, завоевателя Сибири – Ермака Тимофеевича, уроженца г. Каргополя, основателя русских поселений на Аляске и ее первого губернатора А. А. Баранова. Доказывая свою правоту, один из наших рассказчиков вступил в риторический спор, в котором утверждал, что казаки не способны на подобные трудности и испытания: *«Какие казаки? Казак шел югом, я согласен. А здесь... Морем шли поморы! Фамилии-то наши»* (С. И. Бурков, 1947 г. р.).

Развитая фольклорно-речевая повествовательная традиция способствует становлению и поддержанию идентичности локальных групп. Хорошо сохранившаяся историко-культурная память является составной частью ЛИ жителей Патракеевки. Она объединяет группу и отличает ее от других. Среди наших записей есть устные рассказы об историческом прошлом деревни (об ее основании, о набегах норвежцев, о мореходах и судовладельцах, существовавших до революции связях с Норвегией, о старообрядцах, о спорах местных жителей с Соловецким монастырем из-за усолий, о посещении Соловецкого монастыря, о Гражданской войне и интервенции, о раскулачивании и др.). На формирование внутриобщинных культурных ценностей оказала влияние не только фольклорная традиция, но краеведческие и «экранные» источники [2], [4], [15].

«Воспоминания» о новгородском происхождении являются неотъемлемой частью ЛИ данного местного сообщества. По популярной версии, первопоселенцами Патракеевки были новгородцы, которые бежали сюда от *московского царя*, по другой версии, были высланы после присоединения Новгорода к Московскому княжеству в конце XV века. В местной традиции продолжает сохраняться деление фамилий на новгородские и московские, а новгородцы противопоставляются москвичам: *«А москвичей все побережье не любит – это сто процентов: и Летний берег, и Зимний берег, и мезенцы – никто их не любит, наверное, вся Россия их ненавидит. <…> Так они и не народ. Они же ниче не умеют, ну, буквально, дите малое – сопли распустят придут, гыца. <…>* (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Предания имеют коммуникативную установку на сообщение достоверной информации, поэтому мотивации и аргументы – обязательные структурные элементы таких текстов, выражающие их объективную модальность. Наши респонденты гордятся своим «новгородским» происхождением. Они наделяют предков-новгородцев такими чертами характера, как предприимчивость и свободолюбие. Эти же автостереотипы они используют по отношению к своей локальной микрогруппе. Они считают себя спокойными, рассудительными, честными, смелыми, трудолюбивыми, имеющими чувство собственного достоинства (*«а мы черносошные были, только государю подчинялись»*). В их самооценках подчеркивается экстремальность природных условий, в которых они живут, вызывающая постоянное напряжение и необходимость адаптации к ним.

Деревня осознает себя единым целым, произошедшим от трех братьев-первопоселенцев. Жители села хорошо знают их имена – Негодяй, Безбородый и Морозко. Они утверждают, что от их имен произошли местные фамилии Негодяевы, Безбородовы и Морозовы. В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской Епархии» за 1894 год в описании Мудьюжского прихода приводится запись фольклорного предания, сделанная в 1822 году местным священником Авениром Рожиным. Приведем его текст:

«Первыми поселенцами этой местности был, вероятно, чудской народ, впоследствии вытесненный отсюда новгородцами, бежавшими от справедливо заслуженного ими царского гнева Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича III. По устному преданию местных старожилов, занесенному в церковную памятную книгу в 1822 г., из бежавших новгородцев пришли на Мудьюгу реку три родные брата, причем некоторые из чудского народа согласились жить с ними, скрыв свои имена и прозвания. Когда же к ним стали присоединяться и другие пришельцы, то последовала перепись и трем сим братьям были даны прозвания: 1-му и старшему из них, не имеющему бороды, – Безбородый, 2-му по характеру – Морозов, 3-му – Негодяев. Братья сперва всеми почти землями владели совместно, но со времени ревизии пахотная и сенокосная земля разделена была по частям, и эти части стали называться по фамилиям своих владетелей: Безбородовскою, Морозовскою и Негодяевскою, как эти земли называются и доныне.

(Составлено местным священником Авениром Рожиным и редактировано священником Смирновым)»[1].

По второй версии, которая имеет меньшее распространение, первопоселенцы пришли на р. Мудьюгу из с. Орлецы – средневекового крупного поселения в Заволочье, которое располагается вверх по течению Северной Двины в 125 километрах от Архангельска. Здесь, по преданию, у них произошла стычка с чудью, которая после разгрома будто бы ушла за Урал (С. И. Бурков, 1947 г. р.). В фольклорной традиции совмещается два пласта знаний: первый об исторической родине первопоселенцев и второй – о последующих тесных контактах двинян и жителей Патракеевки. В народной прозе исторические фигуры Ивана III и Ивана Грозного объединяются в мифологическом образе царя Ивана, который разгромил Новгород и присоединил его к Москве, иногда его называют III, иногда Грозным.

Предание о братьях-первопоселенцах включает в себя мотив о встрече новгородцев с аборигенным населением – чудью. Подобные тексты имеют широкое распространение на Русском Севере. В основном они представлены сюжетом о борьбе новгородцев с чудью (Пинежский, Верхнетоемский, Коношский, Лешуконский, Вилегодский р-ны) [10]. Предания, подобные бытующим в Патракеевке, в которых основными элементами мотива являются ассимиляция или уход (бегство, отступление) чуди из данной местности в иные земли, распространены меньше.

Мотив о братьях-первопоселенцах имеет общероссийское бытование. Как отмечает Н. А. Криничная, на Севере этому способствовало «сохранение рудиментов родовых отношений, заселение территории родственными коллективами – патронимиями, распад большой патриархальной семьи» [12: 12]. Сюжет о двух братьях, которые строили деревню, перебрасывая топор с одного берега реки на другой, исследовал Ю. И. Смирнов [17]. Несмотря на то что некоторые из вариантов этого сюжета имеют «чудские» мотивы (например, предание о Кончаке), Ю. И. Смирнов, опираясь на корпус текстов, записанных в южных районах России, а также в Болгарии и Литве, убедительно доказал его славянское происхождение [17]. Устный рассказ о братьях-первопоселенцах, перебрасывающих топор друг другу, до сих пор существует в д. Валдеево Коношского района Архангельской области [8: 34].

В местном фольклорно-речевом дискурсе существует топонимическое предание о происхождении названия деревни от имени одного из крупнейших новгородских землевладельцев – купца Патракеева. Во время беседы наши информанты давали купцу оценки, на которые наложился советский идеологический контекст, связанный с отношением к богатству в период социализма: «*жадный, хитрый, льстивый такой*». По одной из версий, Патракеев оказался на берегу Белого моря во времена правления Марфы-посадницы (информант назвал ее *Софьей-посадницей*), по другой – бежал сюда уже после разгрома Новгорода Иваном Грозным. В переименовании знаменитой Марфы-посадницы чувствуется знание респондентом истории Русского государства. В этом фольклорном образе объединяются две фигуры – Марфы-посадницы и царевны Софьи. Во время правления последней произошел разгром старообрядчества.

В памяти местного населения сохранились рассказы о набегах скандинавов на население, проживающее по побережью Белого моря: «*Первые эти деревни были основаны Кадь и Верховье, потому что подальше от моря, боялись, наверно, всё-таки норвежцев этих самых, как тогда называли, норманны. Но мы-то, у нас-то, не норманны, а мурманы называли*» (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Мурманами в «Лаврентьевской летописи» названы норвежцы[2]. Г. Г. Фруменков писал: «Со второй половины XVI века начинаются систематические вторжения в Поморье иноземцев» [18: 18]. В названии жителей Скандинавии *норманнами* сказывается начитанность С. И. Буркова. Норма́нны – термин, использовавшийся жителями Западной Европы по отношению к скандинавам, опустошавшим с VIII по XI век морскими разбойничьими набегами государства Европы.

В устной традиции местного сообщества сохранились предания о старообрядцах. Нам встретились рассказы об их самосожжениях, организатором которых выступал уроженец соседней деревни Козлы Васька Козел. Рассказы включают в себя «формулы достоверности» – это указание на время, когда происходили самосожжения, и ссылки на предков: «*Это в конце семнадцатого, может, даже начала восемнадцатого века, точных дат нету, но, по воспоминаниям людским, этого Козла все помнят – недаром козлами обзывают плохих людей*» (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Достоверность событий рассказчик подтверждает, обращаясь к другим историческим фактам, в частности, он упоминает о существовании уже в то время города Архангельска, датой основания которого официально считается 1584 год: «*Тогда Архангельск был, так это стопроцентно семнадцатый век*». Для подтверждения истинности своего рассказа он ссылается на «людские воспоминания». В оценке прозвища Васьки проявляется отношение исполнителя к лидеру патракеевских старообрядцев, связанное с переоценкой роли старообрядчества в сознании местных жителей и с непониманием ими смысла самосожжений. Наименование «козел» в современной речевой практике имеет пейоративное значение, так называют подлых, неприятных людей. В данном рассказе Васька Козел выступает инициатором самосожжений, которых самому ему каждый раз удается избежать. В народной традиции козел считается нечистым животным, имеющим демоническую природу [1].

Устные рассказы о Соловках были распространены по всему Поморью [3]. Местные жители помнят о контактах, которые существовали между Соловецким монастырем и жителями поморских деревень [7]. Монахи часто «отнимали» солеварни у местного населения, что приводило к конфликтам. Сохранилось предание о ссоре между жителями Патракеевки и Соловецким монастырем из-за права владения солевым промыслом в д. Куе. К когнитивному контексту рассказа о ссоре с Соловецким монастырем относится пословица, включенная рассказчиком в его текст: «*Нагрешил много – так Соловкам отдал*». Она демонстрирует отношение исполнителя к монастырю как к институту, живущему за счет крестьянского труда. Замечание С. И. Буркова, характеризующее своих односельчан: «*Видимо, уже грамотные были, раз челобитные царю писали*», – свидетельствует о его гордости за своих земляков. Все рассказы включают в себя «формулы достоверности»: «*Это рассказывали мне, да, старые люди*». Достоверность повествования подтверждается с помощью повторов. Мотивации и аргументы – обязательные структурные элементы преданий. Повествование ведется с помощью паратаксиса, характерного для фольклорной речи.

Среди местных жителей хорошо сохранились воспоминания о Гражданской войне, интервенции и раскулачивании. На острове Мудьюг в 5 километрах от Патракеевки интервентами был создан концентрационный лагерь, отличавшийся своей жестокостью. В нем находилось много местных жителей, которые хорошо знали эти места, поэтому в 1919 году около 70 заключенным во главе с жителем Патракеевки П. П. Стрелковым удалось бежать из лагеря [16]. Сюжет о бегстве и последующей погоне часто встречается в сказочной прозе и носит фольклорно-авантюрный характер. Можно предположить, что отчасти поэтому он лучше, чем другие сюжеты, сохранился в устной традиции села. Достоверность рассказов подтверждается ссылками «на предков»: «*мама говорит*» и др.

К факторам, которые поддерживают и укрепляют локальную идентичность, относится наличие знаменитых земляков. К ним относят Ивана Рябова (Ивана Ермолаевича Седунова), повторившего подвиг Ивана Сусанина. Во время Северной войны в 1701 году он был захвачен в плен шведами, которые требовали от него показать проход для захвата Новодвинской крепости, вместо чего он посадил на мель под ее стенами два шведских корабля. К знаменитым землякам патракеевцы относят судовладельца Николая Ивановича Копытова, жившего в середине XIX века. Он имел первый в Архангельской губернии металлический траулер, купленный им в Англии. Не менее известен был судостроитель и судовладелец Игнатий Иванович Бурков (1861–1938), имевший свою судоходную компанию, конкурировавшую с «Архангельско-Мурманским срочным пароходством», расстрелянный в 1938 году; капитан ледокола «Садко», внесший значительный вклад в освоение Арктики и Северного морского пути, – Василий Николаевич Бурков; капитан первого научно-исследовательского судна «Персей» – Павел Ильич Бурков; участник арктической экспедиции В. А. Русанова, пропавшей в 1912 году, – Александр Спиридонович Чухчин и капитан промыслового флота, глава колхоза «Красное знамя», председатель Союза рыболовецких колхозов Архангельской области – Лев Михайлович Селянинов.

Подведем некоторые итоги. Материалы, полученные нами за время экспедиции, позволяют сделать вывод о том, что этнокультурная традиция деревни Патракеевки представляет собой локальный тип поморской культуры. Информанты с гордостью рассказывают об историческом прошлом своего села и хорошо знают его. Они имеют эндонимы-самоназвания, что свидетельствует о развитом локальном самосознании микрогруппы. Для регионального самосознания важно, что у села есть своя особая история и многовековой опыт развития в качестве культурного центра определенной территории. Патракеевка является центром культурного микроареала, в который, кроме нее, входят деревни Куя, Козлы, Кадь, Лапоминка, Поборка, Лодьма, Ижма. Жители Патракеевки имеют позитивную идентичность, они гордятся своими земляками, среди которых много капитанов, судостроителей и судовладельцев. Местные жители высоко ценят, что их предками являлись новгородцы и что на побережье Белого моря никогда не было крепостного права. Они считают своих предков свободолюбивыми, смелыми, предприимчивыми и независимыми людьми, гордятся тем, что их село было основано раньше, чем Архангельск, что у них были собственные солеварни и они имели больше судов, чем архангелогородцы, что первое моторное судно появилось в Патракеевке, что они были богаче, чем жители других поморских и «лесных» деревень, и имели более высокий культурный уровень, чем они, что здесь раньше, чем в других селах, появились школы, и Патракеевка являлась центром обучения мореплаванию, что местные жители принимали участие в арктических экспедициях и осваивали Сибирь. Жители Патракеевки обладают поморским самосознанием, которое формируется у сообществ, занимающихся морскими промыслами. Смысловой доминантой Патракеевки является представление местных жителей о ней как о селе, являющемся родиной мореплавателей и школой обучения мореплаванию всего Зимнего берега Белого моря.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-29002.

СОКРАЩЕНИЯ

ФА САФУ – фольклорный архив Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. С. 130.
[2] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926–1928.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О. В. Коза, козел // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Давать–Крошки. М., 1999. С. 522–524.
2. Бурков Г. Д. Патракеевка – село поморское, родина капитанов. М.; СПб.: ГеоГраф, 2005. 145 с.
3. Ведерникова Н. М., Никитина С. Е. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М.: Наследие, 2014. 320 с.
4. Горшков О. Е. Образы Пустоши и Патракеевки в экспозиционном пространстве «Музея народных промыслов и ремесел Приморья» (Архангельская область) // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. Вып. 8. С. 250–255.
5. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность. Жанровая система. Этнопоэтика. Архангельск, 2004. 432 с.
6. Дранникова Н. В. Роль фольклорно-речевых материалов в изучении локальной идентичности жителей Зимнего берега // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 40–46.
7. Дранникова Н. В. Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 49–57.
8. Дранникова Н. В. Фольклор Архангельского края (из материалов Лаборатории фольклора ПГУ). Архангельск, 1999. 3-е изд., стер. 80 с.
9. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы IV Междунар. школы молодого фольклориста (Архангельск, 6–8 июня 2002 г.). Архангельск, 2002. С. 83–92.
10. Дранникова Н. В. Чудь в устной традиции Архангельского Севера. Архангельск, 2008. 148 с. (Фольклор Севера: Материалы и исследования. Вып. 3).
11. История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой / Общ. ред. и вступ. ст. И. А. Разумовой; Подгот. текстов, сост. и коммент. О. В. Змеевой, И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 184 с.
12. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1991. 46 с.
13. Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–58.
14. Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск: Правда Севера, 1999. 574 с.
15. Попов Г. П., Семьин А. А., Бурков Г. Д. Мореходы Зимнего берега. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 394 с.
16. Рассказов П. П. Записки заключенного. Архангельск, 1952. 116 с.
17. Смирнов Ю. И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования 1997. М.: Индрик, 1998. С. 350–373.
18. Фрументков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1975. 181 с.
19. Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 6–31.
20. Dundes A. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.
21. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Drannikova N. V., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

"CAPTAIN'S VILLAGE": ON LOCAL IDENTITY OF PATRAKEEVKA VILLAGE INHABITANTS IN PRIMORSKY DISTRICT OF ARKHANGELSK REGION

The purpose of the article is to reveal characteristic features of the local identity of the people residing in Patrakeevka village located in Primorsky district of Arkhangelsk region. The study is based on the field data obtained during the folklore-ethnographic expedition of the Northern Arctic Federal University to the village. The local traditional fishing and sea hunting practices had a significant impact on the development of the self-identification image of the studied indigenous community. The well-preserved historical and cultural memory is an integral part of the local identity of the village inhabitants. Our research led to the conclusion that the ethnic and cultural traditions of the village residents can be characterized as a local type of Pomor culture.

Key words: local identification, Patrakeevka, White sea, Pomors, oral story

REFERENCES

1. Belova O. V. Goat [Koza, kozel]. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Vol. 2. Moscow, 1999. P. 522–524.
2. Burkov G. D. *Patrakeevka – selo pomorskoe, rodina kapitanov* [Patrakeevka – pomor village, captain's homeland]. Moscow, St. Petersburg, GeoGraf Publ., 2005. 145 p.
3. Vedernikova N. M., Nikitina S. E. *Solovki v pamyati pomorov (po materialam ekspeditsiy v Pomor'e)* [Solovki in Pomors' memory (based on the data from the expeditions to Pomorie)]. Moscow, Nasledie Publ., 2014. 320 p.
4. Gorshkov O. E. Images of Pustosh and Patrakeevka in the exhibition space of "Folk arts and crafts of Primorie Museum" (Arkhangelsk region) [Obrazy Pustoshi i Patrakeevki v ekspozitsionnom prostranstve "Muzeya narodnykh promyslov i remesel Primor'ya" (Arkhangel'skaya oblast')]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury*. Arkhangelsk, 2015. Issue 8. P. 250–255.
5. Drannikova N. V. *Lokal'no-gruppovye prozvishcha v traditsionnoy kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost'. Zhanrovaya sistema. Etnopoetika* [The local-group nicknames in the traditional culture of the Russian North. Functionality. Genre system. Ethnopoetics]. Arkhangelsk, 2004. 432 p.
6. Drannikova N. V. The role of folklore and speech evidence in studying local identification image of the White Sea Winter Coast inhabitants [Rol' fol'klorno-rechevykh materialov v izuchenii lokal'noy identichnosti zhiteley Zimnego berega]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2013. № 2. P. 40–46.
7. Drannikova N. V. Solovki in oral religious prose of Arkhangelsk citizens [Solovki v ustnoy religioznoy proze zhiteley goroda Arkhangel'ska]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2015. № 4 (60). P. 49–57.
8. Drannikova N. V. *Fol'klor Arkhangel'skogo kraya (iz materialov Laboratorii fol'klora PGU)* [Folklore of the Arkhangelsk Region (from achieves of the Pomor State University Laboratory of Folklore)]. Arkhangelsk, 1999. 3 edition. 80 p.
9. Drannikova N. V. Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa [Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy shkoly molodogo fol'klorista*. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92.
10. Drannikova N. V. *Chud' v ustnoy traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in folk tradition of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk, 2008. 148 p.
11. *Istoriya sem'i Zhidkikh na fone pomorskoy kul'tury: issledovanie i publikatsiya po materialam G. F. Beloshitskoy* [History of the Zhidkikih family on the background of Pomor culture: a study and publication on the base of the G.F. Beloshitskaya materials]. Razumova I. A. (Ed.) Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2013. 184 p.
12. Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian folk historical prose: questions of genesis and structure. Author's abst. PhD. filol. sci .diss]. Petrozavodsk, 1991. 46 p.
13. Krupkin P. L., Lebedev S. D. To the sacred grounds of local identities in contemporary Russia: the experience of structural analysis [K sakral'nym osnovaniyam lokal'nykh identichnostey v segodnyashney Rossii: opyt strukturnogo analiza]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 2013. № 4. P. 35–58.
14. Leont'ev A. I. *Zimnyaya storona* [Winter Edge]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 1999. 574 p.
15. Popov G. P., Sem'in A. A., Burkov G. D. *Morekhody Zimnego berega* [Winter shore sailors]. Ekaterinburg, 2007. 394 p.
16. Rasskazov P. P. *Zapiski zaklyuchennogo* [Prisoner notes]. Arkhangelsk, 1952. 116 p.
17. Smirnov Yu. I. Original inhabitants with a single ax [Pervozhiteli s edinstvennym toporom]. *Balto-slavyanskie issledovaniya 1997*. Moscow, Indrik Publ., 1998. P. 350–373.
18. Frumenkov G. G. *Solovetskiy monastyr' i oborona Belomor'ya* [Solovetzky Monastery and military defense of Belomor'e]. Arkhangelsk, SZKI Publ., 1975. 181 p.
19. Chistov K. V. Prosaic genres in folklore system [Prozaicheskie zhanry v sisteme fol'klora]. *Prozaicheskie zhanry fol'klora narodov SSSR*. Minsk, 1974. P. 6–31.
20. Dundes A. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.
21. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Поступила в редакцию 19.05.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 95–97 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.161

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
iz-irina@mail.ru

РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «О УБЬЕНЬИ БОРИСОВѢ»

Рассматриваются ритмические особенности летописной повести «О убьеньи Борисовѣ», которые обусловлены жанрово-композиционным построением повести и идейно-содержательной стороной произведения. Ритмический рисунок определен тремя темами: событийной основой, нравоучениями и молитвенным напевом, которые переданы при помощи различных лексико-грамматических средств. Обращение к синтаксическому параллелизму и стилистической симметрии, однотипным грамматическим формам и звуковым совпадениям лексем позволяет создать грамматическую рифмовку текста, отразить мелодичный характер повествования. Следование канону и использование образных возможностей русской речи определяют языковые особенности складывающегося на Руси агиографического жанра.

Ключевые слова: ритм, синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия, грамматическая рифма, звуковые совпадения, летописная повесть «О убьеньи Борисовѣ»

История русского летописания рассматривается с разных точек зрения в многочисленных специальных трудах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, М. Д. Приселкова, И. Н. Данилевского, И. С. Улуханова и других ученых. Неодинаковая интерпретация фактического материала и различная методика его анализа приводят к тому, что вопросы изучения русских летописей продолжают оставаться актуальными для исследователей. Большой интерес представляет ритмическая организация развивающегося в древнерусской литературе агиографического жанра. В цикл произведений, посвященных судьбе Бориса и Глеба, входят летописная повесть «О убьеньи Борисовѣ» 1015 года, «Чтеніе о житіи и погубленіи блаженную страстотръпицю Бориса и Глѣба» и «Сказаніе и страсть и похвала святюю мученику Бориса и Глеба». С опорой на труды по теории ритма М. Л. Гаспарова, М. М. Гришмана, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и других покажем, как древнерусская литературная традиция вырабатывает способы отражения мира, учитывая библейские приемы соотнесения действительности и ее литературного воплощения.

Сюжетно-образный строй повести «О убьеньи Борисовѣ» (Лаврентьевская летопись, 6523 год) [3] обусловлен агиографическим характером текста, посвященного князьям-страстотерпцам, а идейно-композиционное построение повести определяет многоплановый ритмический рисунок. В произведении закономерно чередуются фрагменты трех типов: событийный ряд представлен четким динамичным ритмом с нарастающей напряженностью (преступный умысел, известие о готовящемся заговоре, убийство князей, убийство слуги, дальнейшая судьба убиенных [4]); замедленное повествование получают нравоучительные вставки и фрагменты, передающие оценку душевного состояния и поступков героев (Святополка, Бориса, Глеба, слуги Бориса); ритмически плавные части текста определены молитвенным напевом псалмов и заключительной похвалой в честь Бориса и Глеба.

Заданность ритма связана не только с сюжетно-композиционной, смысловой стороной произведения, но и лексико-грамматическими средствами языка. Динамика сюжетной линии определена тем, что при описании череды событий используется прием синтаксического параллелизма (Свѧтополкъ же сѣде Кыевѣ по ѡцѣи своемь· и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье…; рѣша же ємy дружина… ѡнъ же реⷱ…; и приде Смоленьску· и поиде от Смоленьска яко зрѣемо· и ста на Смѧдинѣ в насадѣ… и др.). Отмечается грамматическая однотипность соседних синтаксических групп, в которых повтор слов передает быстрое развитие действия, лишенного эмоционального сопровождения, что позволяет передать фактическую сторону происходящего.

Этот прием применен и к фрагментам, передающим лирические отступления и поучения (Золъ бо члвкъ тщасѧ на злое не хужи есть бѣса· бѣси бо Бг боятсѧ· а золъ члвкъ ни Бг боитсѧ· ни члвкъ сѧ стыдить· бѣси бо крⷮа сѧ боять Гⷭа· а члвкъ золъ ни крⷮа сѧ боить). Причем фрагменты поучений приближаются по своей организации к библейской языковой традиции, когда в параллельных конструкциях с повторяющимся рядом слов возникает градация, углубляющая значение слов. Так, поучение о злом человеке с помощью параллелизмов рисует нравственные ориентиры, выстраивает положительную и отрицательную модель поведения.

Псалмопение и молитва блаженного Бориса также отражают библейскую ритмическую традицию, связанную с обращением к Богу (Гⷭи оуслыши, Гⷭи …на тѧ оупова^{х} и спаси мѧ и …избави

© Изместьева И. А., 2016

мѧ, Гⷭ҇и …сподоби; и пакы… и пакы; яко стрѣлы …яко азъ …яко не ѡправдитсѧ … яко погна … яко послании …яко ѡбидоша), параллельные конструкции варьируют тему скорби и надежды, постепенно разъясняя и углубляя ее. Градуальный синонимический параллелизм сочетается с антитетическим параллелизмом, когда подчеркивается противопоставленность поведенческих установок (мнози въстають на мѧ … язъ на раны готовъ).

Синтаксический параллелизм организован за счет использования однотипных грамматических форм (аориста, повелительного наклонения, неопределенной формы глагола): сѣде, съзва, нача, приде, ста; поиди, сѧди, не буди, буди; погубити, сложити, створити и др. Звуковые соответствия отражают внутреннюю грамматическую рифму (нападоша, насунуша, прободоша, избиша, усѣкнуша, снѧша, ѿвергоша, не ѡбрѣтоша; оувертѣвше, възложивше и под.), что также организует текст как единое ритмически оформленное произведение. В событийной части повести, подчеркивая смену происходящих событий, синтаксически однотипные конструкции вопросно-ответной формы позволяют передать диалогичность речи (рѣш^а^ же ему дружина ѡтнѧ… – ѡнъ же реⷱ҇…; реⷱ҇ же Путьша с Вышегородьци… – ѡнъ же реⷱ҇ имъ…).

Большая нагрузка в синтаксически параллельных конструкциях принадлежит повторяющимся частицам (*и*, *же*, *бо* и др.), которые выполняют текстообразующую функцию и, как подчеркивает В. В. Колесов, выступают как клитики, которые оттягивают на себя ударение с соседних полнозначных слов, «обеспечивая ритмическое единство формулы» [1: 626]. Событийный ряд связан с частицей *же* (Свѧтополкъ же сѣде, ѡни же приимаху, Борису же възъвратившюсѧ съ вои, ѡнъ же реⷱ҇, Борисъ же стояше, Стⷭ҇ополкъ же приде и др.). В. В. Колесов отмечает, что повторяющиеся частицы выступали в качестве своеобразной «скрепы» словоформ в устойчивой речевой формуле, «не претендуя при этом на существенность семантического или грамматического статуса» [1: 617]. Однако в разных фрагментах текста отмечается строго закономерное использование частиц: *же* преобладает в событийной части текста, выделяя поступки героев; частица *бо* функционирует в тех частях, в которых содержится оценка поведения и душевного состояния героев (и плакасѧ по ѡц҃и велми· любимъ бо бѣ ѡц҃емь своимь паче всѣхъ; ѡ сѧковыхъ бо Солом[он]ъ реⷱ҇· скори суть пролити кровь бес правды· ти бо ѡбѣщаютсѧ крови·сбирають собѣ злая·сихъ путье суть скончавающиⷯ беззаконье·нечестьемь бо свою дш҃ю емлють; слышаша блж҃наго Бориса поюща заоутреню бѣ бо ему вѣсть оуже яко хотѧть погубити и; бѣ бо се любимъ Борисомь; сици бо слоугы бѣси бывають, бѣси бо на злое посылаеми и др.). Повтор союза *и* (и помолившюсѧ ему возлеже … и се нападоша … и насунуша … и прободоша) передает постепенное нарастание напряжения и развязку событий в повествовательной части текста. Вставки из псалмов и похвала не содержат таких повторяющихся средств ритмизации текста.

Промежуточные строки оценочной части повествования отличают плавность и замедленность, которые создаются за счет включения в текст причастий настоящего и прошедшего времени (и плакасѧ по ѡц҃и велми· любимъ бо бѣ ѡц҃емь своимь паче всѣхъ· и ста на Льтѣ пришедъ (Борис); Стⷭ҇ополкъ же исполнивъсѧ безаконья· Каиновъ смыслъ приимъ· посылая к Борису глш҃е; бѣ бо се любимъ Борисомь (Слуга)) и повторяющихся предложно-падежных форм (съ праведными, съ прр҃кы и апл҃ы, с лики, съ анг҃лы; оу брата своего Бориса· у цр҃кве стаⷮ Василья; плачасѧ по ѡц҃и· паче же по братѣ). Так, с помощью однотипных морфологических форм уточняются душевное состояние и детали поведения героев, передана нравственная сторона совершенных поступков.

В оценочной части отмечается явление стилистической симметрии, «когда об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды» [2: 418]. Лексический повтор антонимов в параллельных конструкциях семантически и ритмически усиливает противопоставление ангелов и бесов (бѣси бо на злое посылаеми· бывають анг҃ли на блг҃ое посылаеми· анг҃лъ бо члв҃ку зла не створѧеть· но блг҃ое мыслить … хⷭ҇ьяномъ помагають и заступають … а бѣси на злое всегда ловѧть…) В таком антитетическом параллелизме противопоставления связаны с основным содержанием повести и отвечают ее идейному замыслу.

Молитвенные фрагменты текста подготавливают трагический исход событий, выделяя главную мысль в ходе развития сюжета, которая затем обобщена в конце повести в виде похвалы князьям-страстотерпцам. Ритм молитвы Бориса определен обращением к Богу, повторами глагольных форм повелительного наклонения (Гⷭ҇и оуслыши, и не вниди, и избави мя, и мене сподоби прияти, и не сотвори ѥму), которые создают образ сильной личности, готовой к испытаниям. Молитвенный ритм обращения Глеба к Богу о себе и брате эмоциональный, неровный, текст содержит вопросительные предложения и предложения с условными конструкциями с союзом *аще*. Обращение имеет кольцевую композицию, повтор восклицания о готовности принять участь брата (луче бы ми умрети съ братомь· нежели жити на свѣтѣ семь) усилен определением (въ свѣтѣ семь прелестнѣмь), отсутствие частицы *ли* переводит завершающее восклицание из плана сомнений и вопросов о дальнейшей судьбе в план окончательно сделанного выбора (луче бо ми было с тобою жити· неже въ свѣтѣ семь прелестнѣм).

Заключительный фрагмент повести содержит похвалу братьям. Ритм задают девять анафорических восклицаний (радуйтасѧ, стрп҃ца Хв҃а.., радуйтасѧ, нбⷭ҇ная жителѧ.., радуйтасѧ, Борисе и Глѣбе бо҃мдрая и др.). В каждой части, соответствующей этим восклицаниям, используется грамматическая рифмовка: употребление форм двойственного числа настоящего времени глаголов (подаета, ѡбиходита, просвѣщаета, покорита, сподобита), аориста (явистасѧ, сподобистасѧ, наслѣдоваста), использование форм прилагательных (нбⷭ҇ная жителѧ, едино-

мысленая служителѧ, Борисе и Глебе·бомдрая, воды живоносныя, свѣтилника предобрая, заступника теплая, хлюбивая стрпца и др.) и причастий (приходѧщиᴹ, стражющимъ, ωзарѧюща, ωтгонѧща, просвѣщающа, напаяюща, ицѣлѧюща и др.), которые дают образную характеристику братьев, конкретизируют, разъясняют и развивают добродетельные качества, тем самым усиливают эмоциональное воздействие текста.

Ритмичность достигается также звуковыми совпадениями (жителѧ – служителѧ, единоωбразна – единодшьна, свѣтозарна – свѣтилѣ – свѣтилника – свѣтоносная – свѣтъ – свѣтлѣи, свѣтилника – заступника – стрѣьника и др.) и однотипно построенными предложениями с причинно-следственной связью (используются союзы *яко*, *яже*: яже исцѣленье подаета.., яко потока… истѣкають, яко свѣтилѣ ωзарѧюща.., яко всѧ напаяюща срца…).

В восклицаниях обнаруживается внутренний параллелизм по принципу хиазма, на который обратил внимание Р. О. Якобсон [5], – в одной части предложения прилагательные следуют за существительным, а в следующей части предшествуют ему, и наоборот: нбная жителѧ, единомысленая служителѧ – верста единоωбразна, стымъ единодшьна; Борисе и Глѣбе· бомдрая, воды живоносныя – вѣрныᴹ людемъ на ицѣленье; [луча] свѣтозарна, вѣрою неоуклоньною – лукаваго змия поправша и др. Такая повторяющаяся соотнесенность эпитетов делает похвалу ритмически уравновешенной и плавной. Семантическое усиление текста создается за счет стилистической симметрии, при которой синонимические средства расширяют, уточняют мысль, придавая ей символическое значение: свѣтлѣи звѣздѣ заоутра въсходѧщии; вѣрою и любовью; единомысленая – единоωбразна – единодшьна; бомдрая – яко… воды живоносныя; луча свѣтозарна и яко свѣтилѣ ωзарѧюща всю землю Русьскую; красныхᵡ всѣхъ наслѣдоваста· в нбснѣмь житьи славу и раискую пищу· и свѣтъ разумныи красныя радости; каплѧми кровными стыми· ωчервивша багрѧницю – земля бо [Рўска] блгвисѧ ваю кровью; в мѣстѣхъ златозарныхъ· в селѣхъ нбныхъ· в славѣ неоувѧдающеи и др. В целом похвала, отражая основные нравственные выводы, отличается богатством ритмического оформления.

Таким образом, летописная повесть «О убьеньи Борисовѣ», отталкиваясь от бытующих агиографических традиций и следования канону на разных уровнях текста (идейно-композиционном, стилистическом и символическом), использует устойчивые лексико-грамматические средства языка. Ритмическая упорядоченность на основе параллелизма (на грамматическом, семантическом и фонемном уровнях) определена идейным замыслом, организует динамическое взаимодействие всех фрагментов текста и отражает не только мелодику русской речи, но и особенности языкового сознания древнерусского человека, в котором происходит борьба за нравственные христианские ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Академия, 2005. 672 с.
2. Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 418–422.
3. Полное собрание русских летописей: В 43 т. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 132–139.
4. Сочнева Н. А. Роль мотивов «Повестей о княжеских преступлениях» в композиции «Чтения о Борисе и Глебе»: к проблеме межжанровых взаимосвязей // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. С 110–114.
5. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99–132.

Izmest'eva I. A., Togliatty State University (Togliatty, Russian Federation)

RHYTHMICAL FEATURES OF CHRONICLES "ON BORISOV'S MURDER"

Rhythmical features of the chronicles "On Borisov's Murder" are closely examined. The features in focus are characterized by the presence of several genres both in the structure of this narrative and in the ideologically substantial part of the composition. The rhythmical picture is defined by three themes: an event driven plot, preaching and prayer chants, which are conveyed with the help of multiple lexical grammatical means. References to syntactic parallelism and stylistic symmetry, grammatical forms of the same type, and lexemes identical in sounds helped to create the grammatical text rhyme and reflect the melodic mood of the narration. Devotion to canons and the use of the Russian language figurative potential define characteristics of the developing hagiografic genre of "Rus".

Key words: rhythm, syntactic parallelism, stylistic symmetry, grammatical rhyme, sound matching, chronicles "About the killing of Borisov"

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian language]. St. Petersburg, Akademiya Publ., 2005. 672 p.
2. Likhachev D. S. Stylistic symmetry in ancient Russian literature [Stilisticheskaya simmetriya v drevnerusskoy literature]. *Problemy sovremennoy filologii: Sbornik statey k semidesyatiletiyu akademika V. V. Vinogradova.* Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 418–422.
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: V 43 t. T. I: Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles: In 43 vol. Vol. I: Laurentian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. P. 132–139.
4. Sochneva N. A. The role of the motives in "The novels of royal crimes" in the composition "The Tales about Boris and Gleb": on the problem of the inter genre relationship [Rol' motivov "Povestey o knyazheskikh prestupleniyakh" v kompozitsii "Chteniya o Borise i Glebe": k probleme mezhzhanrovykh vzaimosvyazey]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Chelyabinsk State University Herald. Philology. Arts]. 2013. № 16 (307). Issue 78. P. 110–114.
5. Yakobson R. Grammatical parallelism and its Russian aspects [Grammaticheskiy parallelizm i ego russkie aspekty]. *Yakobson R. O. Raboty po poetike*. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 99–132.

Поступила в редакцию 22.03.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 98–104 **Филологические науки** **2016**

УДК 82-31

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СТАРЫГИНА
доктор филологических наук, профессор кафедры социальных наук и технологий факультета социальных технологий, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)
starigina@yandex.ru

МОТИВ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗАХ Н. С. ЛЕСКОВА

Цель статьи – показать эффективность такого средства представления контекстуального содержания, как мотив (или мотивный комплекс) в художественном произведении. Предметом изучения являются святочные рассказы Н. С. Лескова, содержание и поэтика которых обусловлены рождественским и святочным контекстом. Анализ мотива как средства контекстуальной поэтики основывается на понимании последней как системы форм представленности контекстуального содержания, определяющих контекстуальную парадигму в творчестве писателя. Формы представленности контекстуального содержания образуются с помощью разнообразных поэтических средств (мотив, символ, образ, интертекстема и т. д.) и приемов (именование, цитата, аллюзия и др.). Рождественско-святочный мотивный комплекс в рассказах «Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль», «Зверь» включает христианские мотивы (милосердия, спасения, совести, возрастания души, преображения, искушения, преодоления искушения и др.), языческие мотивы (оборотничества, нечистой силы, поминания усопших и др.), контекстуально-ситуационные мотивы (празднования, дарения, ряжения, гадания, игры). Данные мотивы формируют межкультурное пространство и концептосферу, которые являются базовыми формами представления рождественско-святочного контекстуального содержания в святочном цикле писателя. Языческие и контекстуально-ситуационные мотивы, представляющие рождественский и святочный контексты, трансформируются в зависимости от конкретики жизненной ситуации, изображенной в произведении. Христианские мотивы сохраняют изначальные смыслы, содержащиеся в универсальных концептах («любовь», «совесть», «дух», «вера», «спасение» и др.). Предлагаемый подход к анализу контекстуальной поэтики основывается на вошедших в литературоведческую практику современных теоретических концепциях и позволяет по-новому систематизировать ее элементы.

Ключевые слова: контекстуальная поэтика, контекстуальное содержание, рождественский и святочный контексты, мотив, формы и средства представления контекста

Контекстуальная поэтика все еще остается недостаточно познанным явлением. Очевидно, что в тексте художественного произведения содержатся указания на контекст, например цитаты, аллюзии, реминисценции, топонимы и другие приемы, которые чаще всего рассматриваются в качестве элементов авторской поэтики. Вместе с тем контекстуальная поэтика писателя представляет собой более сложное явление, а именно: систему форм представленности контекстуального содержания, средств и приемов их воплощения в тексте.

Контекст мы рассматриваем как социокультурное содержание, включенное в содержание текста благодаря установленным автором связям между текстом и его социокультурным окружением, актуализирующим важные для воплощения его замысла значения и смыслы, в той или иной степени адекватно воспринятые читателем. Контекст включает а) содержание, формируемое автором в пределах своей контекстуальной (культурологической) компетентности, и б) контекстуальную поэтику. Такое понимание контекста логично и основывается на прочно вошедших в литературоведение теоретических концепциях, таких как концепция диалогичности литературы М. М. Бахтина и выделение им ближнего и дальнего контекстов [1]; теория интертекста Р. Барта и др. [2]; понимание контекста как составной части текста Ю. М. Лотманом [9]; положения рецептивной эстетики и герменевтики [10], [11] и др. Обстоятельный обзор теории контекста сделан Н. Копыстянской [8].

Рассматривая контекстуальную поэтику как систему, мы выделяем три уровня. Первый уровень контекстуальной поэтики – уровень поэтических приемов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание: аллюзия, цитата, реминисценция, антропоним, топоним, названия произведений искусства, изображение предметов интерьера, эпиграф и т. д. Второй уровень контекстуальной поэтики – уровень поэтических средств: символы, социокультурные и литературные универсалии, мифологемы, концепты, идеологемы, интертекстемы, образы-понятия, образы-эмблемы и др., – представляющих в тексте мир общих понятий и идей [4]. Третий уровень контекстуальной поэтики – формы представленности контекстуального содержания: межкультурное пространство,

© Старыгина Н. Н., 2016

символическое поле, интертекст, концептосфера, локальные тексты, авторский витальный текст (под авторским витальным текстом, или авторской витальностью, мы понимаем совокупность реалий: идей, событий, явлений, людей и пр., отображенных в тексте и представляющих жизненный опыт писателя). Поэтические средства и приемы образуют в тексте формы представленности контекстуального содержания. Например, интертекстема, воплощенная в цитате, мотиве или образе-персонаже, участвует в формировании интертекста.

Таким образом, контекстуальная поэтика писателя представляет собой систему форм представленности контекстуального содержания, образованных совокупностью поэтических средств и приемов, актуализирующих контекстуальные смыслы и значения.

Предлагаемый подход к изучению контекстуальной поэтики позволяет выстроить контекстуальную парадигму творчества писателя. Причем наличие и взаимодействие форм представленности контекстуального содержания, как и средств и приемов, будет различным у каждого автора. Это различие определяется своеобразием авторского контекстуального пространства в целом, отдельного периода его творчества, конкретных произведений. Комплексное изучение контекстуальной поэтики дает исследователю возможность составить представление о контекстуальной компетентности, восприимчивости и развитии писателя (как и читателя). При исследовании контекстуальной поэтики писателя первоначальной задачей является изучение поэтических средств и приемов образования форм представленности контекстуального содержания в тексте художественного произведения (см., напр.: [16], [17]). Одним из них является мотив – структурно-семантический элемент текста, обозначенный словообразом или изображенной ситуацией (мотив как категория поэтики осмыслен в исследованиях [12], [13], [14])[1].

Предметом нашего исследования является мотивный комплекс в святочных рассказах Н. С. Лескова как средство образования таких форм представленности контекстуального содержания, как межкультурное пространство, концептосфера, локальный текст. Напомним, что содержание Рождества Христова и святок сформировано, прежде всего, библейской историей рождения Иисуса Христа и народными традициями, обрядами и легендами святочного цикла. Оно включает, с одной стороны, события и ситуации, с другой – смыслы и значения, выраженные в концептах, символах, образах. Важнейшими являются концепты «рождение», «спасение», «любовь», «милосердие», «прощение», «преображение», «возрождение», «почитание» и др. В рождественско-святочную символику, помимо великих христианских символов, таких как Иисус Христос, Богородица, включены символы «вифлеемская звезда», «дары волхвов», новогодняя елка и др. Концепты и символы, определяющие содержание рождественского и святочного контекстов русской культуры, в художественном произведении чаще всего обусловливают содержание мотивов, образов-персонажей, образов-символов, образов-понятий, сюжетных ситуаций.

В святочных рассказах Н. С. Лескова (см. [6], [7] и др. исследования) рождественско-святочный контекст заявлен изначально благодаря включению рассказов в цикл с говорящим названием «Святочные рассказы», подзаголовку («рождественский рассказ», например) и приуроченностью времени действия к Рождеству и святкам. Эти поэтические приемы автора обогащают тексты рассказов рождественским и святочным контекстуальным содержанием, стимулируют контекстуальную восприимчивость читателя, побуждают его проявить и, при необходимости, раздвинуть рамки собственной контекстуальной компетентности. Вместе с тем писатель активно формирует в рассказах рождественско-святочный мотивный комплекс. Подтверждением являются первые три рассказа цикла «Святочные рассказы» (1886): «Жемчужное ожерелье» (1885), «Неразменный рубль» (1883) и «Зверь» (1883) (1882). Публикация остальных рассказов также осуществлялась в период с 1881 по 1885 год, но именно эти рассказы писатель выбрал в качестве своего рода «зачина» цикла.

В рассказе **«Жемчужное ожерелье»** рождественский и святочный контексты актуализируются указаниями на время действия (от Рождества до Крещения) и ситуациями празднования Рождества Христова, Нового года, Крещения, на которые накладывается семейно-бытовая ситуация сватовства (которая также характерна для этого периода: на святках объявляли о помолвке, сватались). Совмещение ситуаций, на первый взгляд, заслоняет от читателя христианскую концептосферу и символику Рождества, изображая происходящее как бытовую полукомическую, иногда анекдотическую историю. Однако именно мотивный комплекс рассказа возвращает читателя к вечным смыслам и вечным ценностям. Во-первых, в рассказе воспроизводятся контекстуально-ситуационные рождественские мотивы празднования, прославления, дарения, предсказания будущего и др. Святочные мотивы непосредственно не выявляются, хотя опосредованно присутствует мотив перехода от старого к новому хозяйственному циклу (в связи с празднованием Нового года и со свадьбой, которая влечет за собой изменения в домашнем укладе жизни героев). Этот мотив можно интерпретировать и соотносить с христианским рождественским мотивом начала рая в земной жизни. Также опосредованно в тексте присутствуют святочные мотивы гадания (предсказания будущего), ряжения

(отец героини выдает себя за «другого», ожерелье оказалось фальшивым). Сквозным является мотив дарения – «корзина с дорогими подарками» «дары жениха невесте» (2), «подношение даров» (с. 11), подарок (с. 12), подарок в виде 50-рублевых билетов для всех трех дочерей (с. 14, 15, 16). Основной подарок – жемчужное ожерелье, подаренное героине-невесте отцом, оказавшееся фальшивым. Мотив дарения осложняется мотивом ряжения (образом-перевертышем является не образ-персонаж, а образ-предмет). Мотив ряжения сопрягается с мотивом духовного возрастания: во-первых, отец достаточно прозорлив, нравственен, чтобы понять, какими пройдохами являются мужья его двух дочерей, поэтому обманывает их и лишает дочерей приданого; во-вторых, он осторожен и устраивает проверку мужу младшей дочери (тоже своего рода ряжение), наконец, в-третьих, лучше узнав героя (жениха), поняв его порядочность, честность и доброту, он сам возрастает душой и прощает старших дочерей, одаривая и их. Лесков тонко включает рождественский контекст: подарки жениха невесте названы «дарами» (с. 10), на Рождество состоялось «подношение даров» (с. 11). Рождественский и святочный контексты трансформируют образы бытовых вещей в образы-символы.

В рождественско-святочном контексте важной является ситуация выбора. В рассказе «Жемчужное ожерелье» она присутствует, указывая на мотив выбора (выбор невесты, выбор подарка невесте женихом, выбор подарка дочери и т. п.). В контексте истории сватовства и женитьбы – это нравственный выбор, который должен сделать молодой муж, узнавший, что жемчуг фальшивый, что тесть лишил его супругу наследства. Данная ситуация дублируется: ранее свой выбор сделали мужья старших дочерей. Все жизненные (обыденные, бытовые) ситуации в «Жемчужном ожерелье» восходят к универсальным ситуациям и формируют комплекс «вечных» мотивов: выбора, искушения и его преодоления, борьбы добра и зла, спасения, возрастания души, духовного перерождения или возрождения; добрых дел, мира, любви, радости, надежды, ожидания чуда, семьи, благой (здесь: доброй) вести. Практически полный комплекс рождественских концептов представлен через мотивный комплекс небольшого святочного рассказа Лескова.

Таким образом, основные мотивы рассказа «Жемчужное ожерелье» явно или опосредованно, но очевидно представляют рождественский и святочный контексты. Благодаря им формируется межкультурное пространство и концептосфера произведения.

В рассказе **«Неразменный рубль»** мотивный комплекс, связанный с Рождеством и святками, особенно разнообразен: это мотивы ряжения, гадания, ворожбы (с. 18), мотив дарения («новенький серебряный рубль» (с. 24) – традиционный рождественский подарок), мотив рождественской ярмарки (с. 20 и далее). Сюжетообразующим мотивом в рассказе является мотив искушения и преодоления искушения (его можно трактовать и как мотив выбора, и как мотив испытания): он связывает все сюжетные и внесюжетные элементы (например, главу 1, в которой рассказывается о святочном поверье), он маркируется образом-символом неразменного рубля, содержание которого трансформируется в процессе повествования. (В тексте «неразменный рубль» под этим и другими названиями упоминается более 50 раз.) В начале повествования искушение осмысливается как искушение богатством и как обольщение мечтой о богатстве. Образ неразменного рубля в главке 1 (с. 17–18) выступает символом легко и колдовским образом добытого богатства. Символом искушения является традиционный образ – образ дьявола, с которым «должны лицом к лицу встретиться» все, жаждущие добыть в рождественскую полночь неразменный рубль (с. 18). Маленький герой по-своему понимает «богатство»: для него это сладости и «прекрасные вещи», например «картины с генералами» (с. 18), которые можно приобрести на ярмарке. На обычный бабушкин рождественский подарок – «серебряный рубль» – мальчик не мог приобрести эти «богатства», поэтому после рассказа няни он мечтает о «неразменном рубле», который ему обещает подарить бабушка. «Обольщенный этим обещанием» (с. 18), он засыпает в рождественскую ночь. В главке 3 (начало сна героя) образ «неразменного рубля» приобретает дополнительный смысл: он не «переводится» в том случае, если приобретаются «вещи тебе или другим людям нужные или полезные» (с. 19). Таким образом, мотив искушения осложняется мотивом испытания героя и мотивом выбора, перед которым он оказывается. Повествование в главах 4–7 (продолжение сна) организовано ситуацией испытания героя. Мотив искушения (испытания и выбора) дополняется мотивом добрых дел: дается ответ на вопрос, какие вещи являются нужными и полезными: это вещи, которые приносят радость людям (мальчик покупает подарки бедным детям, дворовым слугам: глиняные свистульки, платья и платки, Псалтырь, поясок, гармонию, себе – «сладости и орехи» (21). Искушение богатством мальчик преодолел, выдержал первое испытание. Однако мотив искушения дополняется новым смыслом: герой оказывается перед искушением славой. Он воспринимал себя «центром» (с. 22), гордился собой («как я умен, богат и добр» (с. 22)), в итоге он испытал «чувство досады» (с. 23), убедившись, что вниманием окружающих завладел человек в жилете поверх полушубка. Образ искусителя трансформируется: дьявол, персонаж рассказанного няней поверья, сначала является в виде «пузатого купца» (с. 22), а затем в образе «длинного, сухого

человека» (с. 22), «который очень лукаво улыбнулся» (с. 23), вступая в торг с мальчиком, просящим продать ему жилет. Функция образа толстого торговца как искусителя – создать представление о смущении и досаде в душе мальчика; функция образа «длинного, сухого человека» как искусителя – показать, как переключается внимание мальчика с высокого на суетное, как он увлекается призрачными материальными ценностями, то есть, по сути, показать, как переформируется его система ценностных ориентиров. Все эти смыслы вбирает в себя еще один символический образ – образ «стекловидных пуговиц, от которых исходило слабое, тусклое блистание» (с. 22). Заметим, что писатель вводит внутреннее противопоставление: если сияние (свет) – сильное, яркое, вечное (постоянное), то блистание – слабое и тусклое, то появляющееся, то пропадающее. Эти пуговицы могут «блестеть на минутку» (с. 23), они «стекляшки» (с. 23), ненужные и бесполезные, обманывающие неискушенных людей. Суета – это и есть увлечение «стекляшками». В главе 8, заключительной, содержится морализаторское заключение, которое писатель вкладывает в уста бабушки: «Неразменный рубль – по-моему, это талант, который Провидение дает человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутии четырех дорог, из которых с одной всегда должно быть видно кладбище. Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чем для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие. Все, что он сделает для истинного счастья своих ближних, никогда не убавит его духовного богатства, а напротив – чем он более черпает из своей души, тем она становится богаче. <…> Суета затемняет ум…» (с. 24–25).

Традиционный смысл образа-символа «неразменного рубля», обозначенный героем-повествователем в предисловии к рождественской истории, трансформируется в процессе рассказа. Согласно народному поверью, образ «неразменного рубля» символизирует легкое обогащение и искушение завладеть «легким» богатством. В финале рассказа героиня (бабушка) раскрывает смысл образа «неразменного рубля» (как она его понимает, и этот смысл воспринимает ее внук). Читатель воспринимает и другие смыслы: образ «неразменного рубля» становится для него символом добрых дел, приносящих людям радость; символом возрастания души человека; символом служения людям, духовного преображения героя; символом ценности духовных ориентиров в жизни человека; наконец, символом духовной щедрости и милосердия Иисуса Христа, дарующего людям волю и духовную силу в ситуации испытания (искушения).

Рождественское и святочное контекстуальное содержание рассказа «Неразменный рубль» выявляется в образованных в тексте с помощью мотивов, символов и концептов межкультурном пространстве, символическом поле, концептосфере, являющихся актуальными для Лескова формами представленности контекстуального содержания.

В рассказе **«Зверь»** важнейшим событием является празднование Рождества в помещичьем доме. «По обыкновению» съехались гости (с. 31, 33 и далее); сочельник завершился поздним ужином «при звезде, за один раз с обедом» (с. 32); в день Рождества в зале собрались гости, все «в праздничном» (с. 33). «В зале, кроме множества родных и гостей, стояло духовенство: священник, дьякон и два дьячка» (с. 33). Украшением залы была елка (с. 41). Начало празднования ознаменовалось исполнением ирмоса «Христос рождается» (с. 33), затем последовали чаепитие, «маленький завтрак и в два часа ранний праздничный обед» (с. 33), после которого была запланирована и состоялась забава – травля медведя. Празднование Рождества Христова не отклонялось от сложившихся традиций, что подчеркнуто упоминанием звезды как символа Рождества («звезда Его на востоке» как вестник рождения Иисуса Христа) и елки – символа Нового года, который со временем, как известно, стал и символом Рождества. Традиционно для празднования Рождества Христова исполнение ирмосов канона Рождества Христова (в рассказе говорится об исполнении ирмоса «Христос рождается» (с. 33). Позднее, после трагической травли Сганареля, это песнопение, которое толкует отец Алексей, возвращает всех присутствующих в атмосферу великого духовного события – Рождества Христова: «Священник стал нам разъяснять слова “славите”, “рящите” и “возносится”…» (с. 42). В переводе на современный русский язык текст ирмоса звучит следующим образом: «Христос рождается, – славьте! / Христос с небес, – встречайте! / Христос на земле, – возноситесь! / Пой Господу, вся земля, / И с веселием воспойте, / люди, ибо Он прославился» [15]. Смысл ирмоса в следующем: «…сознайте любовь Божию к вам, ободритесь, падшие, и торжествуйте, переносясь мыслию на небо, которое становится вам доступным» [15]. Читатель не знает, как объяснил священник Алексей содержание песнопения. Однако в контексте сложившейся ситуации священник счел необходимым напомнить людям о другом: отец Алексей «сам тихо «вознесся» и умом, и сердцем. Он заговорил о *даре*, который и нынче, как и «время оно», всякий бедняк может поднесть к яслям «рожденного отроча», смелее и достойнее, чем поднесли злато, смирну и ливан волхвы древности. Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению. Старик говорил о любви, о прощении, о долге каждого утешить

друга и недруга «во имя Христово»…» (с. 42). Священник (в пересказе героя-повествователя) воспроизвел универсальную ситуацию, используя образы яслей, даров (золото, смирна, ладан) и волхвов. Но дар он толкует по-своему (что подчеркнуто авторским курсивом): это «наше сердце…», вмещающее любовь, прощение, утешение, дружбу. Такая трактовка универсального образа (дары) – результат воздействия ситуационного контекста, то есть празднования Рождества, жестокой травли зверя и т. д. Образ-символ сердца становится указанием на универсальные христианские мотивы рождественского цикла. В том числе и на мотивы, связанные с ирмосом «Христос рождается». Слова отца Алексея «…сердце, исправленное по Его учению» явно перекликаются со словами «Христос на земле, – возноситесь!»: вера дает основания вознестись духом, обрести гармонию эмоционально-чувственной и интеллектуально-рациональной жизни («сознайте любовь Божию к вам…»).

В ситуацию празднования Рождества Христова органично вписывается ситуация выбора, в которой оказывается дядя героя-повествователя, который должен выбрать между милосердием и жестокостью. Выбор принципиальный, поскольку «дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему важнее всякого снисхождения» (с. 27). Мотив милосердия в рассказе «Зверь» развивается сложно: от отрицания ценности милосердия (дядей героя-повествователя) – через детскую безграничную веру в «беспредельное милосердие Божие» (с. 33), неоднозначное отношение взрослых, наблюдавших казнь медведя (равнодушие к судьбе зверя (с. 36, 37), проявляющуюся жалость (с. 36, 37)), через напоминание отца Алексея о вере Христовой, любви, прощении, долге утешения (с. 42) и через молитвы ребенка о милосердии (с. 33) и общей молитвы (с. 42) – к прозрению дяди (с. 42). Момент прозрения героя писатель соотносит с ситуацией духовного единения верующих. Знаковыми становятся мотив молитвы («слушали с особенным чувством, как бы моляся…» (с. 42)) и мотив слез («у многих из нас на ресницах дрожали хорошие слезы…» (с. 42)). На то, что дядя был захвачен этой атмосферой, указывает образ слез: «Происходило удивительное: он *плакал*!» (с. 42, курсив автора). В христианской культуре слезы символизируют восхождение молящегося к Богу, «собирание» человека в соединении ума и сердца. Кроме того, слезы на молитве являются признаком Божьей милости. Слезы свидетельствуют, что человеку открылись его прегрешения, к нему приходит страх суда и понимание смерти, смирение, любви к Богу и ближним, он чувствует духовное утешение, несравнимое с радостями земными (см.: Человек – храм Божий. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993). Ситуация выбора трансформируется в ситуацию прозрения героя, его возрождения в вере. Герой иллюстрирует слова отца Алексея: «Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению» (с. 42). Акт прозрения как бы закрепляется благословением священника (с. 42). Мотивы милосердия и прозрения актуализируют мотив дарения. Во-первых, герой *благодарит* отца Алексея (с. 42–43): целует ему руку и говорит «спасибо». Во-вторых, дядя прощает Ферапонта (с. 43) и дарит ему «вольную и сто рублей» (с. 43). В-третьих, и это главное, дядя в ответ на отказ Ферапонта от вольной, в сущности, дарит ему свое сердце: «Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Ферапонта <…> Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава нашему Богу и заблагоухал мир во имя Христово, на месте сурового страха» (с. 43). (Символика белого цвета в данном эпизоде и далее при упоминании «белоголового длинного старика» важна, ведь белый цвет не только символизирует чистоту, невинность и правду, но и является символом крещения и причастия.) В этом эпизоде акцентируется мотив прославления Христа, связанный с празднованием Рождества Христова и обозначенный ранее указанием на ирмос «Христос рождается». Мотивы прозрения (возрождения), милосердия, празднования, прославления Бога и дарения объединяются в сообщении о том, что в деревню «…были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры, и было веселье во всех, и шутя говорили друг другу: – У нас ноне так сталось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить» (с. 43).

В заключении-резюме героя-повествователя вновь заостряется внимание читателя на центральной идее рассказа: «Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению» (с. 42), и вновь сводятся воедино основные мотивы рассказа: веры, милосердия, добра, дарения, прославления Христа и др.: «Цветов им теперь приносить уже некому, в московских норах и трущобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел поспевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу» (с. 43–44). Новые мотивы: праведничества (который подкрепляется шутливым именованием Ферапонта: «*укротитель зверя*» (с. 44)) и чуда (чудо есть сам человек, живущий по заповедям Бога и творящий добро), – вводят рассказ «Зверь» не только в контекст цикла «Святочные рассказы», но и в контекст творчества Н. С. Лескова, и в контекст христианской духовной культуры.

Подводя итоги, можно сказать, что христианские концепты, представленные образами, символами, понятиями, определяющие содержание рождественского и святочного контекстов русской культуры, в святочных рассказах Лескова

обусловливают содержание мотивов, которые становятся основным средством образования в тексте произведений базовых для Лескова форм представленности контекстуального содержания: межкультурного пространства, концептосферы, а также локальных текстов (например, усадебный текст в рассказе «Зверь»). В святочных рассказах это мотивы празднования, дарения, гадания, предсказания, ряжения, игры, нечистой силы, милосердия, совести, искушения и его преодоления, возрастания души, преображения, прославления и др. Рождественские и святочные мотивы, характерные для рассказов Лескова, можно разделить на три группы: 1) мотивы христианские (ценностно-ориентирующего содержания): спасения, духовного преображения, возрастания души, любви, милосердия, борьбы добра и зла, искушения, добрых дел, прозрения и др.; 2) традиционные (фольклорные) и языческие мотивы (нечистой силы, явления духов, привидений и т. д.); 3) мотивы контекстуально-ситуационные: рождения, праздника, дарения, гадания, ряжения. В смысловом плане неизменны христианские (рождественские) мотивы: они содержат абсолютные смыслы и значения. Трансформируются, но остаются аллюзивными и узнаваемыми контекстуально-ситуационные мотивы. В целом мотивный комплекс святочных рассказов Лескова является эффективным средством оформления и представления контекстуального – рождественского и святочного – содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. также: Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 1. Новосибирск, 1996. 268 с.; Словарь-указатель сюжетов и мотивов в русской литературе. Вып. 1 / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 2003. 243 с.

[2] Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. С. 10. Далее цитирую, указывая в круглых скобках страницу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975. С. 203–212.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
3. «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. Новосибирск, 1996. 130 с.
4. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: Монография. М., 2010. 256 с.
5. Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайони. М., 2004. 672 с.
6. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. 258 с.
7. Зенкевич С. И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
8. Копыстянская Н. Контекст как литературоведческое понятие и категория поэтики романа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www. digilib.phil.muni.cz.(Literialt-matitas_014-2006-1_29pdf (дата обращения 02.04.2016).
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Семиотика культуры и понятие текста. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.
10. Мукаржовский Ян. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. 605 с.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2008. 695 с.
12. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Новосибирск, 1999. 104 с.
13. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004. 296 с.
14. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. 639 с.
15. Христос воскресе! [Электронный ресурс]. Режим доступа: days.Pravoslavie.ru > rubrics/canon 86.Htm (дата обращения 20.03.2016).
16. Starygina N. N., Pershina M. A., Mokheeva I. N., Berezina O. S. Dickens` Christmas Story is an Intertexteme in Leskov' Yule Short Story // Review of European Studies / Special Issue / Canadian Centre of Science and Education. 2015. Vol. 7. № 8. P. 193–201.
17. Starygina N. N., Berezina O. S., Mikheeva I. N., Pershina M. A. Universal Situation as a Literary-Semantic Phenomenon: On the Example of Works by N. S. Leskov // Mediterranean Journal of Social Sciences // 2015. Vol. 6. № 3S7. Yune. Special Issue. P. 91–96.

Starygina N. N., Volga State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

MOTIVE AS A TOOL OF CONTEXTUAL REPRESENTATION OF SHORT CHRISTMAS STORIES BY N. S. LESKOV

The aim of the article is to demonstrate effectiveness of the motive as a tool of contextual representation (or a motive complex) in literary works. Short Christmas stories by N. S. Leskov are the subject of the study. The content and poetics of these stories are determined by Christmas and Yule contexts. Analysis of the motive as of the tool of contextual poetics is based on the perception of contextual poetics. Contextual poetics is understood as a system of forms of contextual representation, which was formed by the variety of means and methods revealing the sense and the meaning of the text. The forms of contextual representation include the following: the intertextual sphere of the literary work, the concept sphere, the local text, the author's individual text and etc. All together they determine a contextual paradigm of the writer's works. These forms are created with the help of different poetical means (a motive, a symbol, an image, an inter texteme, etc.) and methods (naming, quotation, allusion, etc.). The Christmas and Yule motivational complex in such short stories as "The Pearl Necklace", "The Unconvertable Ruble", "The Beast", "The Castle Ghost" includes multiple Christian motives (mercy, good will, growth of a human soul, change, challenges, inner conflicts and their overcoming), pagan motives (turn skinning, deviltry, commemoration meetings, etc.), contextual-situational motives (celebrations, presents' sharing, masking, fortune-telling, games, etc.). First of all, these motives form both a contextual sphere and a concept sphere, which act as basic forms for representation of Christmas and Yule contents in the Yule works of the writer. Contextual-situational

and pagan motives, which represent Christmas and Yule contexts, transform because of the concrete living position depicted in the writer's literary works. Christian motives remain unchanged with their original meanings and basic concepts of love, spirit, faith, conscience, salvation, etc. The given approach to the analysis of contextual poetics is based on modern theoretical concepts used by the literature-studying practice. The approach is systemic and complex by nature, which allows consideration of such phenomenon as contextual poetics.

Key words: contextual poetics, contextual contents, Christmas and Yule contexts, forms and means of contextual representation, Leskov, Yule short stories

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. To the methology of literare studies [K metodologii literaturovedeniya]. *Kontekst-1974.* Moscow, 1975. P. 203–212.
2. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. 616 p.
3. *"Vechnye" syuzhety russkoy literatury: "Bludnyy syn" i drugie* ["Timeless" images of the Russian literature "Prodigal son" and others]. Novosibirsk, 1996. 130 p.
4. Volodina N. V. *Kontsepty, universalii, stereotypy v sfere literaturovedeniya: Monografiya* [Concepts, universals, stereotypes in literature studies: monograph]. Moscow, 2010. 256 p.
5. *Geopanorama russkoy kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of Russian culture. The province fnd its local texts]. Moscow, 2004. 672 p.
6. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhanra* [Russian Yule short story: The origins of the genre]. St. Petersburg, 1995. 258 p.
7. Zenkevich S. I. *Zhanr svyatochnogo rasskaza v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Genre of the Yule short story in the works of N. S. Leskov]. St. Petersburg, 2005. 23 p.
8. Kopystyanskaya N. *Kontekst kak literaturovedcheskoe ponyatie I kategoriya poetiki romana* [The context as a literary concept and category of the poetics of the novel]. Available at: www. digilib.phil.muni.cz.(Literialt-matitas_014-2006-1_29pdf (accessed 02.04.2016).
9. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. Semiotika kul'tury I ponyatie teksta* [Selected works. Semoitics of culture and the concept of the text]. Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 129–132.
10. Mukarzovskiy Yan. *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* [Studies in aesthetics fnd art theiry]. Moscow, 1994. 605 p.
11. Riker P. *Konflikt interpretatsiy: ocherki po germenevtike* [Conflict of interpretations: essays about hermeneutics]. Moscow, 2008. 695 p.
12. Silant'ev I. V. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike* [Theory of the motive in Russian literature and folklore studies]. Novosibirsk, 1999. 104 p.
13. Silant'ev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of the motive]. Moscow, 2004. 296 p.
14. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literature studies]. St. Petersburg, 2004. 639 p.
15. Khristos voskrese! [Christ is risen!]. Available at: days.Pravoslavie.ru > rubrics/canon 86.Htm (accessed 20.03.2016).
16. Starygina N. N., Pershina M. A., Mokheeva I. N., Berezina O. S. Dickens` Christmas Story is an Intertexteme in Leskov' Yule Short Story // Review of European Studies / Special Issue / Canadian Centre of Science and Education. 2015. Vol. 7. № 8. P. 193–201.
17. Starygina N. N., Berezina O. S., Mikheeva I. N ., Pershina M. A. Universal Situation as a Literary-Semantic Phenomenon: On the Example of Works by N. S. Leskov // Mediterranean Journal of Social Sciences // 2015. Vol. 6. № 3S7. Yune. Special Issue. P. 91–96.

Поступила в редакцию 12.05.2016

№ 5 (158). С. 105–109 **Филологические науки** **2016**

УДК 821.161.1.09«19»

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАВАРКИНА
кандидат филологических наук, ведущий редактор Издательства ПетрГУ, научный сотрудник кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mvnikulina@mail.ru

УТОПИЯ И МИФ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»*

Рассматривается взаимодействие утопии и мифа в повести А. Платонова «Джан». Утопия и миф пересекаются в повести как в московском, так и азиатском хронотопах. Мир прошлого, связанный с историей народа джан и укорененный в мифе, сопрягается с утопическим настоящим главного героя, которое, в свою очередь, подпитывается неомифологическим сознанием новой социалистической эпохи. Зоной взаимодействия утопии и мифа становится, прежде всего, мифологизированное сознание персонажей. Оно проявляется на уровне двух взаимосвязанных тем в творчестве писателя: памяти и смерти. Другая зона взаимодействия утопии и мифа – зороастрийский миф, положенный в основу философского подтекста произведения. Этот миф имеет решающее значение для раскрытия главной темы повести «Джан» – темы свободы воли. В статье проанализированы две редакции повести и сделан вывод, что метаутопическая двойственность в решении темы свободы воли, возможно, является сознательной установкой писателя.

Ключевые слова: А. Платонов, повесть «Джан», миф, мифологическое сознание, утопия, метаутопия

Повесть А. Платонова «Джан» (1934–1935) наряду с другими повестями 1930-х годов посвящена теме строительства социализма, но писатель работал над ней в ином историческом контексте. На XVII съезде ВКП(б) (1934) обсуждался план второй по счету пятилетки и была поставлена задача развития союзных республик. В 1934–1935 годах А. Платонов совершает две поездки в Туркмению: работает вместе с другими писателями над «коллективной книгой» о советском востоке[1]. В заявке на участие А. Платонов так обозначил тему своей второй поездки: «Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины <…> в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой» [1: 400]. Итогом поездок стали статьи «О первой социалистической трагедии» и «Образ будущего человека», очерк «Горячая Арктика», киносценарий «Карагез», рассказ «Такыр» и повесть «Джан»[2]. К этому времени Е. И. Колесникова относит также создание бóльшей части фрагментов незаконченного романа «Македонский офицер» [9: 69–70].

Азия произвела на А. Платонова двойственное впечатление: с одной стороны, она «глиняная, бедная и пустая» [16: 357], с другой – «велика и интересна» [16: 364]. Туркмения становится для писателя источником мифологических и сказочных сюжетов. В одном из писем к жене он признавался, что собрал богатый фольклорный и мифологический материал, так же как «когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи» [16: 364].

В заявке на участие А. Платонов определял жанр будущего произведения как повесть, однако исследователей больше интересует «вторая природа» жанра, и они предлагают несколько определений, порой взаимоисключающих друг друга: миф, легенда, мистерия, притча, утопия, антиутопия, метаутопия и др. В советское время вопрос о смешении утопии и мифа в повести рассматривался в свете «движения» А. Платонова от мифологического сознания к социалистическому [18: 33]. В современной исследовательской литературе этот вопрос поднимается в контексте спора об утопической/антиутопической направленности повести «Джан» [4].

Э. Я. Баталов развел «утопию» и «миф»[3] как «продукты» индивидуального и коллективного сознания [2: 81–82]. Итальянский исследователь А. Петруччани корректирует эту точку зрения: по его мнению, миф с конца античности становится методологической основой утопии, важным элементом утопического мышления [14]. В связи с этим стали появляться исследования по мифологической образности литературной утопии [5].

Утопия и миф в повести «Джан» постоянно пересекаются независимо от того, в каком хронотопе они существуют: московском или азиатском. Утопическая идея Чагатаева, направленная в будущее, – сделать «счастье среди одной земли» [17: 132], с одной стороны, «проверяется» на истинность в стране «мифологического прошлого» – на его родине, с другой – постоянно подпитывается новым мифологическим сознанием социалистической эпохи.

Путь Чагатаева можно трактовать двояко: в социально-утопическом контексте – как путь героя на родину, чтобы построить социализм;

© Заваркина М. В., 2016

в мифологическом – как символический путь во имя спасения народа. Если условно разделить повесть на три части (в первой – события происходят в Москве, во второй – в Средней Азии, в третьей – снова в Москве), то кульминационной сценой в совмещении двух планов – утопии и мифа – можно считать сцену разговора Чагатаева с секретарем ЦК партии. Назар перестает быть только уполномоченным партии, он обретает черты мифологического героя, цель которого – построить рай на родной земле:

«– Я поеду <…> Что мне там делать? Социализм?

– Чего же больше! – произнес секретарь. – В аду твой народ уже был, пусть поживет в раю…» [17: 131].

В греческой мифологии герой – это полубог, рожденный от земной женщины и бога, «психологически он связан с архетипом Отца» [15: 78]. В советской литературе с образом мудрого отца прежде всего ассоциировался Сталин, при этом сам он «не участвует в действии <…>. На ход дела влияют его метонимические субституты, прежде всего его слово, образ и взгляд» [6: 756]. В повести «Джан» метонимическим выражением Сталина становятся его портреты, на которых он «походил на старика, на доброго отца всех бездомных людей на земле» [17: 128]. С архетипом отца был связан и сталинский миф о «великой семье». Как пишет Е. А. Яблоков, «семейно-политическая образность стала функционировать» в творчестве А. Платонова уже с середины 1920-х годов: Платонов, «придавая образу вождя патерниальные черты <…> в характерном стиле “реализует” идеологические штампы» [25: 520, 522]. Главная цель Назара – ввести народ джан в большую советскую семью, поэтому в описаниях народа подчеркивается детское начало: А. Платонов рисует образ «народа-ребенка». Например, мать Назара была «легкой, воздушной, как маленькая девочка» [17: 146], старикам из народа джан «нужно начинать жить сначала, подобно ребенку» [17: 146], учиться заново элементарным вещам.

Образ народа джан и в целом тема народа, народной судьбы сближает повесть А. Платонова с эпосом, эпической традицией. Но «абсолютное прошлое» в повести «Джан» «оживает», а «абсолютная эпическая дистанция» исчезает. Мир прошлого, связанный с историей народа джан и покоящийся на мифе, сопрягается в повести с утопическим настоящим главного героя. Зоной взаимодействия утопии и мифа, в первую очередь, становится мифологизированное сознание персонажей. Оно проявляется на уровне двух взаимосвязанных тем в творчестве писателя: памяти и смерти.

В повести различаются три «вида» памяти:

1) память о себе в других (например, Чагатаев мечтает быть отцом Ксени и «вечной памятью в ее душе» [17: 125], а когда в детстве его забывает мать, он чувствует себя несуществующим: «Назар в недоумении попробовал свои ноги и тело: есть ли он на свете, раз его никто теперь не помнит и не любит» [17: 121]);
2) память о других (Назар постоянно вспоминает мать, Веру, Ксеню);
3) память о себе самом (народ джан, например, ее утратил, а, по мнению Назара, «позабыв или не заметив, что живешь», можно умереть [17: 146]).

Память о себе народ джан подменяет памятью о своих вещах, имущество связывает человека с жизнью. Так, мать Чагатаева заботится о том, чтобы «цело было ее хозяйское добро, потому что кроме него у нее не было связи с жизнью и прочими людьми» [17: 153], она носит все свои вещи с собой, отчего ее кофта кажется раздутой [17: 165]. Отсутствие вещи, принадлежащей человеку, может означать, что человека не существует: «Чагатаев <…> с сожалением поглядел во внутреннюю тьму своего шкафа; скоро он забудет его, и запах одежды и тела Чагатаева навсегда исчезнет из этого деревянного ящика» [17: 114]. Сакральное отношение к вещи характерно не только для азиатских сцен, где подобный фетишизм исторически объясним[4], но и для московских, вполне «реалистичных», сцен.

Роль имущества играет и человеческое тело. Так, Вера чувствует боль своего тела и приходит к выводу, что если «ей пришлось бы раздать свое тело до последнего остатка <…> и этот последний остаток мучился бы с тою же силой, как все тело вместе с одеждой, инвентарем и удобствами…» [17: 127]. На родине Чагатаев становится случайным свидетелем разговора мужа с женой: «При нашей бедности, кроме моего тела, какое у тебя добро?» [17: 152]. Отношение к телу как к последнему добру приводит к тому, что человек начинает относиться к другому как к субъекту, а к себе как к объекту. Например, Назар «любил ощущать другую жизнь и другое тело, ему казалось, что там есть что-то более таинственное и прекрасное, более существенное, чем в нем самом» [17: 196]. Или: «…ему жалко стало своего тела и своих костей – их собрала ему некогда мать из бедной своей плоти <…> Он почувствовал себя, как чужое добро…» [17: 190–191]. По мнению Н. Скакова, это символизирует желание героев выйти за пределы своего тела: «…в ходе скитаний тело осознается как коллективная ценность, но оно же растрачивается и претерпевает аномальные деформации и нагрузки. Впоследствии душа становится телом, а тело душой» [21: 227].

Еще один уровень взаимодействия утопии и мифа в повести – преломление утопической идеи Назара через зороастрийский миф, положенный в основу философского подтекста произведения. С мифом об Ормузде (Ахура-Мазда) и Аримане (Ахриман), светлом и темном началах в зороастризме, Платонов мог познакомиться во время своего пребывания в Туркмении, а также через поэму «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси [3: 161].

Миф об Ормузде и Аримане рассказывает Чагатаеву старик Суфьян, как только герой

вступает на родную землю (глава 5). Во второй раз Чагатаев вспоминает о нем в главе 15, когда у него получается в первый раз добыть для народа еды и почти довести до «границы пустыни» [17: 195]. Как и в древнеперсидской легенде, Ормузд у Платонова – «чистый бог счастья», «защитник земледелия», «любитель тишины в Иране», а Ариман – покровитель кочевников, жителей «черных мест Турана» [17: 137][5]. Но отношение Платонова к Ариману, который олицетворял в зороастризме зло, ложь и являлся разрушителем человеческого сознания, не так однозначно: «Может быть, одного из старых жителей Сары-Камыша звали Ариманом <…> и этот бедняк пришел от печали в ярость. Он был не самый злой, но самый несчастный, и всю свою жизнь стучался через горы в Иран, в рай Ормузда, желая есть и наслаждаться, пока не склонился плачущим лицом на бесплодную землю Сары-Камыша и не скончался» [17: 137–138]. Ариман ставится писателем в один ряд с сиротами из народа джан, он такой же «усталый» бедняк, вынужденный терпеть несчастья, а Ормузд оборачивается жестоким богачом. Таким образом, А. Платонов трактует азиатский миф с позиций мифа социалистического, так как согласно логике повествования восторжествовать должен Ариман, ведь он не по своей воле олицетворяет злое начало.

Зороастрийский миф имеет решающее значение для раскрытия главной темы всего произведения – темы свободы воли. Назар почти добился своей цели: вывел народ к плодородным землям, но герой вдруг начинает сомневаться: «Отчего он (Ариман. – *М. З.*) не сумел быть счастливым? Может, оттого, что для него судьба Ормузда и других жителей дальних, заросших садами стран была чужда и отвратительна, она не успокаивала и не влекла его сердце, – иначе он, терпеливый и деятельный, сумел бы сделать в Сары-Камыше то же самое, что было в Хорасане, или – завоевал бы Хорасан…» [17: 195].

Герой приходит к выводу, что царство Ормузда, ставшее для одних олицетворением благоустроенного рая земного (сада), для других может вовсе не быть идеалом, к которому надо стремиться. Именно поэтому народ джан не остается на плодородных землях, а расходится в разные стороны в поисках своего счастья и своей собственной судьбы. Попытка Назара ввести свой народ в мифологическом плане в царство Ормузда, а в социально-утопическом плане – в мир цивилизации, в большую советскую семью – не увенчалась успехом. Понимание счастья как физической сытости уже не устраивает главного героя, поэтому и дилемму всех антиутопий (начиная с поэмы «Великий инквизитор» Ф. Достоевского) – что важнее: «хлеб насущный» или свобода – платоновский герой решает для себя вполне «антиутопически»: «…самим людям виднее, как им лучше быть. Достаточно, что он помог им остаться живыми, и пусть они счастья достигнут за горизонтом…» [17: 210]. На этом заканчивалась первая редакция повести. В таком виде повесть не приняли, и А. Платонов делает вставку на сорока шести страницах, которая разрывала 16-ю и последнюю главы [10: 236]. В архиве сохранились заметки писателя о втором варианте повести: «При чтении этой рукописи просьба иметь в виду следующее:

Автор сделает другой вариант второй половины повести, а именно: народ джан достигает реально-возможного для современного человека состояния блаженства» [18: 33].

Во второй редакции Чагатаев собирает разбредшийся народ, который теперь живет в сытости и готов к размножению. Избрание Ханом старшей – свидетельство появления зачатков государственности. Кроме того, повесть могла спасти введенная тема Сталина как «отца народов», популярная в 1930-е годы [10: 236], о чем говорилось выше.

По мнению некоторых исследователей, введенная тема «отца народов» свидетельствует о ряде уступок А. Платонова тоталитаризму в середине 1930-х годов [7], [12]. На первый взгляд, во второй редакции А. Платонов, действительно, рисует утопический вариант социализма, при котором народу не придется выбирать между «хлебом насущным» и свободой. П.-А. Будин считает, что в целом понятие свободы в повести подвергается сомнению и противопоставляется счастью, что «утопия социалистическая, социалистический рай одновременно актуализируется и отрицается <…> что делает произведение уникальным с точки зрения жанра» [4: 151]. По мнению Н. Скакова, «неопределенность концовки является частью художественной судьбы повести – это документ эпохи, отражающий ее противоречия» [21: 216]. Е. Е. Рогова считает, что двойственный финал строится на парадоксе, который является следствием «сознательно используемой Платоновым амбивалентной позиции» [19: 44, 36]. Р. Чандлер, анализируя две редакции повести, приходит к выводу, что «в первоначальном варианте повесть воспринимается более сжато и целостно, но одновременно и более абстрактно. В расширенном варианте “Джан” теряет нечто от неизбежности мифа, но приобретает широту романа» [24: 53].

Сложно сказать, является ли метаутопическая двойственность в решении темы свободы воли в повести «Джан» результатом вынужденной авторской правки или это сознательная традиционная установка писателя на неоднозначность и двойственность смысла. «Центр сюжета повести (как жанра вообще. – *М. З.*), – пишет Н. Д. Тамарченко, – испытание героя <…> Но в этом жанре оно связано с необходимостью выбора (судьбы, позиции) и, следовательно, с неизбежностью этической оценки автором и читателем решения героя» [22: 87]. Традиционной чертой поэтики А. Платонова становится, наоборот, сложность в определении «этической оценки

автора», вследствие чего вся ответственность возлагается на читателя.

В обеих редакциях повести финал остался неизменным, а потому он несет особую смысловую нагрузку. Чагатаев уходил «просвещать-спасать» народ джан социализмом, а вернулся в Москву с кротким сознанием вечного ученичества человека в жизни, героем «сердечного знания». Путь-возвращение героя можно рассматривать и как поиск матери-души, и как поиск родства с миром, и как поиск себя. Циклический сюжет, усиленный в повести мифом, указывает на внутренний подтекст «возвращения» как «возрождения» героя к новой жизни, в которой идея поверяется любовью. Финальную фразу повести А. Платонов правил трижды, искал необходимую формулу для выражения сущности обновления главного героя: «Чагатаеву *всегда казалось*, что помощь к нему придет лишь от другого человека»; «Чагатаеву *показалось сейчас*, что помощь к нему придет лишь от другого человека»; «Чагатаев *убедился* теперь, что помощь к нему придет лишь от другого человека» [10: 235]. В первом варианте отсутствует мотив «прозрения» и рисуется образ «равного самому себе», «готового» героя. Во втором варианте перемена в герое подается как временное, иллюзорное событие. В окончательной редакции дана динамика становления героя, рождения его в новом качестве и, что немаловажно, убежденность самого героя в значимости и необходимости этой перемены.

Повесть «Джан» аккумулирует в себе искания А. Платонова и завершает цикл повестей 1930-х годов. Художественный диалог утопии и мифа определяет сложную жанровую структуру произведения. Назар Чагатаев в финале повести приходит к идее «меры» – идее разумного соединения ума и чувства, души и тела, истины и счастья, идеи и жизни. Таким образом, государственная утопия, прошедшая через испытание мифом, корректируется в повести «личной» утопией главного героя.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее о поездках см.: [10: 217–246], [20].

[2] Повесть «Джан» была опубликована в 1964 году в журнале «Простор» (№ 9), но в усеченном виде. Подробнее о цензурной правке повести см.: [11: 125–129].

[3] Среди определений мифа можно назвать следующие: миф как жанр (Н. Фрай), как цельная система «первобытной духовной культуры» (С. Аверинцев), как первобытная «идеология» (А. Ф. Лосев), как «хранилище человеческого опыта» (К. Юнг). Есть и негативные трактовки, например, мифом называет «фашистскую доктрину» А. Гулыга (подробнее см. [8]). Е. М. Неелов предлагает различать: а) древний миф (миф в собственном значении); б) новый миф (бытование мифа в новое время); в) переносное значение слова «миф» как «выдумка», «чепуха»; г) миф как иллюзия [13: 13–14].

[4] О существовавшей в архаическую эпоху традиции хоронить умерших с их имуществом, то есть «со всем их прошлым бытием», писал К. Хюбнер [23: 212].

[5] Противопоставление Ирана и Турана в социально-экономическом плане как противостояние оседлого образа жизни и кочевого, а в метафизическом – как добра и зла – было широко освещено в персидской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив А. П. Платонова. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
2. Баталов Э. Я. В мире утопий: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
3. Бороздина П. А. Зороастрийская легенда в повести А. Платонова «Джан» // Андрей Платонов: исследования и материалы: Сб. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 161–167.
4. Будин П.-А. Библейское, мифическое, утопическое: анализ повести Платонова «Джан» // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 149–156.
5. Гончаров С. А. Мифологическая образность литературной утопии // Литература и фольклор: вопросы поэтики: Межвуз. сб. науч. трудов. Волгоград: ВГПИ, 1990. С. 39–48.
6. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743–784.
7. Зейфрид Т. Смрадные радости марксизма: заметки о Платонове и Батае // Новое литературное обозрение. 1998. № 32 (4). С. 48–59.
8. Козлов А. С. Миф // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стлб. 559–561.
9. Колесникова Е. И. Малая проза Андрея Платонова: художественные константы. Принципы публикации. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. 496 с.
10. Корниенко Н. В. История текста и биография Платонова // Здесь и теперь. 1993. № 1.
11. Корниенко Н. Наследие А. Платонова – испытание для филологической науки // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4: Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 117–137.
12. Найман Э. «Из истины не существует выхода». А. Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 233–250.
13. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 200 с.
14. Петруччани А. Вымысел и поучение: утопия как литературный жанр // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 98–112.
15. Пивоев В. М. Философия надежды, или Мифология. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 108 с.
16. Платонов А. «…я прожил жизнь»: письма 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. 685 с.
17. Платонов А. П. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2011. 624 с.
18. Полтавцева Н. Г. Критика мифологического сознания в творчестве Андрея Платонова. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 36 с.
19. Рогова Е. Е. Творчество А. Платонова 1930-х годов: духовно-нравственное состояние общества и искания писателя. Воронеж: ВГПУ, 2006. 144 с.
20. Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив А. П. Платонова. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 398–407.

21. Скаков Н. Пространства «Джана» Андрея Платонова // Новое литературное обозрение. 2011. № 107 (1). С. 211–230.
22. Теория литературных жанров: Учебное пособие. М.: Академия, 2012. 256 с.
23. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
24. Чандлер Р. Платонов и Средняя Азия // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5: Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 47–55.
25. Яблоков Е. А. Хор солистов: проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 776 с.

Zavarkina M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

UTOPIA AND MYTH IN A. PLATONOV'S SHORT NOVEL "DZHAN"

The article is concerned with the problem of interaction between such phenomena of A. Platonov's short novel "Dzhan" as the myth and utopia. The myth and utopia of the studied short novel intersect both in Moscow and Asian chronotope. The world of the past, based on the myth and associated with the history of the people of Dzhan, conjugates with utopian reality of the story's protagonist. This reality is fueled by the neo-mythological consciousness of the new socialist era. Mythologized consciousness of the characters turns into the zone of interaction between the myth and utopia. In the works of the writer this phenomenon is manifested at the level of two interrelated themes: memory and death. Zoroastrian myth becomes another area of interaction between the myth and utopia. The myth underlies the philosophical subtext of the story "Dzhan". The myth is crucial to the disclosure of the main theme of the story "Dzhan" – the theme of free will. The article analyzes two versions of the short novel. We came to a conclusion that the meta-utopian ambivalence of the solution of the theme of the free will is, perhaps, a conscientious directive of the writer.

Key words: A. Platonov, "Dzhan", myth, mythological consciousness, utopia, meta-utopia

REFERENCES

1. *Arkhiv A. P. Platonova. Kniga 1* [Archive of A. P. Platonov. Book 1]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. 696 p.
2. Batalov E. Ya. *V mire utopiy: pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh* [In the world of utopia: five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 319 p.
3. Borozdina P. A. Zoroastrian legend in Platonov's short novel "Dzhan" [Zoroastriyskaya legenda v povesti A. Platonova "Dzhan"]. *Andrey Platonov: issledovaniya i materialy: Sb. trudov.* Voronezh, VGU Publ., 1993. P. 161–167.
4. Budin P.-A. Biblical, mythical, utopian: analysis of Platonov's short novel "Dzhan" [Bibleyskoe, mificheskoe, utopicheskoe: analiz povesti Platonova "Dzhan"]. *Tvorchestvo Andreya Platonova: issledovaniya i materialy*. *Kniga 4.* St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. P. 149–156.
5. Goncharov S. A. Mythological imagery of literary utopia [Mifologicheskaya obraznost' literaturnoy utopii]. *Literatura i fol'klor: voprosy poetiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* Volgograd, VGPI Publ., 1990. P. 39–48.
6. Gyunter Kh. Archetypes of the Soviet culture [Arkhetipy sovetskoy kul'tury]. *Sotsrealisticheskiy kanon*. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 2000. P. 743–784.
7. Zeyfrid T. Fetid pleasures of Marxism: notes about Platonov and Batai [Smradnye radosti marksizma: zametki o Platonove i Batae]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 1998. № 32 (4). P. 48–59.
8. Kozlov A. S. The Myth [Mif]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moscow, Intelvak Publ., 2001. Colm. 559–561.
9. Kolesnikova E. I. *Malaya proza Andreya Platonova: khudozhestvennye konstanty* [Small prose of Andrey Platonov: the artistic constants]. St. Petersburg, FGBOU VPO "SPGUTD" Publ., 2012. 496 p.
10. Kornienko N. V. History of the text and the biography of A. Platonov [Istoriya teksta i biografiya A. Platonova]. *Zdes' i teper'*. 1993. № 1.
11. Kornienko N. The Legacy of A. Platonov – the test of philological Sciences [Nasledie A. Platonova – ispytanie dlya filologicheskoy nauki]. *"Strana filosofov" Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000. Issue 4. P. 117–137.
12. Nayman E. "There is no exit from the truth". A. Platonov between the two utopias ["Iz istiny ne sushchestvuet vykhoda". A. Platonov mezhdu dvukh utopiy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994. № 9. P. 233–250.
13. Neelov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [Magical-fabulous the roots of science fiction]. Leningrad, LGU Publ., 1986. 200 p.
14. Petruchchani A. Fiction and teaching: utopia as a literary genre [Vymysel i pouchenie: utopiya kak literaturnyy zhanr]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: Antologiya zarubezhnoy literatury.* Moscow, Progress Publ., 1991. P. 98–112.
15. Pivoev V. M. *Filosofiya nadezhdy, ili Mifologiya* [The philosophy of hope or mythology]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2011. 108 p.
16. Platonov A. «*…ya prozhil zhizn'*»: *pis'ma 1920–1950 gg*. ["…I've lived my life": letters, 1920–1950]. Moscow, Astrel' Publ., 2013. 685 p.
17. Platonov A. P. *Shchastlivaya Moskva: roman, povest', rasskazy* [Happy Moscow: novel, short novel, stories]. Moscow, Vremya Publ., 2011. 624 p.
18. Poltavtseva N. G. *Kritika mifologicheskogo soznaniya v tvorchestve Andreya Platonova* [Criticism of mythological consciousness in the works of Andrei Platonov]. Rostov-na-Donu, Rostov State University Publ., 1977. 36 p.
19. Rogova E. E. *Tvorchestvo A. Platonova 1930-kh godov: dukhovno-nravstvennoe sostoyanie obshchestva i iskaniya pisatelya* [Andrei Platonov's prose of the 1930-ies: the spiritual and moral state of the society and pursuits of the writer]. Voronezh, VGPU Publ., 2006. 144 p.
20. Rozhentseva E. Experience documenting of Turkmen travel of A. Platonov [Opyt dokumentirovaniya turkmenskikh poezdok A. P. Platonova]. *Arkhiv A. P. Platonova. Kniga 1*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. P. 398–407.
21. Skakov N. Space of "Dzhan" by Andrei Platonov [Prostranstva "Dzhana" Andreya Platonova]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 107 (1). P. 211–230.
22. *Teoriya literaturnykh zhanrov: Uchebnoe posobie* [The theory of literary genres: A training manual]. Moscow, Academiya Publ., 2012. 256 p.
23. Khyubner K. *Istina mifa* [Truth of the myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
24. Chandler R. Platonov and Central Asia [Platonov i Srednyaya Aziya]. *"Strana filosofov" Andreya Platonova: problemy tvorchestva.* Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. Issue 5. P. 47–55.
25. Yablokov E. A. *Khor solistov: problemy i geroi russkoy literatury pervoy poloviny XX veka* [Choir of soloists: challenges and heroes of the Russian literature of first half of XX century]. St. Petersburg, DMITRIY BULANIN Publ., 2014. 776 p.

Поступила в редакцию 12.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 (158). С. 110–114 **Филологические науки** **2016**

УДК 821.161.1.09 “17”

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ГЛАРИАНТОВА
старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
fetia2006@yandex.ru

ПЕРЕВОД «ПОСЛАНИЙ» ГОРАЦИЯ А. КАНТЕМИРОМ*

Рассматриваются особенности перевода А. Д. Кантемиром «Посланий» Горация, одного из самых больших и законченных его переводов. Описывается состав перевода (Посвящение, Предисловие, Житие Квинта Горация Флакка, сам перевод, комментарии, Таблицы трудов Горация), представлены сопоставительные примеры русификации латинского текста переводчиком, анализируется часть комментариев Кантемира к переводу. Выделяются следующие черты перевода: некоторая русификация латинского автора, не мешающая тем не менее при чтении воспринимать особенности римского мира; избыточность перевода, которая приводит к увеличению объема русского текста по сравнению с латинским. Комментарии, выполненные Кантемиром к переводу, содержат огромное количество сведений о горацианском мире, от римских изысканных блюд до разъяснения философских концепций античности. Метрически перевод выполнен нерифмованными стихами с частыми переносами, что может объясняться ориентированностью Кантемира на опыты перевода античной литературы итальянскими переводчиками.

Ключевые слова: поэтический перевод XVIII века, история перевода античных авторов в России

Литературное наследие А. Кантемира включает множество самых разнообразных переводов, прозаических и стихотворных, но самые крупные и законченные из них – это переводы античных авторов, Горация и Анакреонта. Кантемир стремился переводить целые циклы античных поэтов («Послания» Горация, 55 Песен Анакреонта), желая представить читателю полную поэтическую картину иноземного автора.

Перевод «Посланий» Горация – 22 письма (около 2000 стихов) – Кантемир завершил в Париже к 1742 году (в скобках заметим, что в нынешней переводческой традиции Epistulae Горация принято называть «Посланиями», исходя из жанровой их природы, у Кантемира это «Письма», что соответствует буквальному epistulae). В 1744 году в издании Петербургской Академии наук перевод десяти писем был издан вместе со стиховедческим трактатом «Письмо Харитона Макентина»[1]. Полностью, помимо десяти упомянутых писем, перевод остался неизвестен современникам. Полная публикация его была осуществлена только в 1867 году в издании под общей редакцией П. А. Ефремова.

Свой переводческий труд Кантемир адресует в виде стихотворного посвящения императрице Елизавете Петровне. «Посвящение» было приписано к переводу лишь в марте 1743 года в связи с последней попыткой автора издать свои сочинения. Однако в единственном прижизненном издании 1744 года его нет. Уже в «Посвящении» Кантемир определяет морально-этическое содержание переведенных им Посланий:

> К нравов исправлению творец писать тщался,
> Искусно хвалить везде красну добродетель,
> И гнусное везде он злонравие хулит:
> Ты и добродетели лучшая защита.

Далее, обращаясь к Елизавете:

> Сильнее, приятнее венузинца звоны,
> Но я твоим говорю языком счастливым,
> И хоть сладость сохранить не могли латинских,
> Будут не меньше стихи русские полезны (385)[2].

Дидактическую направленность перевода Кантемир подчеркивает и в особом Предисловии: «Для того и я желая дать на нашем языке опыт перевода латинских стихотворцев, чаял, что не мог бы сыскать лучшаго, а из его сочинений выбрал я его Письма, для того что оне больше всех его других сочинений обильны нравоучением» (384). Далее следуют краткое «Житие Квинта Горация Флакка» – «едва ли не первый опыт критико-биографического портрета в новой русской литературе», по замечанию З. И. Гершкович [2: 488], а также «Таблица писем Горациев» с перечислением переведенных писем и кратким их содержанием.

Замечательную часть перевода составляют подробнейшие примечания Кантемира, обозначившие глубоко филологический подход к переводу. Обширные комментарии, буквально к каждой строчке, дают толкование трудных мест, исторических и мифологических реалий, значение новых слов. А. А. Дерюгин так пишет об этой удивительной черте перевода: «…с момента своего появления стихотворный перевод вышел за пределы дилетантских экспериментов и поднялся до научной филологической работы» [3: 28]. Сам Кантемир в «Предисловии» объясняет необходимость подобных примечаний заботой о читателях, об их «услаждении и просвещении»: «Нужнее еще было изъяснить обычаи древние, обряды и другие вещи, и имена лиц, о которых в Письмах Горациевых упоминается, понеже без

© Глариантова Е. В., 2016

того не только мало бы услаждение читатель от них получить мог, но часто были бы и совсем не вразумительны. Для того примечания большую часть труда моего составляют» (386).

Согласно описанию Е. Э. Бабаевой, перечисляющей состав библиотеки А. Кантемира [1: 18], сатирик, очевидно, пользовался изданием Горация 1727 года Андре Дасье. Это было издание с параллельными французским и латинским текстом и историко-критическими комментариями[3]. По свидетельству А. А. Веселовского, обширное издание Дасье не избегло обычного недостатка изданий того времени, когда возможно было самое вольное отношение переводчика к оригиналу. Во французском переводе Гораций трактовался как galant, philosophe courtisan, l'homme du monde, завсегдатай французских салонов. Римская жизнь, соответственно, освещалась с этой точки зрения и отражала жизнь французского общества. Как саркастически замечает А. А. Веселовский, «Классический Рим стал городом преимущественно французским: принцы, короли, министры, генералы, пажи, лейтенанты, grandes dames и куртизанки, напудренные, завитые, в костюмах Людовика XIV-го <…> населяли его. Это был Рим, условный, литературный» (4)[4]. Можно предположить, что указанная черта французского перевода могла косвенно повлиять и на особенность перевода Кантемира, поскольку текст перевода дает множество примеров «русификаций» латинского автора. Кантемир, следуя принципу, который позже, в 60-х годах XVIII века, назовут «теорией склонения на наши нравы», сближает горацианский мир с чертами русского быта. Приведем некоторые примеры. В скобках к словам из перевода Кантемира указаны номер письма и номер стихотворной строки, рядом для сравнения – латинское слово из текста Горация[5] с указанием номера соответствующего стиха и точным словарным переводом. Итак, в переводе обнаруживаются: рубашка (I, 129) вместо tunica (туника, 96); новый кафтан (I, 128) – subucula (нижняя туника, 95); багряница (VI, 52) – chlamys (в тексте форма chlamydum, плащ, широкое шерстяное греческое верхнее платье мужчин, 44); епанча (I, 129) – toga (тога, 96); еще во множественном числе епанчи (XVII, 35) – pannus (в тексте форма panno, кусок сукна, шерстяной материи, тряпье, лохмотья, 25). Является в переводе «толста шуба» (XI, 22) – paenula solstitio (верхний дорожный длинный плащ в солнечную погоду, в жаркое время, 18), которую Кантемир комментирует так: «Епанча во время солнцестояния. Пенула епанча толстая, употребляема в дождь и в студеное время, дорожная епанча. Я шубу в переводе употребил, понеже нашему обычаю не меньше чем намерению стихотворца соответствует» (457). Еще одну «шубу» находим в Письме VII (13–14): «И беречь будет себя, и сжавшись в шубу, читать станет», тогда как у Горация совсем не упоминается одежда: ad mare descendet vates tuus et sibi parcet contractusque leget (поэт твой придвинется к морю и пощадит себя и, сжавшись, будет читать; 11–12). Кантемир сам добавляет «шубу» к латинскому подлиннику, простодушно поясняя: «…я прибавил в шубу понеже зимою она не вредит, и мера стиха нужду в ней имела» (437). В тексте перевода попадаются: башмаки (X, 52) – calceus (полусапоги сенаторов, 42); щегольское платье (XIV, 45) – decuere togae (украшенная тога, 32); узкий кафтан (XVIII, 45) – arta toga (тесная тога, 30). В «обрусевшем» античном мире четырехструнная цитра (cithara, II, 32; II, 53), а также лира (lyra, XVIII, 43) превращаются в гусли (II, 31, 64; XVIII, 62); медовый пирог (mellita placenta, X, 11) в пряник (X, 13); домашняя утварь (supellex, V, 7) в стола прибор (V, 11); салфетка (mappa, V, 22) в утиральник (V, 30); чаша (lanx, V, 23) в кружки и блюдца (V, 31); ларь для зернового хлеба (cumeram frumenti, VII, 30) в житный амбар (39). Домашний быт Руси встречается повсюду: лавки (VII, 65), пять изб (XIV, 3–4) – quinque focis (2); заднее крыльцо (V, 40) – posticus (31) – задняя дверь; предворотня (VI, 31, в примечаниях поясняется как «сени некои на столбах») – porticus (портик, крытая галерея, 26); подклети (I, 122) – cenacula (верхний этаж под крышей, жилище бедных, I, 91). Кантемир тут же поясняет, что замена произведена им по сходству функций cenaculum и подклети: «Горницы самыя верхния в доме под самою крышою. Подклети напротиву самыя нижния; да обыкновенно у нас служители и убогие люди живут в подклетях, для того я ту речь употребил» (405). Римский атриум (atria servantem, V, 31) превращен в переднюю (41), с примечанием, дающим целый синонимический ряд определений: «Атрии, сени, передняя, крестовая, где челобитчики и стряпчие ожидали их патрона и защитника» (Т. 1: 426). Перед нами возникают: столичный город Рим (VII, 59) – regia Roma (правящий Рим, 44); уезды (IV, 2) – regio (область, 2). Изысканный римский стол, «забавы столывая», например, блюдце зелий (V, 2) – holus patella (чаша с травами, овощами, 2) вызывают насмешки переводчика, в особенности деликатес из трав: «…и буде смеешь ужинать одним блюдцем зелий. Правду сказать, не весьма жирной ужин, на котором одно блюдцо зелий представлено, и к съедению такого пира не много храбрости нужно; для того *смеешь* в смех от Горация употреблено» (422). В переводе обнаруживается пестрый сословный мир пореформенной Руси: «проситель, что торчит в передней» (V, 41) – cliens (клиент, покровительствуемый, 31), челобитчики и стряпчие (комментарий к V, 41); моты (VII, 26) – prodigus (расточительный, 20); дворяне (VIII, 1) – comites (спутники, свита чиновников и знатных лиц); писцы – scriba (письмоводитель, 2); должность в купечестве (VII, 92) – mercennaria vincla (обязательные занятия за плату, 67); вельможи (XVII, 2) – maiores (сенат, знать, богачи, 2); приказчики

(XIV, 1) – vilicus (управляющий виллой, 1); любезные девицы и красны отроки (XVIII, 106) – pueri pulchri, carae puellae (красивые мальчики, милые девушки, 74); мóлодцы (II, 33) – iuventus (молодые люди, 29), которым «кудри помазаны духами пристали» (XIV, 45) – nitidi capilli (блестящие волосы, 32). На страницах перевода встречаем: работники (I, 116) – fabri (ремесленники, мастеровые, 87); балберы (I, 123) – tonsor (цирюльник, 92); дядьки (I, 140) – curator (опекун, 102); грубые поселяне (II, 42) – rusticus (деревенский, 42); ученая свита (III, 7) – studiosa cohors (ученое множество, толпа, 6); бабки (IV, 10) – nutricula (кормилица, 8); красна девица (V, 36) – potior puella (более привлекательная девушка, 27); докучники (VI, 53) – inportunus (грубый, наглый, 54); уставщики и стражники (VII, 7) – designator et lictor (распорядитель и ликтор, нижнее должностное лицо, 6), свобожденники (VII, 65) – adrasum (обстриженный, по обычаю освобожденных невольников стригли, 50). Появляются генерал-лейтенанты (XV, комментарий к 15 стиху) вместо наместников, полковники в войске (IV, комментарий к 3–4 стихам) вместо военных трибунов; градоправители (2 кн., I, комментарий к 229 стиху) – вместо эдилов; весь синклит сановитый (2 кн., I, 99) – cuncti paene patres (почти все отцы – сенаторы, 81); действователи (XVIII, 21) – mimus (пантомимик, мим, 14); сводчики (VII, 73) – praeco (глашатай, 56); откупщики (2 кн., II, 96) – redemptor (подрядчик, поставщик, 72); волхвы (2 кн., I, 281) – magus (волшебник, 213); подложницы (XIV, 35) – meretrix (блудница, 25); похлебники (2 кн., I, комментарий к 224 стиху) – parasitus (блюдолиз). В этом вполне обрусевшем Риме божатся (I, 22) – iurare (клясться, 14); оставляют тяжбы (V, 8–9) – mittere causam (отправлять дело, 9–10); дела приказны (VII, 10) – opella forensis (службы, относящиеся к форуму, 8); бьют челом (VII, 20) – benigne (весьма благодарен, 16); холопы справляют посольство (VII, 82) – dic ad cenam veniat (скажи, пусть он придет к обеду, 60–61); приходят на поклон (VII, 93) – domum mane venisset (приходить по утрам в дом, 68); откупают подати и таможни (I, 104) – gestit conducere publica (радостно желает откупать государственное имущество, 77); посещают «позорище» (I, 6) – ludus (игра, 3); и даже способны скакать медведем (XIV, 36) – salias terrae gravis (отяжелев, прыгать по земле, 26); в вонючем кабаке (XIV, 21) – uncta popina (засаленный трактир, 21) или в корчме (XI, 15) – caupona (трактирчик, 12).

Однако подлинный исторический мир Рима раскрывается Кантемиром в примечаниях. Так, комментируя лишь первые два стиха Письма I:

> Меценате, петый мне первыми стихами
> И которого еще в последних петь стану,

Кантемир дотошно разъясняет, кем был Меценат, каковы были его род и положение при дворе Августа, приводит другие стихи Горация, ему посвященные; толкует употребление слова «сказывать» вместо «петь» у греческих и латинских поэтов, приводит различные поэтические наименования муз по названиям их жилищ, упоминает о делении произведений Горация на два разряда: лирические и философские. Столь же тщательно комментируется почти каждая строчка переводимого текста. Таким образом, «латинская» часть перевода, подобно подводной части айсберга, скрывается именно в примечаниях.

Комментарии к переводу Горация помимо историко-филологических сведений содержат множество философских рассуждений Кантемира. Восторгаясь мудростью Горация, переводчик комментирует ее по-своему, стремится сделать ее полезной для читателя. Так, рассуждая о счастье, Кантемир пишет: «Напрасно мы ищем истинное свое благополучие в знаменитых достоинствах и богатстве, все то, что рождает в нашем сердце боязнь и желание, рождается от того, что мы легко чудимся, легко всяким вещам дивимся. Следовательно, кто хочет быть истинно счастливым, должен отложить то удивление, которое совсем противно добродетели, которая в том состоит, чтоб иметь ум покойный, ничем ни подвижный, ни устрашаемый, ни удивляемый» (426).

Обширные примечания, часто иронического характера, вызывало упоминание у Горация о богах и божестве. «У многобожцев не только небо было богами набито, но и ад имел своих богов» (527). «Лаверна – покровительница воров и обманщиков, потому без сумнения она больше всех других служителей имела» (483). «Как скоро стихотворцы произошли и Бахус их причислил к своему двору и самые музы, богини наук, пьянству предалися» (507). Иногда Кантемир сближает мифологические существа античности с персонажами русских верований: «Сатиры и фавны. Род лесных полубогов, Бахусу подвластных; мы чаю лешими называем… много склонности к женам и к вину» (507). Однако не всегда Кантемир ироничен в рассуждениях о божествах: «Древние философы, как и мы, уверены были, что истинная мудрость от Бога с небес происходит»; «Толкования естествословцев всегда будут неудовлетворительными и всегда будет неизбежно признавать, что Бог, собрав воды и, оградив землями, предел им положил, его же не преидут» (418, 462). Комментарии вмещают в себя даже астрономические сведения, умело прикрепленные к толкованию горацианских стихов. Здесь мы находим замечания о вращении вокруг солнца, о движении звезд и других небесных тел, о лунных затмениях и т. п.: «…можно также разуметь то о затмениях лунных, когда тень земли отымает ей свет солнечный, и те затмении иногда больше, иногда меньше…» (462).

При всем стремлении к соответствию перевода перевод «Посланий» не эквилинеарен и по объему значительно превышает латинский текст. Превышение может достигать до $^{1}/_{3}$ объема подлинника. Например: в Письме I соотношение

оригинала с переводом Кантемира составляет 108 строк к 147, в Письме XIII – 19 к 29 стихам. Важно отметить, что расширение текста перевода происходит не по причине намеренных «украшений» и перифраз. Перевод увеличивается за счет разъяснений, своеобразных поэтических комментариев внутри самого текста. Можно сказать, что Кантемир напряженно стремится к избыточности перевода, заботясь, видимо, о правильном понимании читателя. Так, во II Письме два латинских стиха (26, 27) разрастаются в 4 строчки перевода.

Гораций: nos numerus sumus et fruges consumere nati,
sponsi Penelopae nebulones Alcinoique (235)
Кантемир: Себя можем мы узнать в женихах докучных
Пенелопы, что число умножат лишь годы
И рождены пожирать плод земли бездельно.
Мы моты и молодцы Алциновой свиты
(410–411).

«Numerus» распространено в «число умножат лишь годы», а «nebulones» (бездельники) превращены в «мотов и молодцов».

Перевод «Посланий» выполнен Кантемиром силлабическим тринадцатисложником, без рифмы, белыми стихами («свободными» – по определению Кантемира). П. Н. Берков считает этот перевод без рифмы первым в русской литературе опытом применения белого стиха[6] (1043).

Кантемир хорошо знал ведущиеся в Европе споры о правомерности перевода стихов стихами и по поводу того, возможны ли в поэзии нового времени стихи без рифмы. В «Предисловии» к переводу сам Кантемир ссылается на опыт итальянских переводчиков: «Предводителями и примером нам в том служат многих народов искусные стихотворцы. Итальянские творцы почти всех латинских и греческих перевели на таких стихах без рифмы (versi sciolti у них называемые)» (386). Эта традиция существовала еще со времен Возрождения: итальянцы, «зная, что у греков и римлян рифмы не было, считали ее выдумкой извращенного варварского вкуса… мечтали изгнать ее из поэзии – хотя бы из высокой поэзии античного образца» [4: 202]. Ориентированность перевода Кантемира именно на итальянскую традицию подтверждается множеством иных фактов итальянского влияния на его творчество. Существуют отдельные работы, изучающие роль итальянской культуры XVIII века в поэтической практике и литературной мысли Кантемира[7] [4], [5], [6].

Однако еще одной причиной перевода «Посланий» белыми стихами Кантемир называет стремление к точному, дословному переводу оригинала: «Перевел я те Письма на стихи без рифмы, чтобы по близку держаться первоначального, от которого нужда рифмы понудила бы меня гораздо отдаляться» (385). А. А. Дерюгин предположил, что, стремясь к дословному переводу, Кантемир мог ориентироваться также и на издания немецких переводчиков, практиковавших публикацию буквальных переводов как пособий для изучающих иностранные языки [3: 29–30]. Подобная педагогическая цель подтверждается самим переводчиком: «Во многих местах я предпочел переводить Горация слово от слова <…> я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать… по латински не умея, но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно вразуметь» (386).

Подводя итог, мы можем выделить следующие характерные особенности перевода «Посланий» Горация: во-первых, некоторая русификация римского мира, произведенная Кантемиром для удобства восприятия читателем горацианского текста, однако заметно, что русификация эта не зашла слишком далеко и настоящий римский мир, от особенностей блюд до философии стоиков, тщательно раскрывается переводчиком в подробных комментариях. Во-вторых, перевод превышает по объему латинский текст за счет комментариев и внутри самого стихотворного перевода: видно, как Кантемир старается точно передать латинское понятие, но не всегда может обойтись одним словом и вынужден это сделать описательно, распространяя иногда одно слово до нескольких строк. С точки зрения метрики перевод выполнен белыми стихами с частыми переносами в соответствии с итальянской традицией перевода античных авторов, на которую принципиально ориентируется Кантемир. Таким образом, перевод русского сатирика «Посланий» Горация – это выдающийся памятник переводческой практики начала XVIII века. К сожалению, он почти не был опубликован и стал известен публике целиком только спустя более столетия. Но для истории перевода этот материал не потерял своей ценности, так как позволяет уяснить уровень переводческого мастерства А. Кантемира и его теоретические взгляды на перевод.

* Статья подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Квинта Горация Флакка Десять писем Первой книги. Переведены с Латинских стихов на Русские с примечаниями и изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. Перепечатаны в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук. 1744.

[2] Текст А. Д. Кантемира приводится по: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Кантемира с портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В. Я. Стоюнина / Под ред. П. А. Ефремова. Т. I. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. СПб.: В типографии И. И. Глазунова, 1867. 611 с. В круглых скобках указывается страница.

[3] Oeuvres d'Horace par Mad-e Daçier. Amsterdam, 1727. In 8, 10 t.
[4] Веселовский А. А. Кантемир – переводчик Горация (Классический мир в представлении русских писателей первой половиной XVIII века) // Отдельный оттиск из Известий отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XIX. (1914). Кн. 1. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1914. 17 с.
[5] Текст Горация приводится по: Q. Horatii Flacci. Opera / Ed. S. Borzsák. Leipzig: B. G. Teubner, 1984. 362 p. В круглых скобках указывается страница.
[6] Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. 1935. № 10. С. 1039–1056.
[7] Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. I. Кантемир и итальянская культура // XVIII век: Сборник статей и материалов / Ред. А. С. Орлов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83–102.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е. Э. Кантемир-энциклопедист: к постановке вопроса // Русский язык конца XVIII – начала XIX века. Вопросы изучения и описания. Сборник 3 / Отв. ред. В. М. Круглов. СПб.: Наука, 2009. С. 7–38.
2. Гершкович З. И. Примечания // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 431–525.
3. Дерюгин А. А. Тредиаковский-переводчик: становление классицистического перевода в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 189 с.
4. Майелларо Д. Кантемир и Италия // Arbor mundi / Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 6. М.: РГГУ, ИВГИ, 1998. С. 199–209.
5. Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век: Сборник статей и материалов. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. С. 53–61.
6. Boss V. La quatrième ode de Kantemir et "L'Italia liberata" de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 47–55.

Glariantova E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSLATION OF HORACE "EPISTLES" BY A. KANTEMIR

Characteristic features of A. D. Kantemir's translation of Horace's "Epistles" are studied in the article. This translation is one of the largest and most complete works of the author's literary contributions. The article describes the structure of the translation in focus (Dedication, Preface, Horace's biography, the translation itself, multiple comments, and a list of the works conducted by Horace). It also presents comparative examples of the Russian and Latin texts and analyzes the author's comments on the conducted translation. Characteristic features of the translation include: some russification of the Latin author, which does not prevent understanding of particular characteristics of the ancient Roman world, and excessive redundancy, which increases the volume of the Russian text if compared to the Latin one. Comments, made by Kantemir on his translation, contain a lot of information on Horatian world: from Roman dishes to the interpretations of ancient philosophies. A. D. Kantemir translated Horace's "Epicleles" without rhymed verses' employment with frequent relocation of verses to the next line. This phenomenon can be explained by his orientation on the experience of ancient Italian translators.

Key words: poetic translation of the XVIII century, history of translation of ancient authors in Russia

REFERENCES

1. Babaeva E. E. Kantemir as a lexicographer: a statement of the problem [Kantemir-entsiklopedist: k postanovke voprosa]. *Russkiy yazyk kontsa XVIII – nachala XIX veka. Voprosy izucheniya i opisaniya. Sbornik 3* / Ed. V. M. Kruglov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. P. 7–38.
2. Gershkovich Z. I. Comments [Primechaniya]. *Kantemir A. D. Sobranie stikhotvoreniy.* Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1958. P. 431–525.
3. Deryugin A. A. *Trediakovskiy-perevodchik: stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii* [Trediakovskii – a translator: formation of the classic translation in Russian]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1985. 189 p.
4. Mayellaro D. Cantemir and Italy [Kantemir i Italiya]. *Arbor mundi / Mirovoe drevo. Mezhdunarodnyy zhurnal po teorii i istorii mirovoy kul'tury.* Issue 6. Moscow, RGGU, IVGI Publ., 1998. P. 199–209.
5. Serman I. Z. Antioch Cantemir and Francesco Algarotti [Antiokh Kantemir i Franchesko Al'garotti]. *XVIII vek: Sbornik statey i materialov.* St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Compil. 21. P. 53–61.
6. Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 47–55.

Поступила в редакцию 17.06.2016

№ 5 (158). С. 115–116 **Рецензии** **2016**

УДК 271.2

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petrsu.ru

Рец. на кн.: **Федоров П. Н. Православный словарь Кольского Севера. – СПб.: Международный банковский институт, 2016. – 231 с.**

В Санкт-Петербурге при поддержке Российского гуманитарного научного фонда вышло оригинальное издание справочного характера – «Православный словарь Кольского Севера». Автор данной работы – Павел Викторович Федоров, доктор исторических наук, профессор, чьи научные исследования широко известны за пределами Заполярья. Но Словарь П. В. Федорова – это не только результат многолетних трудов автора по изучению историко-культурного пространства Кольского Севера. Появление Словаря было вызвано целым комплексом факторов: теоретических и практических, общественных и личностных. Возрождение православия на постсоветском пространстве Заполярья выразилось в восстановлении монашеских традиций края, активизации верующих к созданию общин, храмов, православных СМИ, возобновлению паломнических поездок. Поэтому книга, способная собрать большой объем систематизированной информации о православии на Кольской земле, стала насущной потребностью, прежде всего, для православных христиан. Учитывая же сложность миграционных процессов Кольского края в XX веке, для многих современников история православия на Севере известна лишь фрагментарно. Поэтому Словарь П. В. Федорова имеет, на наш взгляд, большой просветительский и миссионерский потенциал. Нельзя не признать важности еще одной функции Словаря – мемориальной, поскольку издание стало благодарной памятью сотням «делателей» на православной ниве: святым угодникам, иерархам РПЦ, монашествующим, мирянам.

Не вызывает сомнения научное значение издания, основу которого составляет большой, разнообразный, систематизированный, во многом малоизвестный документальный массив. Успешность работы с научным материалом при создании Словаря была определена сотрудничеством автора с А. А. Малашенковым, историком-генеалогом Заполярья, а также с Е. Р. Михайловой, заведующей краеведческим отделом Мурманской областной библиотеки. Таким образом, «Православный словарь Кольского Севера» стал достойным подарком колянам к 100-летию города Мурманска. Об этом свидетельствует как авторское посвящение издания, так и документальная ретроспектива первых страниц Словаря, что, безусловно, является интересной творческой находкой автора.

Структура Словаря достаточно традиционна для такого рода справочных изданий. В предисловии автор делает краткий экскурс в историю православия на Кольском Севере; акцентирует внимание на целеполагании издания, его специфике, комплексе задач, которые призван реализовать рецензируемый Словарь. При этом П. В. Федоров не претендует на то, что издание осветило все аспекты заявленной темы. Напротив, автор осознает объективные и субъективные факторы недостатка наших сегодняшних знаний в области региональной истории православия, обозначая перспективные направления историкам, демографам, религиоведам, культурологам и социологам.

Для облегчения восприятия основной информации в начале издания автор поместил две тематические карты храмостроений Кольского Севера, указание об алгоритме работы читателя со Словарем, список сокращений, употребляемых в книге.

Основная часть Словаря представляет собой 682 статьи по теме «Православие на Кольском Севере», расположенные в алфавитном порядке словника. Они различны по объему, но едины в тематической и структурной заданности. Заявленная дефиниция раскрывается в темпоральной, географической, историко-культурной специфике. Заключением каждой статьи является список информационных источников.

Оставаясь верным антропологическому принципу, автор Словаря акцентирует внимание на персоналиях тех, чьими трудами крепло православие на Кольской земле в минувшие эпохи и развивается доныне. Можно только представить, какой кропотливый труд был осуществлен по сбору и систематизации 300 биографических сведений об архиереях, священнослужителях, монашествующих, благотворителях и иных радетелях православной веры в Заполярье. Как свидетельствует Словарь, имена многих из них – достояние не только региональной истории, но всех сопредельных территорий. Пример тому – систе-

© Ружинская И. Н., 2016

матизация сведений о династиях священников. Внимание к данному обстоятельству существенно расширяет возможности Словаря в научно-исследовательской деятельности, поскольку позволяет реконструировать целые поколения деятелей РПЦ в исторической ретроспективе. Включение в Словарь персоналий православных меценатов также уместно, поскольку являет нынешним благотворителям достойные подражания примеры.

Треть статей Словаря посвящена святыням Кольского Севера: храмам, монастырям, иконам, святым источникам, поклонным крестам. Унификация названий храмов облегчает поиск информации о них, а картографическая визуализация материала мотивирует читателя к очно-заочным путешествиям. Большинство статей о храмах Кольского Севера имеет иллюстративное сопровождение, что позволяет читателю осуществить первичное знакомство с архитектурными особенностями упоминаемых в Словаре культовых построек. Анализ их словника, приведенный автором, дает возможность проследить типологию построек, их ландшафтно-географическую динамику и эволюцию посвящений на Кольском Севере. Этот фактор, на наш взгляд, доказывает широкие потенциальные возможности Словаря в краеведческой деятельности школьников под руководством исследователя-учителя.

Важной частью Словаря является материал по исторической географии региона, включающий сведения о больших и малых населенных пунктах Кольского Севера, приходах, погостах в их исторической ретроспективе. Это позволяет читателю увидеть историко-культурное пространство всего региона и отдельных его местностей в динамике развития.

Нельзя не отметить еще одной важной особенности Словаря – отсутствия навязываемого читателю авторского мнения. Для изданий подобной тематики очень ценно соблюсти меру авторского «голоса» в содержании текстов; не впасть в апологетику, с одной стороны, и атеистический сарказм – с другой. Словарь П. В. Федорова деликатен и к самому объекту исследования, и к потенциальному читателю, оставляя за ним право собственных выводов.

Отдельно следует акцентировать внимание на полиграфической стороне рецензируемого издания. В единой концепции с тематикой Словаря выстроено макетирование книги: тексты, иллюстрации, оформление. На лицевой стороне обложки Словаря помещено изображение прп. Трифона Печенгского, выполненное в иконографической традиции. В руках апостола Севера свиток с историческими словами: «Не ослабевайте, братия, упованием на Бога». «Православный словарь Кольского Севера» поможет понять содержание сказанного, но постичь глубину святого пророчества каждый читатель волен по-своему.

В завершение сказанного остается только сожалеть, что «Православный словарь Кольского Севера» П. В. Федорова вышел столь малым тиражом в 300 экземпляров. Можно предположить, что данное обстоятельство сделает книгу библиографической редкостью, а дополнительный тираж издания будет поддержан всеми заинтересованными лицами.

Поступила в редакцию 01.06.2016

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен с 1 декабря 2015 года в новый Перечень ВАК по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37987 выдано 2 ноября 2009 г.).

Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования с 2008 года, информация об опубликованных научных статьях предоставляется в течение недели после даты выхода очередного номера. Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN 1998-5053 (Print). Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» и в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.). Архив журнала передается в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещается на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru, а также в «Университетской библиотеке онлайн» (http://biblioclub.ru); в открытой научной электронной библиотеке «CYBERLENINKA» и размещается по адресу: cyberleninka.ru.

Доставка обязательных экземпляров журнала в Российскую книжную палату (16 экз.) и Книжную палату Республики Карелия (3 экз.) осуществляется с 2008 года.

В 2009 году заключен договор с ОАО «Агентство “Роспечать”» на подписку по каталогу «Издания органов научно-технической информации», подписной индекс – 66094.

Журнал бесплатно рассылается более чем в 30 российских вузов и за рубеж: в Национальную библиотеку Конгресса США, в библиотеки университетов Финляндии, Западно-Саксонского университета прикладных наук в Цвиккау (Германия), Института исследований Восточной и Юго-Восточной Европы (Регенсбург, Германия), Тартуский университет (Эстония), Харьковский университет (Украина) и Белорусский ГУ (Минск).

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Все публикуемые научные статьи имеют аннотацию и ключевые слова как на русском, так и на английском языке, библиографические списки и References, оформленные в соответствии с правилами журнала.

Статьи принимаются в течение года. Публикация статей бесплатная.

Все поступающие в редакционную коллегию рукописи после регистрации проходят этап обязательного конфиденциального рецензирования.

Приглашаем к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и студентов Петрозаводского государственного университета, а также других вузов и научных учреждений Карелии, России и зарубежных стран. Мы будем рады разместить ваши материалы на страницах журнала!

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Razumova I. A.
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ACTIVITIES ON MEMORY PERPETUATION OF THE SAILORS PERISHED ON BOARD OF "KURSK" SUBMARINE **7**

Shikalov Yu. G.
REGIONAL IDENTITY DEVELOPMENT OF VYBORG POPULATION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS **13**

Kulagin O. I.
THE STATE PLANNING COMMITTEE OF THE USSR AS AN INSTITUTION REGULATING THE SOVIET FOREST ECONOMY (THE SECOND HALF OF THE 1940s–1980s) **21**

Pashkova T. V.
STARTLE AS THE CAUSE AND TREATMENT OF DISEASES IN KARELIAN FOLK MEDICINE ... **26**

Shorokhova I. V.
POLITICAL EDUCATION OF WRITERS AND THEATRICAL INTELLIGENTZIA OF KARELIA DURING THE PERIOD OF "KHRUSHCHEV'S THAW"..... **30**

Ondrikov K. V.
THE SOCIAL STRUCTURE OF VOLOGDA'S ZEMSTVO IN 1870–1917 ..... **35**

Saburov A. A.
HUMAN RESOURCING OF THE SOVIET ARCTIC RESEARCH IN 1920-s **41**

PHILOLOGICAL SCIENCES

Sadova T. S.
ETYMOLOGICAL MAGIC IN RUSSIAN INTERPRETATIONS OF DREAMS **46**

Vorotilina E. N., Nikolaeva O. O.
OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT "THE PAST" IN GERMAN LINGUISTIC WORLD VIEW (CASE STUDY OF BERNHARD SCHLINK'S NOVELS)..... **50**

Kamitova A. V.
UDMURTS' TRADITIONAL UNDERSTANDING OF THE BOOK AND THE WRITING SYSTEM.... **55**

Kyurshunova I. A.
BALTIC-FINNISH AND SAMI NAMINGS AS COMPONENTS OF REGIONAL ANTHROPONYMIC SYSTEM (ACCORDING TO THE XV–XVII CENTURIES' MATERIALS OF WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA) **64**

Neganova G. D.
MAPPED APPELLATIVE TOPONYMS OF THE VOLGA RIVER FAIRWAY: ITS STRUCTURE AND PRINCIPLES OF NOMINATION **73**

Khazieva-Demirbash G. S.
ETHNOCULTURAL SPACE OF PERSONAL NAMES IN TURK-TATAR EPOSES..... **77**

V. Liu
MATRIXES AS VARIATIONS OF STEADY STRUCTURES IN PROFESSIONAL TERMINOLOGY OF ATHLETES **83**

Drannikova N. V.
"CAPTAIN'S VILLAGE": ON LOCAL IDENTITY OF PATRAKEEVKA VILLAGE INHABITANTS IN PRIMORSKY DISTRICT OF ARKHANGELSK REGION **88**

Izmest'eva I. A.
RHYTHMICAL FEATURES OF CHRONICLES "ON BORISOV'S MURDER" **95**

Starygina N. N.
MOTIVE AS A TOOL OF CONTEXTUAL REPRESENTATION OF SHORT CHRISTMAS STORIES BY N. S. LESKOV **98**

Zavarkina M. V.
UTOPIA AND MYTH IN A. PLATONOV'S SHORT NOVEL "DZHAN" **105**

Glariantova E. V.
TRANSLATION OF HORACE "EPISTLES" BY A. KANTEMIR **110**

Reviews

Ruzhinskaya I. N.
The book review: Fedorov P. N. The orthodox dictionary of the Kola North **115**

Info for the authors **117**